

ВЛАД
ДОБРЫЙ

МЁРТВЫЙ ЗАПАД

Джимми едет на восток

Сухой ветер гоняет радиоактивную пыль по старым дорогам Северной Америки. Огромные мегаполисы стоят разрушенные и пустые. Но все еще есть места, где люди живут и работают, растят детей и, иногда, бывают счастливы. В огороженных стеной поселениях, в укрепленных фермах, на прикрытых стрелками выпасах.

А отчаянные смельчаки в бронированных дилижансах поддерживают сообщение между этими островками спокойствия. Там, за стенами, лежат огромные пространства земли, захваченные тем, что враждебно любому человеку. И среди самых опасных и пустынных мест, на покинутых дорогах, можно встретить охотников за злом, чей век короток, внешность обманчива, а слова сухи как пыль пустыни. И появление одного из них у ворот города означает беду.

И надежду.

Глава 1. Плохие знаки

Жесткие пружинные колеса, обернутые "чертовой кожей", несли грузовичок по наезженной до каменной твердости земле, почти неслышно. Грунтовая дорога петляла среди зелёных холмов и небольших рощ, ведя Йема к затерянному в местной глуши поселению. Ещё до того как на горизонте показались очертания поселка, Йем почувствовал запахи, сопутствующие любому поселению в этих краях. Ветер приносил с собой гарь и чад кухонь, которые временами ощутимо перебивал крепкий дух стойла.

Грузовик, натужно пыхтя двигателем взобрался на пригорок с которого открылся неплохой вид на небольшой городок. Стоящий у обочины и изрядно побитый временем дорожный указатель сообщил всем, что они въезжают на территории города Палм Дезерт, штат Невада, с населением в полторы тысячи человек. Городок был обнесён добротным палисадом, со стрелковой галереей, заботливо укрытой навесом. Дорога обрывалась под створками ворот из массивных бревен, обитых железом. Над воротами выступающие и обложенные мешками стрелковые башенки. Ничего серьезного, но эффективно. Остановившись за несколько метров от ворот, грузовик тяжело качнулся, окутываясь облачками пыли, осыпавшейся с брони.

Дверь грузовика открылась, лязгнув толстым срезом стальной обшивки, и на дорогу неторопливо спрыгнул водитель. Тяжёлый кожаный плащ с высоким воротником и широкополая шляпа скрывали его лицо и фигуру, но виднеющиеся из специальных разрезах в плаще рукоятки богато украшенных револьверов наводили на некоторые мысли о профессии путника. Беспокойная у него профессия, какая бы она ни была.

— Дядька, тут бродяга какой то! — Из стрелкового гнезда в одной из башен высунулся тощий подросток, рискуя обронить арбалет или самому схлопотать пулю. Спустя несколько секунд открылось маленькое окошко в воротах и в нем замаячило сморенное личико и соломенная шляпа караульного — пожилого и настороженного. Он некоторое время изучал фигуру и бронированный грузовик, потом что-то невнятно и отрывисто приказал. На стрелковой галерее немедленно обозначились пара арбалетов и даже целый ружейный ствол. Окошко закрылось, зато открылась уже вполне пристойная калиточка слева от ворот, и караульный выбрался за ограду — пожилой дядёк заспанного вида, в мятой фермерской рубаше и растрепанной соломенной шляпе на голове. Подслеповато прищурившись, он некоторое время разглядывал водителя грузовика. В руках дядёк сжимал выдавшую виды охотничью винтовку.

Наконец, он смачно сплюнул сквозь зубы в придорожную пыль и спросил у водителя скрипучим голосом:

— Кто таков и чего надо?

— У меня дело в этом городе, — ровным тоном ответил водитель глядя в пространство перед собой, словно бы не давая себе труда обратить внимание на караульного. Сиплый, севший голос выдавал долгое одиночество путника — если он с кем и говорил последнюю неделю, то только со своим грузовиком.

— Эвон оно как, а какое, не скажешь, мил человек? Мы тут знаешь ли, люди занятые, по пустякам размениваться нам не резон. И всех, кто по дорогам слоняется, мы к себе не впускаем. Коль тебе чего продать аль прикупить надо, так ты ярмарочного дня дождись, а коль проехать через город потребно, то плати пошлину, один патрон, да езжай себе дальше!

Бродяг-то мы не любим! Впрочем третьего дня у бабки Мак Мерфи выгребную яму забило, так что если то по твоему делу, то да, прибыл ты как раз вовремя! Наш-то золотарь, Джонни, уже с месяц как преставился, помер — то с перепоею, горемыка наш черномазенький!

Край старой, вытертой от долгой носки широкополой шляпы водителя грузовика поднялся под порывом ветра, открыв бронзовое от загара лицо, с плотно сжатыми тонкими губами. Ветер и солнце оставили на лице путника множество морщин — свидетельства долгих странствий. Но некоторые глубокие шрамы остались на память о чем-то менее обезличенным. Холодный взгляд серых глаз незнакомца прервал монолог дядька, которому явно хотелось поговорить с кем-нибудь, что называется, «за жизнь». Путник медленно поднял руку и отогнул жесткую кожу ворота плаща, одновременно слегка повернув голову, давая привратнику возможность разглядеть цветную татуировку на своей шее.

Старик подслеповато прищурился, машинально немного наклонившись вперед, хотел было что-то сказать, но тут его глаза расширились — он узнал Знак. Мигом осекся и замешкался, потом перебросил винтовку за плечо, снял шляпу и склонив голову забормотал:

— Простите, сэр, мистер, не признал сослепу. Вы не сердчайте. Сейчас мигом все сделаем в лучшем виде, сэр! — водитель не удостоил его ответом и дядек, поспешно нахлобучив на голову шляпу скрылся внутри, и почти сразу ворота стали раскрываться. Водитель не заставил себя ждать и уже через несколько секунд грузовик ехал по центральной улице Палм-Дезерт в направлении городской ратуши.

Дядёк проводил его взглядом, с лицом раскаивающегося в своём поведении пьяницы, нервно теребя обоими руками скомканную и прижатую к груди шляпу. Но как только грузовик скрылся за углом он бросил шляпу на землю, и состроив на лице довольно злобную гримасу повернулся к удивленно наблюдающему за всем этим пареньку — дозорному на башне. Поймав взгляд паренька дядёк заорал:

— Ты идиот Том! Чёрт возьми, мне плевать, что у тебя задница вместо головы, но меня удивляет как тебе удаётся думать говном! Разве тебе неинтересно, что происходит в дуле ружья когда оно стреляет?! Давай загляни прямо сейчас и избавь меня старика от позора за такого племянника!

— Да в чём дело-то? — нервно крикнул Том сверху.

— В чем дело?! Дело в том что мой жопоголовый племянник не в состоянии отличить бродягу на старой развалюхе от рейнджера Ордена на броневике!

Глаза парнишки удивлённо распахнулись, и с некоторым страхом и огромным интересом он посмотрел в сторону скрывшегося за поворотом улицы грузовика.

Мэр города Палм Дезерт, толстенный, низенький человечек по имени Джей Гордон, почти вбежал в участок шерифа. У входа стоял совсем молодой парень, помощник «Чифа» (шериф предпочитал именно такое обращение), который вступил в свои обязанности всего пару дней назад. В руках паренек судорожно сжимал древнюю и очень ухоженную автоматическую винтовку, все пластиковые части которой были заменены искусно отделанным серебрянной проволокой полированным деревом. На стене участка висела огромная карта местности с отметками в виде флажков с указанием имен и дат. Перед картой стоял гость из Ордена. Мэр города по-бабьи всплеснул руками и кинулся к рейнджеру:

— Йем! Как же я рад тебя видеть! — судя по-всему, совершенно искренне запричитал он, и даже сделал движение руками, как будто бы хотел обнять пыльного путешественника,

но как-то засмутился.

— Расскажи мне все, — сухо сказал тот, кого называли Йемом. Подвинул к себе кресло шерифа, по-хозяйски опустился в него. Закинул ногу на ногу. Внимательно посмотрел на помощника шерифа, задумался о чем-то своем, затем принялся пристально рассматривать висящую на стене карту.

— Сходи в салун и принеси нам лимонад, — командным голосом бросил парню у входа мэр. Молодой человек насупился, с вызовом посмотрел в глаза Йему, но найдя во взгляде рейнджера только безразличие, фыркнул и вышел за дверь.

Гордон снял шляпу и промокнул платком вспотевшую лысину, искоса рассматривая Йема. Джей был мэром этого города уже двадцать лет и ему случалось иметь дело с Йемом раньше. Но обычно рейнджеры Ордена скитались по дальним фермам, подчищая от тварей дальние пастбища и помогая фермерам с особо прыткой нежитью. Иногда Йем просил помощи шерифа, иногда он говорил, что ему нужно от города. Обычно вода и еда, реже патроны или запчасти, но никогда ничего больше того, что действительно могло бы понадобиться одинокому страннику. Гордон любил этих суровых парней и всегда с удовольствием помогал им. Но если честно, то последние лет тридцать пять, в округе было довольно спокойно, а с небольшими неприятностями люди прекрасно справлялись сами — разве что только иногда приходилось вмешиваться Чифу с помощниками. И люди Ордена перестали заглядывать в Палм Дезерт. Но то, что Гордону нравилось в рейнджерах, в то же время сбивало его с толку. По долгу службы мэр научился понимать людей, их желания, их потребности. Ведь во всем и всегда человек пытается найти выгоду для себя и для своих. Так уж устроен человек. Но только не люди Ордена. Гордон не понимал Йема и каждый раз не знал, что от него ожидать. Мэр привычно начал думать о том как бы всё выставить в наилучшем для себя свете, но грубый голос заставил его вздрогнуть:

— Давненько я не видел таких свежих мертвяков, как на твоих дорогах, Гордон. Ты сменил шерифа? — Йем сдвинул чернильницу и стопку бумаг с края стола на его середину, а потом с видимым наслаждением закинул на него ноги. Шляпки гвоздей на подошве его сапогов образовывали многоугольную звезду в круге.

— Шериф пропал две недели назад, вместе с двумя хорошими ребятами, — сказал Гордон, и остановился, чтобы оценить произведённый эффект. Лицо рейнджера отразило такую же бурю эмоций, какую мог бы проявить кусок льда в стакане хорошего бренди. Гордон вздохнул и начал сначала, стараясь говорить коротко, ясно и по существу.

— Всё было спокойно, до позапрошлого месяца. Недель пять назад начали пропадать люди на дорогах. Шериф пошёл по следам и уверенно сказал, что речь идёт о компании упырей, рыла в четыре. Началась паника, фермеры отослали своих детей в город. Чиф снарядил три команды по шесть человек и отправился на охоту. Они гонялись за тварями две недели, и вроде бы отстреляли всех четверых. Но пропажи людей не прекратились. Хуже того, мы потеряли несколько ферм, — Гордон махнул рукой на карту окрестностей, висящую у него за спиной — А вон там, дней пятнадцать назад, твари вырезали одну из групп наших охотников. Шериф с ребятами пошёл по следу. Каждую пару дней он возвращался с пустошей к людям и присылал посыльного с известиями, и за припасами. Но дней десять назад он не вышел на связь. Я боюсь, Йем. Похоже, у нас завелась какая-то тварь вроде Горги, или даже Живоглота, — последнее слово Гордон выдавил с трудом. Губы, от долго сдерживаемого, но сейчас прорвавшегося наружу волнения затряслись.

— Ты попросил о помощи Орден четыре недели назад. Сразу после первых нападений.

Почему? — сухо спросил Йем.

— Люди потребовали, — улыбнулся Гордон. — Ты же знаешь как это бывает, даже самые стойкие иногда начинают сходить с ума. А у нас упырей не видели... — Гордон задумался, вспоминая. — Да уже около семи лет. Да и тот, последний, был свежачок, не больше десятка лет как обратился. А эти были с самого начала странные.

— Подробнее, — сказал Йем и опустив ноги со стола придвинулся к Гордону.

— Нууу, — замялся Гордон, — ещё до того как начали пропадать люди, на дальнюю ферму напало сразу полдюжины старых бродячих. Хозяина фермы ты знаешь, Лемм, суровый мужик. Он с семьёй отбился, положил в одиночку почти всех тварей до того как подросла подмога, сама же семья, хвала Всевышнему, вся целая. Но после той ночи Лемм слегка сдвинулся головушкой, — Гордон нервно ухмыльнулся. — говорил, что ходячими кто-то командует. И что в него даже стреляли из темноты. Продал ферму и двинул с семьёй куда-то в сторону побережья. А может к Дивизии подался, — Гордон сделал неопределённый жест рукой. — Но такого не бывает, ведь верно? Мертвяки или упыри могут сбиваться в стаи, они бывают довольно хитрыми... Но думать или подчиняться кому-то... Такого за ними отродясь не водилось! — и мэр пытливо заглянул в глаза Йема. На долю секунды ему показалось, что он уловил в сером океане безразличия тёмные тени беспокойства, он даже моргнул от неожиданности и присмотрелся внимательнее. Но нет, глаза рейнджера оставались такими же бесстрастными.

— Что-то ещё? — Ровным тоном спросил Йем.

— Ну из важного вроде всё. Ах да, мы наняли ватагу мародёров на броневике, так как не знали, что ты уже близко. Наверное, стоит аннулировать наше с ними соглашение?

Йем встал, поправил оружие и подошел к выходу. Он открыл уже дверь, но остановился перед порогом. Обернувшись вполоборота, спросил:

— Сколько ты им платишь?

Гордон пожевал губами, давая давнюю привычку не обсуждать свои денежные дела с посторонними, и все же сказал:

— Ты же понимаешь, все напуганы. Поэтому денег я не жалел. Пять баксов за мертвяка, триста за упыря. Полновесными серебряными долларами.

— Где они сейчас? — сказал Йем и задумчиво погладил рукоятку револьвера.

— Мародеры то? Только что вернулись и отправились куда и всегда. Будут пить в салуне. Уже неделю мотаются по окрестностям, отловили троих свежих мертвяков, все бывшие наши из пропавших. Пока это все их успехи, — ответил Гордон.

— У меня в броневике труп. Заплати мне за него, при них. Сделай так, чтобы они подумали, что я заберу их деньги, если сделаю работу раньше. И пусть они знают, что завтра я поеду на хутор Лемма.

Гордон бросил взгляд на карту шерифа. На ней были отмечены места исчезновений и нападений на людей. И почти в центре все этого находился хутор Лемма. Мэр встал и попытался догнать Йема, который быстрым шагом шёл в сторону гостиницы, лишь на секунду остановившись для того, чтобы забрать у наконец то появившегося помощника шерифа графин.

— Мы уже несколько раз проверяли это место! — крикнул Гордон, — Обшарили там все как пустынные бродяги чужой холодильник!

Йем сделал большой глоток прямо из графина и вновь полуобернувшись, бросил:

— Я сказал. Ты сделай. Думать можешь, но потом.

Гордон машинально прошёл ещё несколько шагов, дошёл до помощника шерифа и остановившись подле него. Потом посмотрел на парня, бросил взгляд на удаляющегося Йема и спросил:

— Мне показалось или он улыбнулся? — и тут же продолжил, не дожидаясь ответа, — Конечно показалось. Пошли со мной, нужно сделать кое-какое объявление в салуне.

Местный салун был похож одновременно на все такие салуны по эту сторону Скалистых Гор. И точно так же, как все салуны, обладал своим собственным, особым духом. Обветшалое двухэтажное здание из неровных рассохшихся досок совсем не украшало собой главную улицу. На втором этаже располагались крохотные клетушки для нечастых приезжих, которые хозяин гордо наименовал «номерами». Первый этаж занимала кухня и большой питейный зал. Полинявшая от яркого солнца вывеска сообщала посетителю о том, что он нашел себе приют в заведении старого Хэнка, носящим лаконичное и логичное в такой ситуации название «У Хэнка». Заведеньице, несмотря на достаточно дурную репутацию, тем не менее пользовалось большой популярностью у местного люда. Здесь можно было узнать свежие новости, поговорить о делах. А самое главное, выпить кружечку — другую доброго темного пива, сваренного на собственной старой Хэнка пивоварне. Или пропустить рюмочку ядерного бурбона, коим старика исправно снабжали окрестные фермеры-самогонщики. Когда-то случались в заведении и основательные драки, в основном с приезжими, которым (дракам) завсегда и всегда были чрезвычайно рады. Однако последний шериф оказался обладателем строгих нравов и твердой руки и восторгов местных бузотеров по поводу хорошего мордобоя после обильных возлияний не разделял. Посулив нарушителям спокойствия страшные кары — вплоть до изгнания из города — и выбив дурь из особо рьяных, он мигом навел порядок в Хэнковой вотчине и теперь любителям потасовок оставалось лишь с ностальгией вспоминать добрые старые годы, когда небо было ярче, трава — зеленее, кулаки — крепче, а у девок по две сиськи. Окна салуна потемнели от чада, у входа мирно посапывал свернувшийся калачиком местный любитель жидкости. Его не трогали — а чего тут такого, ну умаялся бедолага после трудов праведных, с кем не бывает?! Пусть отсыпается, горемыка.

За покосившейся стойкой в углу дремал старик-хозяин, немногочисленные в этот час посетители из числа ярых завсегдатаев развалились на обветшалых и донельзя скрипучих скамьях, провожая мутными взглядами двух проплывающих время от времени мимо девок-подавальщиц и крепко сжимали мятые жестяные кружки, словно боялись что те вот — вот отрастят себе ноги и убегут от нерадивых выпивох куда глаза глядят.

Белой вороной среди местного люда выглядел молодой парень, почти мальчишка, сиротливо притаившийся в самом дальнем углу салуна. Странная одежда, растерянный и удивленный взгляд — все указывало на то, что паренек нездешний. Стараясь не смотреть по сторонам он сосредоточенно ковырял вилкой в тарелке с нехитрой снедью. Издалека было видно что ненужного внимания к своей персоне мальчонка старается избегать. Совершенно, впрочем, напрасно — любой чужак в маленьком городке тут же становится центром внимания, не помогают никакие ухищрения. Вот и мальчишка не стал исключением. Местные уже давно присматривались к парню, оценивая, стоит ли овчинка выделки — мало ли что юнца соплей перешибить можно, видно ведь, что кровей благородных. Вдруг окажется что это сын какого-нибудь окрестного лорда, путешествующий инкогнито. Раскрутишь такого на стаканчик-другой виски, а потом явится его папашка со сворой

матерых головорезов и обдерет тебя как липку. У благородных на такой случай разговор короткий и к излишним сантиментам они не склонны. А то и вовсе, удар по морде затянутым в перчатку (чтобы не испачкаться) кулаком, затем неприятная пеньковая веревка на шею — и все, прощайте, друзья-товарищи, отправляюсь на Небеса. Так что, пожалуй, ну его от греха подальше, лорденыша этого.

Внезапно двери салуна распахнулись и в помещение ввалилась разномастная компания наемников мэра Гордона. И завсегда-таки тут же забыли о диковинном мальчугане, переключив свое внимание на явившихся джентльменов удачи. Вошедшие были с ног до головы изгвазданы в пыли, некоторые украшены пропитанными кровью бинтами и выглядели они грязнее, чем обычно. А судя по звериной озлобленности и без того не страдавших излишком добродушия рож, обтрепались они честно прочесывая заросли в поисках лежбища тварей, что не добавляет человеку душевного спокойствия. Кое-кто из местных, из тех кто потрезвее да поумнее, не выдержали соседства подобной публики и предпочли тихонечко удалиться, прошмыгнув вдоль стены к выходу.

Наёмники несли на себе все полагающиеся отметки своей профессии. Почти все могли похвастаться шрамами на лице, пудовыми кулаками и колючими взглядами. Выделялись двое. Огромного роста чернокожий парень, с добродушным лицом, всегда окруженный некоторым пустым пространством, и благообразного вида старичок, с мелкими, не запоминающимися чертами лица и и весьма добропорядочной седой бородой. Этаким дедушка с завалинки, в домотканой рубахе, просторных штанах и потертой куртке. Такому бы более пристало возиться с внучатами, или разводить пчел, или заниматься столярным делом. Но уж точно не ездить по пустыням в сомнительной компании матёрых ухорезов. Образ доброго старичка портил только заношенный патронташ и пустая кобура. Оружия, по крайней мере на виду, не было и у остальных, видимо местные законники все-таки додумались запретить пришельцам разгуливать по городу со стволами. Окинув присутствующих цепким и колючим взглядом, старик на секунду остановил внимание на притаившемся в углу лорденыше. Срисовав картину, он едва заметно ухмыльнулся, как будто оценил лишь одному ему понятную шутку.

— Драть в задницу этих упырей! Таскаемся как проклятые по этой долбанной пустыне целый день, а не добыли ни одной тушки! — пробасил один из наёмников, мужик особо злодейского вида, с голым как колено черепом и рваным шрамом на щеке. — Я сейчас блевать пылью начну! Слышь, хозяин, а ну-ка выставляй на стол все что есть, да не скупись, чертов жмот! Господа охотники обедать желают! И про выпивку смотри не забудь, старый обормот!

— Ну не кричи ты так, Дрейк, — устало и ласково произнес приличный старичок и возмутитель спокойствия мгновенно затих. — Не стоит оскорблять хозяев таким невежливым поведением. Мы же здесь в гостях. К тому же, старина Хэнк и без тебя знает, что делать.

Старина Хэнк понятливо кивнул и позвонил в подвешенный над стойкой надтреснутый колокольчик, призывая на свет Божий официанток. Те при виде новых посетителей явно вспомнили о каких-то неотложных делах в кладовке, но теперь неохотно двинулись к мрачной и голодной компании.

— Руфус! — Старик обернулся к здоровенному негру, замершему у дверей. Вид негр имел весьма добродушный и даже простоватый, этаким деревенский дурачок на городской ярмарке, чем сильно выделялся среди своих сотоварищей — Ты помоги доброму мистеру

Хэнку.

— Да смотри ничего не урони, образина черномазая, — Немедленно вставил лысый Дрейк, усаживаясь с остальными за стол.

— Ладно, босс, — кивнул здоровяк старику. И задержав тяжелый взгляд на Дрейке. И быстрым, неожиданно легким, для такого огромного тела, шагом, пошел на кухню. Навстречу ему подавальщицы уже несли первые подносы, заставленные тарелками с жареным мясом и кувшинами с выпивкой. Наемники за столом оживились, послышались возгласы и ругательства.

— Ну, ребяташки, кушайте! Набирайтесь силушек, — ележно произнёс старичок и добрым взглядом обвёл своих подопечных. — Я отойду. Мне нужно переговорить со стариной Хэнком.

Он подошёл к Хэнку и не спеша облокотился на стойку. Посмотрел на пустую кружку в руках Хенка. Хэнк с уважением во взгляде поспешил исполнить невысказанное желание посетителя и тут же наполнил её элем. Он даже протер стойку под ней своим грязным передником, после чего полированное дерево помутнело и перестало блестеть.

— Как внучата, Хэнк? — поинтересовался старый наёмник — Не озоруют?

— Озоруют, куда же без этого, — вздохнул Хэнк.

— Глаз да глаз за этими шпингалетами! — Подхватил старик, задирая клочковатые брови и кивая, — Мои, вот, тоже, — Кивок в сторону жрущих громил, — Чуть не уследил за каким, а он уж прирезал кого... Или сам кишки по соснам разбросал. Мальчишки, что с них взять.

Старик вздохнул и надолго припал к кружке. Хэнк, вытянув морщинистую шею, внимательно ждал продолжения, мысленно оценивая надежность своих тайников с серебром и тряпками. Однако сегодня у ласкового дедушки были другие планы.

— А скажи-ка, дружище Хэнк, что это за птенчик сидит воон там, в углу? — тихо спросил наемник и снова нырнул носом в кружку. Гулко продолжил, — Чегой-то я его раньше не видел, видать не местный?

— Так оно и есть, мистер Морган, — в тон собеседнику ответил хозяин салуна. — Из пришлых он, объявился здесь пару дней назад и принялся искать провожатых до Портленда, деньгу хорошую сулил, да только ищи дураков! Охотников соваться в такое проклятущее время за Ограду сейчас нет! Сидит тут, как прыщ на, прости меня Господи, и ждет с моря погоды!

— Деньгу хорошую, говоришь, сулил? — задумчиво произнес Морган, в то время как за его спиной слышался звон посуды, девичий визг и довольный гогот наемников. Намечающаяся пирушка явно развеяла скорбь потрепанной команды, — Да еще и в Портленд собрался? Ну что же, надо бы побеседовать с малым, авось и поможем бедняжке!

Громко скрипнула входная дверь. Шум за спиной внезапно затих. Обернувшись, Морган увидел высокого человека в потертом кожаном плаще и надвинутой по самые брови кожаной шляпе. Однако не привычная одежда путешественника бросилась в глаза бывалому старцу, а рукоятки револьверов, маячившие в прорезях плаща. Изогнутые, полированные от многих лет использования, явно продолжающиеся настоящим древним оружием.

— Кто это? — тихо спросил Морган у Хэнка.

— Орденщик! Давно их тут не видывали... — Так же тихо ответил бармен, отодвигаясь от собеседника. За свои тайники он окончательно перестал переживать. Сегодня мальчишкам старого Моргана будет не до них.

Не обращая на людей никакого внимания, рейнджер Ордена двинулся к стойке. Устроившись на видавшей виды высокой табуретке рядом с Морганом, он произнес глухим голосом, не глядя на хозяина:

— Еды. Воды. Комнату на ночь.

— Сию минуту, сэр! — Хэнк с неестественной резвостью метнулся из-за стойки и боком проковылял на кухню. Таких посетителей не доверяют коровам-подавальщицам, таких посетителей обслуживают лично. И потом рассказывают об этом всем желающим.

— Доброго здоровьяца вам, уважаемый, — сказал Морган, улыбаясь самой доброй улыбкой куда-то в ухо рейнджеру.

Йем даже не взглянул в его сторону. Добропорядочная борода Моргана на мгновение дернулась, когда тень недоброй гримасы исказил резиновую мордочку старика. Колючие глазки сузились.

— Милок, а ты ведь хамишь сейчас пожилому человеку, — Старичок говорил тихо-тихо и ласково. Но его слова прошуршали спрятанными под одеждой заточками и бумажками с надписью «Разыскивается за вознаграждение». Йем так же молча встал и отсел к дальнему концу стойки.

В этот момент в салун торжественно вошёл мэр, в сопровождении молодого помощника — или уже даже шерифа, чего уж там. Увидев Йема, мэр степенной походкой важного человека направился к нему. Молодой шериф остался у дверей салуна. Проходя мимо Моргана, Гордон сухо кивнул старику. Пирушка окончательно умерла, наемники заинтересованно уставились на начальников. Остановившись рядом с Йемом, Гордон обернулся ко всем оставшимся в заведении посетителям и зычно объявил в привычной для себя манере, как привык выступать на общественных собраниях:

— Вот наши беды и позади! Многие тут знают Йема, а кто не видел сам, тот много с нём слышал! — Мэр повернулся к рэйнджеру, торжественно высыпал на стойку перед ним три грубые серебряные монеты и продолжил, — Он ещё только прибыл в город, а уже принёс покой родственникам нашей бедной Дженни, которая пропала две недели назад. Теперь не пройдёт и нескольких дней, как всё станет как прежде! Йем быстренько отстреляет упырей, а уж с неупокоенными мы сами какнибудь справимся! — Мэр Гордон обернулся к Йему. Тот молча смотрел на мэра с обычным своим бесстрастным выражением. Гордон досадливо крикнул и снова обернулся к залу, но в этот раз скорее к наёмникам, — Завтра Йем отправится на хутор Лема, откуда всё началось. Я думаю, что он найдёт там гнездовище, вы же знаете, Храмовники чуют погань. И всё у нас будет хорошо.

Йем встал навстречу Хэнку, уже некоторое время стоявшему у стойки с подносом, и произнёс, указывая на лестницу:

— В комнату, — но перед тем, как Хэнк успел понять, что гость хочет отужинать в “нумерах”, Йем сделал ещё один скупой кивок на лежащие перед ним деньги, — Плата.

— Опаньки, чей-то я не догоняю — нараспев произнёс Дрейк, поднимаясь из-за стола, — Не, братва, вы гляньте, что тут делается! Мы здесь значит не доедаем, не допиваем, задница значит у нас в мыле, день-деньской за упырями носимся, живота своего не щадя, а тут на тебе! Заявился какой-то хмырь и все, прощайте наши денежки!

— Беспредел, братва! — визгливо крикнул сидящий рядом с Дрейком мелкий и какой-то колючий наемник — Да за такое и морду надо бить, а то и на перо посадить!

С нездоровым оживлением головорезы полезли из-за стола. Дрейк нарочито медленно, с улыбочкой, вытянул из-за голенища засапожный ножичек, провел по бугристому

предплечью и издевательски вытянул губы — сдул сбритые волоски. Товарищи его распространялись по залу словно нефтяная лужа, окружая мэра, и Йема неровным полукольцом.

Два выстрела громыхнули, сливаясь в один. Одна пуля разбила кувшин, который плюгавый готовил в качестве метательного снаряда, другая оставила заводилу Дрейка без ножа и двух пальцев. В помещении снова воцарилась тишина, которую грубо нарушил Дрейк, рухнув на колени. Уставившись на покалеченную руку, он глухо завыл. Все присутствующие, как загипнотизированные, уставились на дымящиеся стволы двух огромных револьверов в руках Йема.

— Шустрый какой... — потрясенно произнес кто-то из наемников. В это время за спиной Йема Хэнк аккуратно поставил поднос на стойку, ловким движением руки смел горсть монет в карман и, с рожденной годами практики плавностью, закончил движение вытащив из-за стойки устрашающего вида обрез. Без малейшего намека на подобострастие хозяин салуна произнес:

— За бой посуды у нас платить положено, миляги! Вот вы и заплатите!

Заморыш, еще несколько секунд назад требовавший крови, дернулся к выходу, но наткнулся на вставшего в дверях молодого шерифа с бледным, но решительным лицом. Юноша нацелил в грудь наемника ствол винтовки и взвел курок. За его спиной в дверном проеме маячило несколько силуэтов с оружием в руках и деловито клацали затворы.

— Экие шалопаи, ну расшумелись, разбедокурились! — Скрипуче пропел забытый в сутолоке Морган и вдруг оглушительно грохнул кружкой о стойку, и рывкнул на своих не хуже раненого упыря:

— А ну кыш под лавку, говно куриное! — и снова запел добрым деданькой, — Вы уж нас простите, люди добрые, ребятушки устали, все на нервах! Почитай целый день в трудах, аки пчелки майские! Все для вас, честной народ, старались!

Морган словно бы обрел два лица: то он размачивал местных в уютном дедушкином елее (кресло-качалка, сказка на ночь, какао в старой кружке на сон грядущий), то презрительно плевался словами в отступающих от него головорезов и отчего-то эта двуликость сбивала с толку и сдерживала от решительных действий и тех и других. Даже Йем с интересом наблюдал за эволюциями деда.

— Вы что это, мерзавцы эдакие, с глузду съехали, на храмовника руку подымать?! Да еще и в присутствии господина мэра с мистером шерифом на пару! — поворот, смена голоса, — А вы расходитесь, добрые люди, нечего тут стоять и ружжом в дедушку тыкать! Дедушка старый, в него уже таким тыкали, о чем вы даже и не догадываетесь! — еще поворот, снова смена голоса, — А ну бросили дубье, долбоклюи! Это же храмовник, человек божий, у него на таких, как вы, индульгенция пожизненная на пушках выгравирована, а вы на него с финками! Срамота подзаборная, скорбь небесная! И перевяжите уже кто-нибудь этого брадобрея хренова, пока он тут все в красный цвет не перекрасил! Дрейк, завали хайло! Будешь теперь отвечать за походные сортиры вместо Руфуса, если на левшу не переучишься! — снова метаморфоза, — Простите уж сорванцов моих, мэр Гордон, они больше не будут! — и опять своим, — Вы ведь точно больше не будете, хари неумытые?!

Наемники, явно осознав, что кобениться в данной ситуации себе дороже, закивали с полным раскаянием. Плюгавый молодчик уже обматывал руку Дрейка грязным посудным полотенцем.

— Ну если вы ручаетесь за их поведение, то, я думаю, инцидент исчерпан, —

прокашлявшись, степенно произнес мэр, про себя страстно желая выпить и помочиться. Или наоборот. Морган длинно и витиевато заверил его, что мальчики «не потревожат и овечки» в пределах городка. После чего Гордон сделал знак молодому шерифу и тот отступил от двери, позволяя беспокойным гостям покинуть салун. Йем же молча опустил револьверы в кобуру и пошел к лестнице с подносом в руках, направляясь в обещанный Хэнком “номер”. Позади разгоралась перебранка сучьего деда со стариной Хэнком касательно оплаты битой посуды и кровавых пятен на полу.

Поднимаясь по лестнице Йем услышал как старый Морган заканчивал распекать своих «внучат»:

— Ну что, ребятишки, отдых и попойка на сегодня отменяются, объявляю отбой, а с заходом солнца выдвигаемся в путь! — Йем, отвернулся. И его обветренные губы тронула злая усмешка. Все шло по плану.

Звуки ночью становятся невыносимо громкими. Скрипучая половица, звук которой едва замечаешь днём, ночью звучит как выстрел. Поэтому, когда наёмники под предводительством Моргана незаметно — как им казалось — погрузились в грузовик, завели древний движок и потащились в сторону ворот, из окон за ними не наблюдали разве что ленивые или глухие. Через несколько минут после того как грузовик скрылся, из дверей гостиницы вышел Йем. Он внимательно посмотрел на полную луну, слегка запятнанную ночными облаками и глухо произнёс:

— Время Ахримана. Вновь я загляну в глаза Даэны. Да осветит мой путь Победоносный Огонь!

Он открыл заднюю дверь своего броневика, стоявшего рядом с гостиницей. Внимательно осмотрелся. И легко вскочил в темноту кузова. Некоторое время было тихо, потом с лязгом хорошо смазанных деталей из чрева броневика на землю опустились стальные направляющие. И уже по ним на дорогу выкатился невиданный до того в городе агрегат.

Поверхности были покрыты лаковой черной эмалью, в ночном свете мягко переливалась полированная латунь трубок и поршней, угрожающая машина прочно стояла на трех широких колесах. Ось переднего колеса щетинилась по обе стороны лепестками широких лезвий. Глубокое седло было защищено по бокам решеткой из металлических прутьев. За седлом, высоким и зловещим паучьим горбом полыхал багровыми отсветами котел, пар из которого сочился через две плавно изогнутые, уходящие вверх трубы.

Плотно притворив двери фургона, Йем направился к паровому трициклу, держа в руках длинное ружьё с громоздким оптическим прицелом. И наткнулся на юношу, почти мальчика, в непривычной одежде, эдакого манекенчика из довоенных журналов, рекламирующих туристическое снаряжение. Запах лежалой ткани и пластика резанул тренированное обоняние рэйнджера. Рейнджер уже видел его в салуне, во время “представления” с намниками Моргана.

— Уйди, — бросил ему Йем на ходу.

— Здравствуйте сэр, простите сэр, меня зовут Джим, сэр! — затараторил паренёк, — мне сказали, что вы помогаете людям в беде, сэр! Я не рискнул вас будить, и я хотел...

— Я не вижу тут попавших в беду, — хмуро перебил его Йем, — И у тебя такая гладкая мордашка, что если бы не пушок, который ты наверняка гордо именуешь бородой, я бы принял тебя за девку. Я не нянька, поищи свою маму сам, мальчик.

— Простите? — явно растерялся паренёк.

— Уйди в сторону, — уже сердито сказал Йем, устраиваясь в седле.

— Вы должны мне помочь! От этого зависят жизни тысяч людей! Если я не смогу добраться до Портленда в самое ближайшее время, то очень многие погибнут! — уже с нескрываемым отчаянием почти закричал мальчишка.

— Мальчик, — веско сказал Йем. — Ты путаешь мой меня с извозчика. Дождись почтового дилижанса.

Рейнджер молча повернул ключ клапана и, под тихое урчание и едва слышный посвист парового двигателя, хищной тенью заскользил по улице вслед за наёмниками, оставив паренька торчать тощим стеблем посреди залитой лунным светом дороги.

* * *

Прошло несколько часов.

Стоя на холме, Йем внимательно наблюдал за наемниками, попавшими в засаду. Ребята оказались тертые и уже успели уложить с добрый десяток нападающих на них мертвяков. «Добрый десяток недобрых мертвецов» — усмехнулся Йем собственной нехитрой шутке и с удивлением отметил, что еще не разучился шутить.

Грузовик наемников оказался зажатым в узком ущелье, выход из которого преградила крепкосколоченные деревянные ежи, скинутые со склона. По всему было видно, что засаду планировали с умом, выхода у наемников не было, поэтому последним осталось разве что продать подороже свои жизни. Старина Лемм был прав — из-за спин нежити в людей стреляли. Били прицельно, не спеша, тщательно выбирая цели. Тишину ночи резали крики раненых, а возле груды камней вповалку валялось несколько тел. Йем вскинул винтовку и начал стрельбу, ориентируясь на вспышки, расцветающие в ночной тьме. Его скоро заметили. Из-за причудливого валуна стремительно выскользнули хищные силуэты двух упырей и стремительно рванули по направлению к его позиции, преодолевая расстояние огромными прыжками. Звуков упыри не издавали, только время от времени стучали мелкие кремни, расшвыриваемые бьющими землю мосластыми лапами.

«А вот и команда прикрытия. Толковый паренёк заварил эту кашу, соли явно не жалеет.» — подумал Йем, быстро и тихо отложил винтовку и встретил набегающих упырей выстрелами из револьверов. Первого упыря он необыкновенно удачно свалил наповал уже вторым выстрелом, попав в позвоночник, но вот второй успел подбежать так близко, что вспышки выстрелов на миг осветили распяленную в чудовищном оскале харю с усеянной острыми зубами крокодиловой пастью. Тварь уже потеряла всякий человеческий облик, двенадцатимиллиметровые пули ломали кости и вырывали куски мертвой плоти из туши твари, но упырь лишь покачивался на бегу.

«Двенадцатый!» — отсчитал Йем последний патрон и загнал револьверы обратно в кобуру. Плавным взмахом выхватил из висящих за спиной ножен, огромный гротсмессер, древний и надежный инструмент, который мастера Ордена в свое время покрыли сложным узором серебрянной гравировки.

Обычному человеку трудно состязаться в скорости с упырем. Но Йем мог. Безразличная к происходящему луна заливала холодным светом мрачный танец молчаливого чудовища и улыбающегося человека. Зверюга, уже забывшая, что значит быть человеком, наскокивала, клацала чемоданной пастью, рвала холодный воздух жадными когтистыми пятернями — каждый из этих выпадов мог выпустить кишки, разорвать мышцы, пустить в кровь жертвы поганый мертвечинный яд. Но Йем читал эти движения. Каждый шаг упыря был для

рейнджера новой подсказкой. Положение лап твари как светящейся стрелкой указывала область атаки. Йем, словно издеваясь, делал маленькие шаги в сторону, держа гроссмессер на отлете, или внезапно разворачивался, легко и страшно отмахиваясь тяжелой полосой остро заточенной стали. Гравировка на лезвии рождала в лунном свете сотни обманных полосок, бликов и пятен, и упырь проваливался в пустоту, обидно пахал мордой каменистую почву и плевался песком, пока не уронил наземь сначала дергающуюся, многосуставчатую лапу, потом и всего себя, медленно разваливающегося надвое от такого мимолетного и такого страшного секущего удара. Йем замер, стряхнул черные капли с лезвия и проворчал:

— Десять секунд. Настоятель бы меня за это за водой отправил. В Гребучее ущелье, с дырявой фляжкой.

Он привычно успокоил дыхание и осмотрелся по сторонам. Снова поднял винтовку и прицел к прицелу. Внизу наемники отразили первый натиск упырей и укрепляли оборону. Дела у нежити шли неважно — прицельные выстрелы разносили головы то одной, то другой твари, разбрызгивая грязные клочья — что там у упырей вместо мозгов? — под одобрительные крики наемников. Очевидно, нервы у невидимого кукловода дрогнули — на одном из соседних холмов Йем заметил едва уловимое глазом движение.

Раздался звук заводящегося мотора и упыри, разом прекратив складывающийся теперь явно не в их пользу бой, рассыпались по ущелью и неприятно быстро, как напуганные пауки, поползли вверх по склонам ущелья. «Как дрессированные собачки в бродячем цирке. Кто же вас так выдрессировал?» — подумал Йем уже на бегу. Он направился к тихо пыхтящему чуть поодаль трициклу.

Через четверть часа Йем нагнал свою добычу на усеянной глубокими тенями пустыне. Разменивая километры, мчался по пустошам невзрачный грузовик, работающий на метане. На таких фермеры возили в город продукты к ярмарочному дню. Для гонки по бездорожью он явно не подходил. Вырвавшись вперед, Йем одним движением развернул трицикл, вскинул винтовку и сделал несколько прицельных выстрелов по силуэту в кабине грузовика. Грузовик вильнул в сторону и с грохотом опрокинулся, а Йем надавил на газ и рванул к месту аварии. Из кузова грузовика выскочила пара упырей, и по кривой дуге пошла в атаку, обходя машину рэйнджера с двух сторон. Ловко вильнув, Йем подцепил одного мельтешищим вихрем колесных лезвий и в развороте ушел от прыжка второго, сварив пролетающую над головой тварину струей пара из труб. Упырь неловко брякнулся в пыль, обдирая с себя клочья шкуры. Йем, не терпевший бессмысленной суеты, остановился метрах в пятидесяти и добил его одним выстрелом из винтовки. После чего проделал то же самое с его порубленным на лоскуты, но еще бойко ковыляющим на голых костях культей, напарником. Подъехав к опрокинутому грузовику, он заметил что под ним шевелится придавленный массой кузова мертвяк, на груди которого еще можно было рассмотреть нашивку в виде звезды шерифа. Мертвяк тянулся к валяющемуся неподалеку от него ружью и что-то глухо бормотал. Не приведи Ахура Мазда, если когда-нибудь кто-нибудь поймет, чего они там лопочут.

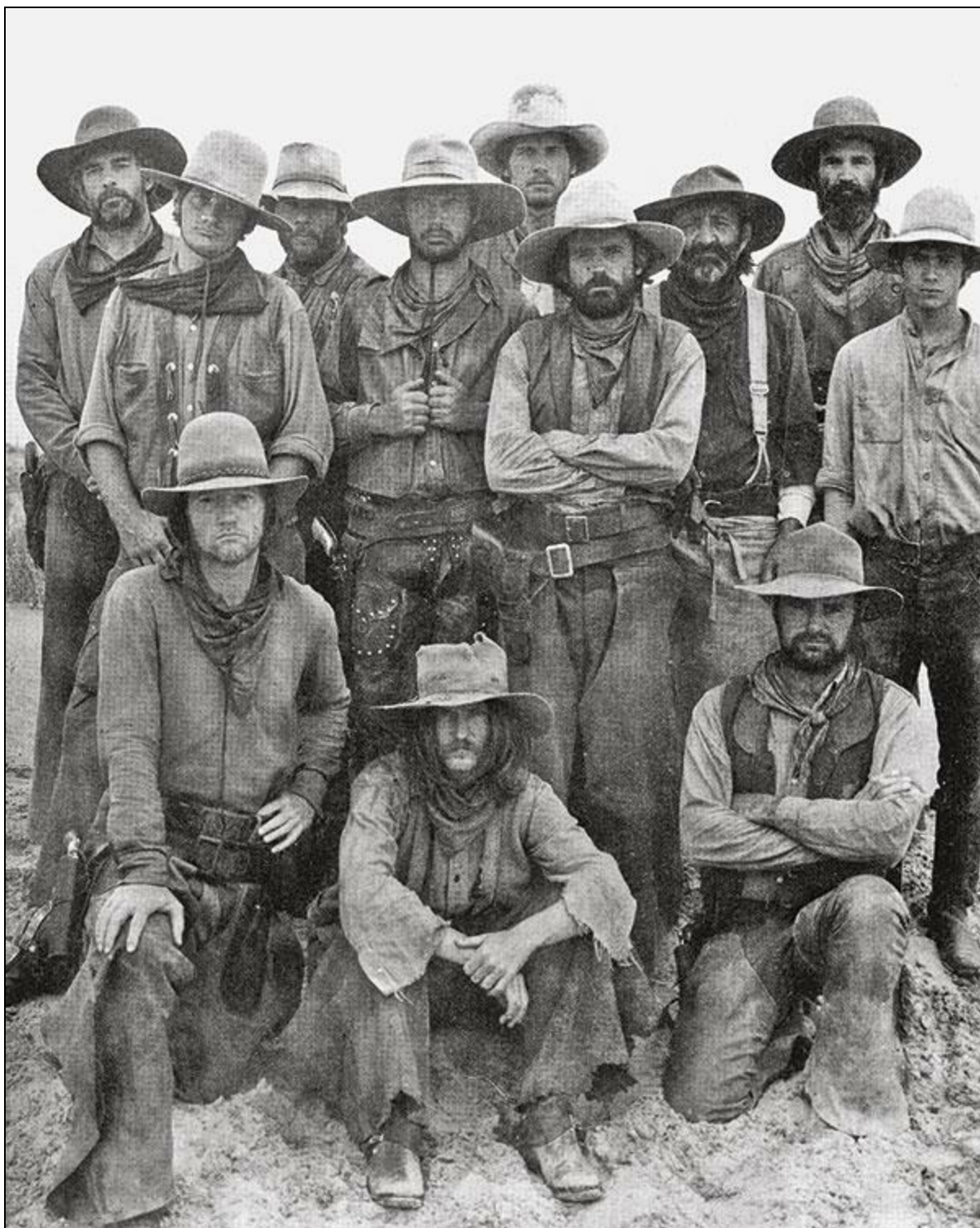
— Ты был хорошим человеком, Чиф. Хватит с тебя этой мерзости, — угрюмо проговорил Йем перед тем как выстрелить неудачливому блюстителю порядка в голову.

Резким движением рэйнджер раскрыл дверь грузовика и скользнул в сторону, держа кольт наизготовку. Из салона безвольным кулом вывалилось тело. В свете фар трицикла Йем увидел человека с бледной, отдающей синевой кожей, с лихорадочно блестящими глазами, одетого в очень странную черную одежду — не из ткани или кожи, а будто бы обмотанного

довоенными пластиковыми пакетами. Его с легкостью можно было бы принять за мертвяка, если бы не капельки пота, выступившие на перекошенном от боли лице и судорожно вздымающиеся ребра. Из ран на груди медленно сочилась казавшаяся черной кровь. Чужак заглянул в дуло Йемова револьвера и внезапно погрозил ему тонким окровавленным пальцем:

— Слишком поздно, ратаэштар, ты пришел слишком поздно! Моя смерть уже ничего не изменит, а твоя — просто вопрос времени! — Станный человек булькнул горлом, выгнулся в предсмертной агонии и вдруг опал, сдулся как пустой бурдюк. Раздался шипящий звук и тело Водителя Мёртвых стало стремительно разлагаться, таять, хлопья сушеного пепла вырвались из прорех его нелепого одеяния. Дождавшись полного обнажения белесого костяка, Йем брезгливо пошевелил носком сапога прикрытые черной дрянью кости, потом нагнулся и поднял сумку некроманта, вывалившуюся из кабины. Ещё раз всё внимательно осмотрев, он, помня о недобитых наёмниками упырях, постоянно осматриваясь, сел в трицикл, и помчался в сторону города.

Глава 2. У костра

Всполохи огня бросали на Билла отблески красноватого света, превращая его лицо в страшную и неживую маску. Солнце почти опустилось за горизонт. Но после непродолжительного спора все присутствующие согласились, что это ещё не закат, а значит до отбоя ещё есть время. Было это ещё кружку пива назад. После заката следовало расходиться, но никто не хотел уходить от уютного огня и возможности потрепаться. Билл и сотоварищи загуляли основательно. Был найден бочонок яблочного сидра и ночь предстояла веселая, а утро, как водится в таких случаях, суровым и отвратительным.

Разговор, как и всегда в мужской компании, велся о работе. До начала разговора о женщинах предстояло ещё немного выпить.

— Горгу высмотреть издалека нужно и спрятаться потом получше. Если она тебя не видит, то ничего и не сделает. Уйдешь на своих двух, да еще и друзьям будет что рассказать. И морок тварь тогда навести не сможет! — с видом бывалого траппера, одолевшего как минимум с сотню зловредных гадов подобного калибра, рассуждал Гарри по прозвищу Топор.

— А вот милорд Лейтенант, когда нам говорил, что, мол, сосредотачиваться надо, он что имел в виду? — невнятно, но громко выразил свою мысль Тихий.

— Нужно сосредоточиться на действии, неважно на каком. Проще всего считать в уме. Или там песню напевать какую, причем, чем хуже её знаешь, тем лучше. Тогда, как говорится, с разума спадёт пелена, и ты увидишь горгу такой, какая она есть, — припомнил Валентин наставления командира.

— Вот бы поймать одну, да в отряд забрить! — мечтательно вздохнул Жёваный. — Она ж тогда лечила б нас. Представьте, парни, завтра никакого похмелья!

Все засмеялись. Вернее, поскольку присутствовали только сержанты то неприлично заржали, высказывая неприличные предложения о неприличных желаниях Жёваного по отношению ко всякой неприличной нелюди. Одно другого солонее. Всем известно — ничто так хорошо не сочетается с добрым пивком, как соленая рыбка и соленые шуточки. За неимением первого приходилось довольствоваться вторым.

— Ну помните у нас, в Спрингвуде-то, тоже горга живет, ну так она хорошая! — убежденно доказывал правоту своей идеи Жёваный — Он жеж лечила всех! А уж какие сиськи! Как репа!

— Дурак ты, Жёваный! И шутки у тебя дурацкие! Мелешь чушь всякую — слушать противно! Тьфу! — сердито зарычал Билл. И добавил, — И ведьму нашу не тронь, хорошая она баба, сильная. Племяша моего от падучей спасла! И денег за то ни копейки не взяла! И никакой горгой она станет! — зло сказал Билл, затем мрачно оглядел товарищей и сплюнул в зашипевшие угли.

Как-то раз Билл видел живую горгу — столкнулся, что называется, лицом к лицу. Тогда он чудом остался жив, а вот парню который был рядом с ним, повезло меньше, значительно меньше. Разве можно этакое чудище с добрым человеком сравнить! А Рыжая Энн была доброй! И весьма симпатичной! Отогнав некстати нахлынувшие воспоминания, он перевел тему к более житейским вопросам, поставив перед собой задачу оживить затихший было разговор:

— Говорят, мол, сейчас за мертвяка серебряный доллар дают, — начал Билл. Тихий тут же заглотил наживку и проорал:

— Враньё! Это вместе с дезой! — все согласно закивали, подтверждая верность его слов. Деза, или, ежели по умному, дезинфекция — муторное дело. Мертвяки всегда несли с собой беду и даже глубоко закопанный и упокоенный по всем правилам (с дыркой в голове) ходячий жмур, мог принести бааальные неприятности. Это мог быть случайно приبلудившиеся вурдалаки, страсть как любившие разрывать такие могилы. Могло такое место и стать источником странных болезней, поражающих не только людей, но даже животных и растения. Добрая буренка исправно радовавшая хозяев отменными удоями вдруг могла обратиться в кровожадную тварь, что с удовольствием закусит самую дояркою, а любовно выращенный урожай кукурузы захиреть и зачахнуть на корню. Поэтому

обратившегося мало было просто убить, его надлежало тщательно сжечь, кости раздробить и развеять по ветру. Этим обычно занимались специально обученные люди, существовала даже целая Гильдия Гробарей. И члены этой гильдии ходили от поселения к поселению и предлагали свои услуги. И стоили эти услуги не мало. Ибо охотников до такого промысла было немного, а работы более чем достаточно.

— За упырей цена опять упала, — тут же посетовал Жёваный, — Сорок серебром дают, и то говорят что много.

— Пообветшали видать, упырьки — хмыкнул Валентин — Весь жирок порастеряли — одна кожа да кости остались. А кому нынче кости нужны?

— Кто пообветшал?! Мы?! А в бубен!?! — заорал Тихий. Болтун, сидевший рядом с ним, поморщился и прикрыл уши. Билл ему посочувствовал. После получаса беседы с Тихим, у него начинала болеть голова. Когда же Тихий слегка, как ему казалось, повышал голос, то его собеседник вполне мог заработать звон в ушах, а то и легкую контузию, как от близкого взрыва пушечного снаряда.

— Точно, пообветшали, — вставил Топор Гарри. Все примолкли глядя на него. Солидно поглаживая страшноватую рожу, покрытую клочковатой щетиной, Топор продолжил, да вот, вспомните хоть нашего первого. Ну и образина! До сих пор ночами снится, гад окаянный!

Первый добытый отрядом упырь всегда был хорошей темой для беседы. Из разряда славных баек в духе «а помнишь как мы им задали трёпку». Во-первых, это был первый их бой после того как их лендлорд, Лейтенант Рой Дженкинс вывел их, ополчение Спрингвуда, за стены тренировочного лагеря. И потому от него остались самые яркие впечатления. А во-вторых, конечно, их первого вурдалака красило то, что тогда никто не погиб. За следующие полтора года из двадцати одного спрингвудца осталось только десять. А ещё полтора года, к концу обязательного срока службы, их осталось всего шесть. Они получили капралов, и готовились уволиться в запас, дабы вкушать все прелести даруемого за службу гражданства, таких как например персональный земельный надел, доброе расположение самого лендлорда в лице его сиятельства Лейтенанта Дженкинса, властителя Спрингвуда и прилегающих земель, да храни его Господь, персональную же пенсию до старости лет, почет и уважение сограждан. Ну и всем известно что ратников девушки больше любят и в Рай их без очереди пропускают.

Но не тут-то было — даже не успели вернуться домой и основательно напиться, как пришёл приказ о сверхсрочном призыве всех запасников, правда с повышением в звании для солдат. Чин сержанта был вершиной мечтаний обычного ополченца, и потому спрингвудцы чувствовали себя по-настоящему достойными людьми. Конечно, были ещё офицеры. Но лейтенанты, капитаны и прочая знать это наследственные титулы и на них рассчитывать не приходится.

— Как же он выскочил! Матёрый! Пасть как сундук! Глазища как тарелки! — заволновался Тихий, даже вскочил с места — а у нас то, помните, тока «слипвел»!

— «Слипвел» хорошая штука если уметь им пользоваться, — хмыкнул Билл и похлопал по рукоятке свой, стоявший рядом. Помесь лома, топора и копья, «Слипвел» был отличным инструментом против мертвецов, и как показала практика, вполне позволял справиться и с вурдалаком.

— Нам тогда семьдесят серебряных за его тушку отвалили! — продолжал бушевать Тихий, — Да мы на мельнице столько за месяц не зарабатываем! Шиковали, что твои Майоры!

— Зажрался, — прогудел Топор Гарри, — знаешь как это, на лесоповале-то вкалывать? Так я тебе расскажу. С утра, значит, встаешь с первыми петухами, выходишь на опушку и начинаешь топором махать. От этого места и до самого заката! И так каждый день. И в зной и в дождь и в снег, и никаких тебе именин и Нового года! А комарье! А гады лесные! Чуть зазевался и все! Задница! Не успеешь даже голубей покормить! Нет уж! В пекло такой «труд»! Так что, братцы, я нынешней долею своей вполне доволен! Жалованье в срок выплачивают, причем не медяками какими вшивыми, а серебром полновесным! Опять же на казенном довольствии и обеспечении! И оденут и накормят и напоят, а если что, так и похороны устроят! Не жизнь, одним словом, а Окружная Ярмарка! Войны вроде как большой не предвидится, а коль и случится, так не посрамям родного Спрингвуда и милорда Лейтенанта! Так что предлагаю выпить за пехоту! Залпом и до дна! — закончил свою прочувственную исповедь Топор и немедленно выпил.

— За пехоту! — и вся честная компания с энтузиазмом поддержала порыв Топора, отдавая должное превосходному сидру.

Разговор снова вернулся к накатанной колее — классификации гадов лесных, степных, полевых и пустынных, а также способов борьбы с оными. Тема сия актуальность свою никогда не теряла, а посему интерес у участников беседы вызывала немалый. Нечисть издавна делили на два сорта: Жутковатую, но привычную, почти даже родную, с которой можно было столкнуться лицом к лицу едва выйдя за городской частокол — мертвяки, упыри, костяные пауки и прочая шушера.

И кошмарную. Рассказывали о такой шепотом и при свете дня, боясь накликать беду. Спасало только то, что гады подобные жили большей частью в окрестностях развалин городов Старого Мира. Но были и такие твари, что в поисках пропитания уходили за сотни миль от родных угодий и именно таким был, например, живоглот, не к ночи упомянутый:

— Живоглот тварь очень зловредная, — тихо сказал Валентин, но все услышали. — И его почти не берут пули. Говорят, ему надо сломать ноги, тогда он будет уязвим, и можно будет подобраться поближе... — У костра стало тихо. Они никогда не сталкивались с этой тварью, и все надеялись, что никогда и не столкнутся — Мозг у него где-то под пастью, на брюхе. Но защищён хорошо. Надо его перевернуть на спину и вскрыть. Ну, выломать кусок кости... — Валентин словно очнулся, обвёл молчащих сослуживцев пристальным взглядом. Те притихли и задумчиво глядели на пляшущие отблески костра.

— Я знаю, что за него платят двадцать одну сотню, сам слышал, как милорд Лейтенант читал по бумажке, — громко сказал Тихий. Для него это был, считай, шепот. — Какие деньжищи-то!

— А кровососы за тушу дают шестьдесят сотен! — оживился Жёванный. — Вот куда сдавать-то надо!

— А как по мне так давить этих тварей надо! — неожиданно зарычал Топор Гарри — Они же как горги! Они же людей убивают! Нелюдь поганая!

— Это он про кровососов. Теперь надолго завёлся, — буркнул Билл сидящему рядом Болтуну. Потом некоторое время делал вид что прислушивался и кивнул, — Да, захмелел просто уже.

— А кто такие кровососы? Что-то не слышал я раньше про таких, — спросил Валентин. Все с удивлением посмотрели на него. Кто же за кровососов — то не знает?! Ну деревня! Еще сержант!

— А, он же не спрингвудский, всего за год до набора у нас приблудился, — хлопнул

себя по лбу Билл. — Ты же с рудокопами — гномами никогда не торговал? У нас основные скупщики леса и остального, так это эти рудокопы. Добираться далеко, мы по реке пять дней плывём. Ну и там, рядом с ними есть страна целая, ну на вроде нашей Дивизии, только поменьше.

— А вот и не на вроде! Дивизия и наш славный Лейтенант Дженкинс, да благослови его Господь, есть опора Порядка, юдоль Процветания и Стабильности! Защитник Спрингвуда и прилегающих земель! Нам об этом пастор на воскресных проповедях постоянно рассказывал, а он человек ученый и всяко больше вашего понимает! Да и Его Светлость Лейтенант — человек! Да чего там — даже Майор Эштон из Браунсвиля, даром что гад и мироед, а веде тоже людского корня будет! — снова встрял Гарри, — А кровопийцы — нелюдь проклятая! Они же хуже горги там все! — к Гарри подошли Жёванный и Тихий, и положив руки ему на плечи, начали успокаивать. Усадили на место, отняли кружку, дали закусить. Похоже, Гарри уже давно миновал стадию легкого опьянения и на текущий момент был пьян в стельку.

Валентин нагнулся к Биллу и тихо спросил:

— Так что там с кровососами? Говоришь что они как горги? И что у них там целая страна?!

Билл отрицательно замотал головой, и чуть не упал с лавки.

— Да не, там непонятно. Всякое о них болтают, где правда, а где ложь уже и не узнаешь. Но не горги они — это точно сказать могу! Хотя и лечат. Но за такую цену, что потом сам не рад будешь! И я не о деньгах сейчас говорю.

— Как это? — удивился Валентин

— Потом, — махнул рукой Билл и добавил шёпотом, — не при Гарри, они у него отца убили. Поехал с гномами торговать, а там как раз очередная разборка началась. Попал старик, что называется, под замес. — Валентин кивнул и замолчал.

Успело стемнеть и тренировочный лагерь утонул в тенях. Дежурные, в основном свежий набор ополченцев и редкие сержанты заступили на ночной караул, поддерживая по периметру огни. Биллу было тепло и уютно. Разговор затих, а Тихий даже задремал. Остальные спрингвудцы молча смотрели в огонь, каждый думая о своём.

— А теперь Болтун промолчит нам ещё одну интересную историю, — неожиданно сказал Валентин и все засмеялись.

— Надо бы спать идтить, — глухо прокряхтел Гарри Топор. — Мне жеж завтра пинать невинные мошонки наших новых рекрутов, рвать и метать, рычать как вурдалак которого имеют! А это дело нелегкое! Надо отдохнуть, набраться сил... — Остальные согласно покивали и начали собираться, те у кого ещё оставался сидр в кружках допивали его быстрыми глотками.

— Я задержу вас на минуту, — из темноты выступил Лейтенант, за спинами маячили телохранители из числа его семейного взвода. Все сержанты вскочили на ноги, вытянувшись по струнке. Даже те, кто казалась еще пару минут назад лыка не вязал. Все же долгие месяцы муштры сделали свое дело. Если говорить по правде, то местечко у стены, вроде как было сержантским клубом. Самодельные скамьи, стол, очаг. Офицеры тут появлялись, но очень редко и сугубо по делу. Поэтому появление у костра лорда — Лейтенанта, как минимум, озадачило сержантскую братию. Билла же охватило недоброе предчувствие, однако на лице его не отразилось никаких эмоций, он продолжал стоять по стойке смирно, замерев в неудобной позе. Дождавшись отмашки от лейтенанта, которая обозначила команду «вольно», он с заметным облегчением плюхнулся обратно на самодельную скамью. Все же

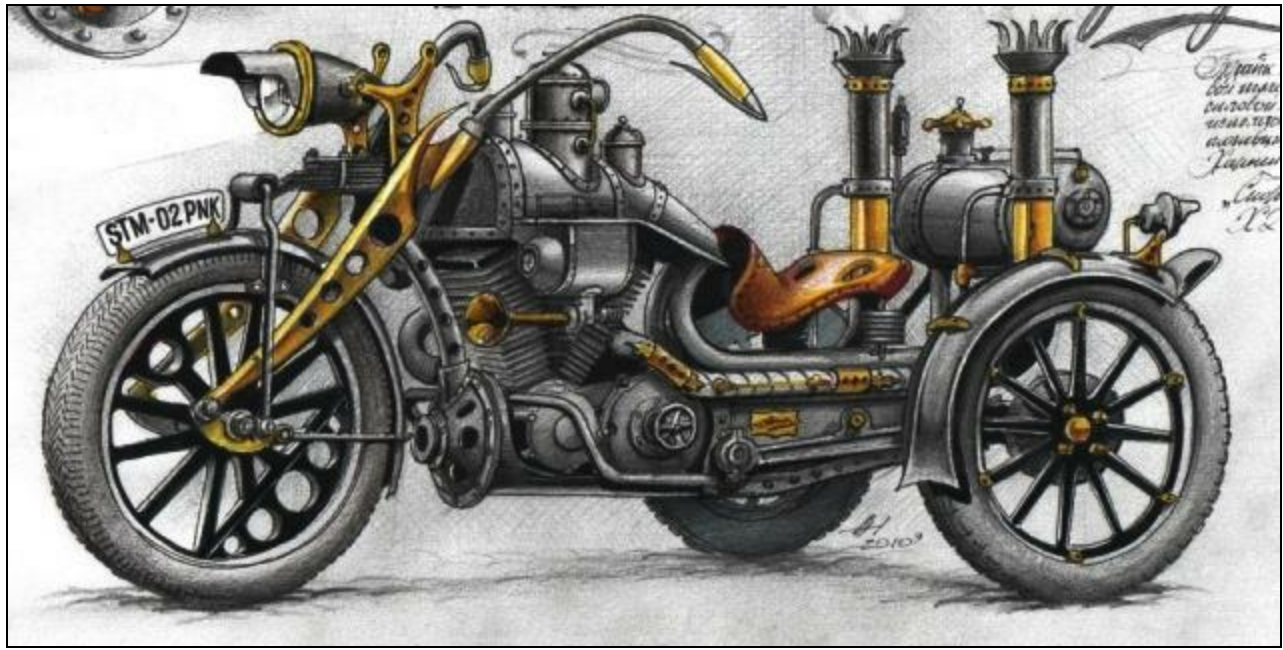
выпил он не мало. Все, приличия вроде как соблюдены.

— Ну что, господа сержанты, — неожиданно вежливо обратился к присутствующим Лейтенант. Собравшиеся удивились — обычно лорд называл своих подчиненных не иначе как мерзавцами и оглоедами — это если у милорда было хорошее настроение. А так можно было и в ухо получить. Билл задумчиво смотрел на него. Жилистый и скуластый, Лейтенант Рой Дженкинс одно время был самым ненавистным человеком в мире не только для Билла, но и для всех остальных. Нельзя сказать, что он был самодур или требовал невозможного. Нет, он всегда и всё подкреплял своим примером. Другое дело, что будучи Лейтенантом, он проходил подготовку к войне с рождения. В восемь у него уже было боевое оружие. В двенадцать он участвовал в рейдах по пустошам. В пятнадцать ему дали на попечение толпу новобранцев. Сейчас восемнадцатилетний лейтенант Рой Дженкинс был самым молодым среди собравшихся. И самым опытным среди них. И опыт этот он старался передать своим подчиненным в самом полном объеме, даже если сами подчиненные его об этом не просили. Так что теперь, пройдя через огонь, воду и гнилые зубы, Билл ощущал по отношению к Лейтенанту благодарность. Пусть он Биллу не раз и морду бил, и сапог о задницу разбил не один. Примерно такие же чувства испытывают бывало повзрослевшие школяры по отношению к своему старому учителю, которого в годы учебы ненавидели лютой ненавистью, а теперь с ностальгией вспоминают былое, скучая по учительской розге. Ведь он, учитель, хоть и строгий был, но жизни учил крепко — все то, что знаю, от него я получил. Вот так и тут.

— Ну что, господа сержанты, — повторил еще раз Лейтенант — у меня для вас пренеприятнейшее известие. Разведка доложила, к нам едет его Сиятельство Майор Эшгон да не один, а со свитой родственников, друзей и подчиненных. Сдается мне, едет он сюда явно не для того, чтобы сыграть со мною в крикет. Похоже Высокие Лорды замыслили какую то пакость и судя по всему дельце будет горячее. Может быть даже война! Готовьтесь! — Закончив, Лейтенант развернулся и отправился восвояси, за ним как привязанные потянулись его телохранители. Сержанты же еще не до конца осознали услышанное, однако остроту момента прочувствовали, что называется до глубины души.

Воцарилась гробовая тишина. Билл тихонько выругался сквозь зубы. Предчувствия его не обманули.

Глава 3. Непрошенный попутчик

— Два бочонка хорошей солонины, два бочонка сушеных фруктов. Шесть больших бутылей воды долгого хранения. Это по моему рецепту. Сначала я процеживаю колодезную воду через мелкий песок, потом кипячу и разливаю по бутылям. Добавляю немного соли, чуток лимонного сока и уксуса. Даже после того, как ты откроешь бутылку, вода еще как минимум неделю не испортится и её можно будет пить, — сутился старый Хэнк рядом с броневином Йема.

Сам рейнджер, шериф и мэр стояли поодаль, наблюдая за погрузкой. Йем вернулся среди ночи, разбудив весь город грохотом двигателя своего трицикла. Постучался к мэру и попросил провизии и угля. Столько, сколько влезет в его грузовик. Такая жадность на памяти мэра была продемонстрирована рейнджером впервые. Но он понимал, что угрюмый рейнджер увидел в пустошах что-то, что заставляло его готовиться к худшему. Мэр Гордон терпеливо ждал объяснений, но пока Йем ограничился только коротким: “Ваша проблема решена”. Гордон хмуро осмотрел ночную улицу, освещенную только редкими масляными лампадками у дверей. Город казался спящим, но мэр слишком хорошо знал своих людей. Каждое его движение, каждое выражение лиц присутствующих на этой ночной улице, завтра будет внимательно и досконально обсуждено теми, кто сейчас притворяется что спит. Жадные и внимательные глаза следят за ними из-за на вид плотно закрытыми деревянными жалюзи. А потом люди начнут задавать неожиданные вопросы. И хорошо бы Гордону иметь на них ответы.

— Чиф был твоим отцом, парень? — наконец нарушил свое молчание Йем. Гордон не сразу понял, что он обращается к помощнику шерифа.

— Дядей, сэр орденщик. Простите, эээ... Мистер Йем?

Рейнджер не обратил внимание на вопросительные интонации. Это еще одна черта рейнджеров Ордена. Им плевать, как их называют. Что очень странно, ведь как обозначить свои заслуги и дать понять людям свою значимость? Йем отвернулся от молодого парня с винтовкой, словно стыдясь смотреть ему в лицо, и тихо сказал:

— Ты найдешь его за тем местом, где над дорогой высится скала. Милях в трех к западу.

Иди по следам колес. Тебе придется похоронить его по всем правилам...

— Мы уже вызвали гробаря, должен был приехать на той неделе, — машинально доложил Гордон, прежде чем до него полностью дошел смысл сказанного Йемом. Святые Небеса! Чиф обратился! В что-то, что рейнджер посоветовал дезинфицировать как следует. Сжечь в пепел, проще говоря.

— Прости меня, Господи, — ужаснулся Гордон и повернулся к побледневшему парню, крепко сжимавшему ружье. — Прими мои соболезнования...

Тот молча кивнул. Его глаза влажно заблестели, но он держался. “Будет достойной заменой Чифу”, — решил Гордон.

Теперь Йем повернулся к Гордону и сказал:

— Нанятые тобой мародеры убили десяток ходячих и четырех упырей. И потеряли несколько своих. Я бы на твоём месте не пускал их в город, Гордон. Расплатись, не открывая ворот. Думаю, они будут тут очень скоро. И они будут очень злы.

— Подниму людей, — сказал, помощник шерифа дрожащим от сдерживаемых рыданий голосом и пошел прочь. Хотя, какой он пошник. Он теперь уже шериф. Гордон двинулся было за ним, но передумал. Подойдет чуть позже, пусть люди привыкают подчиняться новому шерифу.

— Вроде все готово Йем, — сказал Хэнк. Сказал без привычного для нег подобострастия. Он подошел и похлопал рейнджера по плечу, — Спасибо рейнджер. Люди Ордена всегда смогут найти приют в моем заведении.

— Может расскажешь про то, что ты нашел? — наконец спросил Гордон. Надо бы вести такие разговоры наедине, но Хэнк знал самые сокровенные тайны всех, кто напивался в его заведении и потом выплескивал душу бармену. То есть, только те, кто старше шестнадцати и живет в дне пути вокруг. И еще ни разу Хэнк никому не рассказывал эти, надо полагать, интересные истории. Если бы Гордона спросили, кто может держать язык за зубами в этом городишке, он бы назвал троих. Себя, Чифа и Хэнка. Впрочем, теперь их осталось только двое. Приемлемые риски разглашения, как сказал бы Чиф. Дерьмо, шерифа будет не хватать. Гордон задумался над проблемами, которые могут возникнуть с новым шерифом, но из задумчивости его вывел голос Йема. Рейнджер, по своему обыкновению ответил после длинной паузы.

— Я нашел там Водилу. И упокоил его, — сказал Йем совсем тихо. Хэнк сделал лицо, как будто не расслышал заказ. Гордон почувствовал что бледнеет. Водитель неживых, Пастырь ходячих, просто Водила — персонаж детских сказок. Его пугала таким бабушка, если он заигрывался с друзьями и приходил после заката. “Вот заберет тебя Водила, будешь плакать”.

— Я уверен, не стоит уводить людей из города, — истолковал по своему его молчание рейнджер и попытался успокоить. Тоже на свой лад. — Прямо сейчас. Стоит собрать урожай. Я думаю, Водила шел мимо. Он обошел земли Дивизии по пустошам, а тут остановился восстановить силы и собрать свиту.

— Ты... Ты уверен, что он окончательно упокоен? — спросил Гордон и тут же понял, что спрашивает не о том.

— В любом случае, если Водилы вернулись, то первыми примут удар Мертвой Волны земли Дивизии. Вести дойдут до вас достаточно быстро. И у тебя будет время на исход. Но имеет смысл начать приготовления, — ответил Йем не на то, о чем его спрашивали, а на то, о чем его надо было спросить. — И, конечно, может это просто случайный Водила. Их ведь

было не так уж и мало.

— Ты уверен, что это был именно... — Гордон вдруг понял, что не может произнести название чудовища из детских страшилок.

— Я никогда не видел таких как он, — ответил Йем. — А вот он узнал меня сразу. Говорят, это самый верный признак. Да, я почти уверен.

Йем повернулся к мэру и, как-то деревянно, положил руку ему на плечо. Это было так неуклюже, что Гордон не сразу понял, что это жест поддержки.

— Держись, мэр. Надежда есть для всех и всегда, пока они не на стороне зла.

— А ты почему уезжаешь? И куда ты сейчас? — не удержал своего любопытства мэр.

Йем задумчиво посмотрел на него. Но потом, все же, ответил:

— Вокруг города больше нет зла, которое бы было опасно для вас. А мне надо на север. По дороге Старого Мира. Там я встречу со своими братьями и расскажу кого встретил тут.

Мэр кивнул. Это был оживленный торговый тракт, связывающий две агломерации людей через пустоши. По нему ходили, обычно, караванами — на дороге шалили шаены. Но, конечно же, для рейнджера все люди были скорее друзья.

— Слушай, Йем... — вдруг вмешался в разговор притихший Хэнк. — А может ты... Давай так... Послушай, я же забыл! Сейчас Йем, подожди немного, не уезжай, — пожилой трактирщик скрылся в дверях своего заведения. Йем медленно пошел к грузовику.

— Ты уверен, что городу ничего не угрожает? — спросил Гордон прямо.

— Прямо сейчас, да, уверен, — ответил Йем.

Гордон подошел к машине и задумчиво попинал колеса.

— Я привык надеяться на лучшее, но я мэр уже двадцать лет, потому что готовлюсь к худшему. Если бы ты захотел перевезти целый город подальше от пустошей, Йем, куда бы ты направился?

Рейнджер серьезно задумался.

— Я бы не пошел в земли Дивизии. Они любят казаться сильными и множат зло. Рано или поздно они найдут тех, кто не уступит им в силе. Также, я бы не пошел к гномам. Эти маленькие люди думают, что они выше других людей, потому как сохранили многие знания предков. Но на самом деле, это лишь значит, что они забыли меньше других. И пока остальные ищут и изобретают, они замерли и повторяют.

Йем задумчиво потер подбородок. И с сомнением предположил не самый очевидный вариант:

— Кровососы? До них не так далеко. Слухи о них ужасны, но жить под их властью может оказаться вовсе не так плохо, как о том рассказывают. Но точно хуже, чем вы живете сейчас.

— Может, все же, к побережью? — не удержался Гордон.

— Путь туда долог. А людей у тебя много. А там людей еще больше. Боюсь, ты не найдешь там места для целого города, — с сомнением покачал Йем.

— Я, все же, поищу. Спасибо за советы. И, если тебе еще нужно хоть что-то...

— Вот, чуть не забыл! — перебил мэра появившийся в дверях Хэнк. В одной руке у него был относительно свежий хлеб и бутылка бренди, а другой он толкал в спину паренька. Того самого, который все никак не мог покинуть городок. Действительно, сейчас выходило, что ему с Йемом по дороге.

— Нет, — отрезал Йем и, открыв дверь залез, в свой броневилок.

— Лезь в другую дверь, пацан, — рыкнул Хэнк и подтолкнул парнишку в нужном

направлении. А сам, с неожиданной ловкостью встал у броневика так, чтобы рейнджер не мог закрыть дверь. И тут же заговорил, потрясая черствой булкой:

— Ну как же нет! Хлеб всему голова! Поймаешь в пустыне хоть бы и пустынную жабу, поджаришь, положишь на хлеб. И вот тебе завтрак!

— Меня зовут Джим, — сонно отозвался парнишка на толчок Хжнка. После чего медленно двинулся в обход броневичка Йема, позвякивая бутылками.

— Нет, — холодно повторил Йем следя за пацаном.

— А, ты про бренди? Если не пьешь сам, отдашь шайенам. Скажешь, что от Хэнка. Хочу расширить круг покупателей, знаешь ли.

Йем перевел взгляд на Хэнка и сказал, с явным раздражением:

— Ты понял о чем я, Хэнк. Я не возьму пацана с собой.

— Так тебе же вроде по пути? — наигранно удивился Хэнк.

Джим наконец добрался до двери грузовичка и подергал её.

— Заперто! — озвучил он очевидное.

— Разве не сказано в уставе Ордена, что ты должен помогать людям? — вмешался Гордон.

— И я делаю это. Но вашу жизнь Ормузд измеряет в добрых делах, а моя будет измерена по уничтоженному злу, — не задумываясь ответил Йем.

— Значит ты должен взять пацана, — хмыкнул Хэнк. — Он собирается дойти до дороги на север пешком. Думает, что неделя пешком по пустошам ему по силам. Он умрет там один, согласен?

— Значит он глуп. Я не могу убить глупость, — пожал плечами Йем.

— Но ты можешь помочь чистой душе. Парень честно платил за еду и постой. Ему нужна помощь. Бросишь его тут и он либо станет добычей таких как Морган и его шайка, либо тварей похуже. Будет ли это просто добрым делом или предотвращением зла? — настаивал Хэнк.

— Тебе не нужно везти его на побережье. Довези его оживленной дороги, пристрой в дилижанс и торговую колонну идущую на север, убедись что он не пропадет сразу. Это не просто доброе дело, так ты защитишь его от зла, — тихо сказал подошедший поближе Гордон.

— Вы меня впустите или нет! — Джим начал терять терпение.

Йем внимательно посмотрел на мэра Гордона. Резко развернулся, открыл дверцу в кабину. Бросил скупно:

— Сядь. Молча.

Все трое наблюдали, как парнишка долго и с трудом устраивается на переднем сиденье рядом с Йемом. Гремя ящиком, цепляясь за все своим модным рюкзаком.

— А куда это можно положить? — наконец спросил он.

— Положи назад, за сиденье, — ласковым голосом посоветовал ему Гордон. Кажется рейнджер скрипнул зубами. — И помолчи. Спасибо Йем.

Прошло еще не меньше трех минут, прежде чем парнишка смог умяться. Йем молча завел двигатель и скупно кивнув Хэнку и Гордону, повел свой броневичок прочь.

— Зачем ты навесил на него пацана, Хэнк? — спросил Гордон, не забывая прощально махать шляпой и жизнерадостно улыбаться.

— Йем редко бывает в нашем городке. Но когда я видел его в последний раз, — Хэнк тоже жизнерадостно помахал вслед рейнджеру рукой, — это был веселый и полный жизни

человек. А сейчас он говорит, как мог бы говорить ходячий. Он умирает внутри, там, в пустошах. Поверь мне, мэр, если бы один из горожан довел себя до такого состояния, я бы посоветовал его запереть и отогреть теплом слов и виски. Может, даже попросить Ненси поработать на город...

— Думаешь, компания в пути пойдет Йему на пользу? — перевел его слова на понятные Гордон. Хэнк слишком часто все сводил к сексу.

— Если только он не высадит паренька в пустошах, — хохотнул Хэнк. — Это точно никому не пойдет на пользу.

— Не высадит. Это же рейнджер Ордена. Не удивлюсь, если он довезет этого, как его... Джима, до самого побережья.

— Будем надеяться, — кивнул Хэнк. — Я содрал с него серебряный доллар. Если он узнает какие цены на постой на самом деле, мне будет немного стыдно.

— Кроме надежды, нам потребуется пара сообразительных парней. Нам надо будет отправить их в Дивизию. Поторговать. Да вот, хотя бы твоим пойлом. Ты же хотел расширяться? Подумай, кто с этим сможет справиться?

— Хочешь иметь глаза на западе? — уточнил Хэнк и задумался. — Ну смотри. Дик Бобсон однажды на спор, за бутылку, пересказал разговор, который случился неделей раньше, слово в слово. К выпивке он равнодушен. Но у него жена, ребенок, коровы и ферма. Трудно сказать что именно он любит больше, но не думаю что бросит хоть одно...

— Значит, надо объяснить ему, что он все это сохранит, только если поедет в Дивизию. Кто еще? — кивнул Гордон.

Они с Хэнком развернулись и пошли в салун, тихо переговариваясь. Следовало много сделать, ведь безмятежное будущее стало темнее от надвигающейся грозы. Но это уже не первый шторм, который они пережили.

Глава 4. Опасные люди

Джимми лежал, уткнувшись носом в сухую пыль прерий. В лицо его колот острый обломок камня, но подняться, или просто лечь поудобней он не мог, потому что в его шею беспощадно вдавливали нож. К счастью, пока тупой стороной, но давили с такой силой, что лезвие пережимало трахею, и воздух входил в горло со свистом. Джимми едва слышно всхлипывал и слёзы бежали по его грязному лицу, оставляя за собой влажные дорожки.

А ведь всё так хорошо начиналось. Он сумел добыть всё необходимое для путешествия, и мастерски обманув охрану выскользнуть из Убежища. Он смог даже угнать пароплан. Нежданная удача. Он намеревался пройти пешком по пустыне почти сто километров, и потратить на это два или три дня, но с паропланом он преодолел это расстояние меньше чем за два часа. И тут такая досадная оплошность. Джимми забыл проверить чёртово масло в моторе. К счастью, экстренная посадка прошла успешно для Джимми. Но совсем плохо для пароплана. Джимми тянул как мог и упал совсем рядом с мелким городком, всего то километров десять по прямой. И потратил всю ночь на дорогу. Вымотался так, что провалялся в гостинице почти весь день. Надо было потренироваться в длинных переходах. Мысль о том, чтобы идти дальше пешком теперь казалась чистым безумием. Его план предусматривал дальнейшую дорогу на попутных машинах, однако его снова преследовали неудачные стечения обстоятельств — он никак не мог найти попутчиков. Местные деревенщины боялись пустынной местности, которую ему надо было пересечь, и ни у кого

не было дел на севере. Он уже начал отчаиваться, когда удача снова повернулась к нему лицом, и он нашёл сразу две попутки. Этого угрюмого хмыря в шляпе, из какого-то Ордена, и компанию на первый взгляд опасных, но если поговорить с ними, то довольно весёлых ребят, которых правда местные явно не любили. Но это были первые попутчики за немалое время! В общем, Джимми снова начало везти и он слегка расслабился. После стычки в салуне, весёлая компания куда то пропала, поэтому пришлось ехать с угрюмым.

Разбитая дорога не позволяла ехать по ней ночью и его молчаливый попутчик остановился посередине прерии, чтобы переночевать. Уже под самое утро, разбуженный предусмотрительно поставленным на вибрацию будильником в коммуникаторе, Джимми улучшил момент и тихонько выскользнул из броневика. Надо было определиться, куда его завёз этот угрюмый Йем. Джимми начал думать, что было бы лучше всё таки ехать с теми весёлыми ребятами. Там был такой классный, веселый и вежливый старикан. Джимми отошёл недалеко от броневика и спрятался под куст, чтобы достать навигатор. На случай, если Йем проснётся и спросит, куда он идёт, Джимми придумал идеальную легенду — в туалет! Зов природы внезапен и не смотрит на время. Джимми даже приспустил штаны, чтобы всё выглядело правдоподобно. И только развернул антенну навигатора, как на него напали.

— Ты что знаешь, как пользоваться этой вещью Старого Мира, щенок? — прошипел сверху сиплый голос с жутким акцентом. — Не хочешь поделиться секретом?

Но ответить Джимми не дали. Его руки завернули назад, до хруста в суставах, и начали умело связывать. Джимми было очень страшно, а вокруг было темно и тихо. Внезапно темнота взорвалась ярким светом от фар грузовика и Джимми услышал голос Йема.

— Джимми, зная жестокость индейцев, я рассчитывал увидеть тебя мертвым, но эти жуткие шайены даже страшнее чем о них говорят! — покачал головой Йем, разглядывая из кабины грузовика двух индейцев, подмявших под себя молоденького паренька со спущенными штанами, — Я пойму если ты попросишь ружье, чтобы застрелиться.

— Шайены ушли отсюда две луны назад, старик! — проскрипел индеец постарше, который держал нож у горла Джима. В этой паре он был явно главным. Плоское лицо с тонкими щёлками глаз, высокими скулами и глубоко медного цвета кожей было спокойно. На его голове был обтрёпанный по полям, помятый цилиндр, бывший когда-то черным, а теперь серый от пыли но зато украшенный бусами и какими-то пучками разноцветной шерсти и перьями. Второй индеец, не старше Джима, с длинными волосами и живым, сейчас довольно испуганным лицом, вскочил, и вытащив из-за пояса кожаных штанов два томагавка, начал крадущимся шагом обходить вышедшего из кабины Йема по широкой дуге. Йем стремительно выхватил свой огромный револьвер. Длинноволосый индеец замер, затравленно смотря в длинное, покрытое тонкой серебряной вязью дуло.

— Пытаешься зайти ко мне сзади, извращенец? — процедил Йем. Индеец отшатнулся опуская томагавки. Тем временем второй индеец в цилиндре, всё еще держа нож у шеи Джима, резко развернул и поднял своего пленника, так чтобы Джим оказался между ним и Йемом.

— Меня зовут Хитрый Койот, — как змея зашипел индеец из-за спины Джима — скажешь это имя, когда тебя спросят, кому достался твой скальп!

— Ты слепой Койот, — хмыкнул Йем. — Посмотри на эмблему на моём грузовике. А теперь отпусти мальчика и мне не придётся говорить твоё имя, когда меня спросят, чьими мозгами забрызган Джим.

— Я теперь вижу! Твой фургон раскрашен! Похоже, мы наткнулись на цирк, а ты, выходит клоун! — отозвался Койот и натужно засмеялся. Его молодой друг тоже хмыкнул и перехватил томагавки поудобней.

— Поверь мне, — начал говорить Йем, одновременно аккуратно подходя ближе, и вытаскивая второй револьвер — я и вполовину, не такой шутник, каким кажусь.

Джимми вскрикнул, из под ножа приставленного к его горлу, пошла кровь. Разрез был не глубокий, но болезненный. Хитрый Койот слегка ослабил нажим на нож и крикнул Йему:

— Бросай пистолеты старик, они слишком хороши для такого как ты! — и встряхнув Джима крикнул ему в ухо. — А ты чего молчишь парень? Скажи старому придурку чтобы он бросил стволы, а то ты будешь улыбаться ему сразу двумя улыбками!

В этот момент Джим наконец смог побороть свой страх. Собравшись с духом, он набрал воздуха, немного подумал, что лучше прокричать перед смертью, но на ум не шло ничего кроме банального «поцелуй меня в задницу». Джим сосредоточился и повернув голову в сторону своего мучителя, насколько это было возможно, прокричал:

— Поцелуй меня... — тут в его многотрадальном горле запершило, и дальнейшую часть фразы он неразборчиво прокашлял. Койот держал Джима за волосы, откидывая голову своей жертвы назад одной рукой, и тесно прижавшись к Джиму сзади. Джим стоял на коленях, нелепо отключив задницу. От кашля он дернулся всем телом и штаны окончательно спали. Во внезапно наступившей тишине Йем мягко шагнул ещё ближе, не опуская револьверов, и не меняя безразличного выражения на лице сказал:

— А вот это было очень неожиданно услышать от тебя, Джим. Но всё же я, как старший товарищ, должен убереечь тебя от таких связей. Надо же иметь хоть какие-то нормы прили... — фразу Йема прервала стрела с ярко-красным оперением. Джиму в первую секунду показалось, что в груди у Йема неожиданно появился яркий цветок — он не увидел её полёта. В ту же секунду всё пришло в движение, Йем выстрелил в темноту из одного револьвера, а из другого в кинувшегося на него индейца с томагавками, но тот успел отбить пистолет в сторону, и уже Йему пришлось уворачиваться от томагавков. Койот оттолкнул свою жертву и тоже бросился в бой. Джим упал на землю, и ничего не видел. Сверху раздавался лязг встречающихся с револьверами клинков, и дыхание дерущихся людей. Потом раздался сдавленный крик и всё затихло. Джим зажмурился. Сильные руки схватили его за плечи и поставили на ноги. Потом путы на руках ослабли — верёвку перерезали. Джим наконец открыл глаза, и первое что увидел — навигатор. Плоская коробочка в кожаном футляре казалась чуждой в грубых руках Йема. Джим выхватил прибор и, пытаясь подавить всхлипы, бросился к грузовику путаясь в штанах. Увидел тела индейцев, дернулся в сторону. Упал. Поднялся, подтянул штаны, вернулся за антенной и наконец скрылся в грузовике, не переставая всхлипывать.

Йем остановился над Хитрым Койотом. Поднял с земли его цилиндр. Хитрый Койот лежал на спине, его правая рука была не просто сломана, а изуродована так, что из неё торчал обломок кости. В груди индейца торчал его же нож, сидящий правда не глубоко, и подрагивающий в такт сердцебиению.

— Будешь притворяться мертвым когда я уеду, тупой Койот. Сейчас ты бы лучше встал и перевязал себе руку. Из какой дыры ты выполз, что не узнал эмблему на грузовике? Ты что не слышал о Воинах Огня? По крайней мере знакомые мне люди прерий так называли меня.

— Я думал это сказки, — прохрипел Койот, — Добей меня, мне всё равно не жить.

— Ну это ты зря. Нож застрял в ребре, насколько я могу судить. Очень больно, но легкое

не задето. Если ничего не предпринять с рукой, то ты можешь истечь кровью, а тебе ещё нужно вернуться в стойбище и рассказать старейшинам какую глупость ты совершил. Совет на будущее. Носи толстую кожаную одежду, как я. — Йем выдернул обломанную стрелу из груди, и внимательно осмотрел каменный наконечник с крохотной каплей крови на конце. — В ней немного жарковато, но со временем привыкаешь. Иногда, правда, попадаются припадочные койоты и портят кожу... — Йем заглянул под плащ покачал головой и продолжил: — И другую хорошую одежду, но зато ты можешь после этого разговаривать стоя.

Йем помолчал глядя как ворочается Койот, баюкая руку. И снова заговорил:

— Сейчас очнётся твой паренёк. Я здорово приложил его по затылку, но думаю, он твой родственник, так что проблемы с мозгами ему не грозят.

— Это мой сын, — просипел Койот, осторожно садясь. Йем кивнул и продолжил:

— А вот лучника я похоже уложил наповал. Жаль, смыслённый был парнишка, если бы у него было побольше силёнок, или получше лук, вогнал бы мне стрелу прямо в сердце.

— Это была моя дочь, — прохрипел Койот с земли. И тихим спокойным голосом добавил. — За неё я убью тебя.

— Мои соболезнования вашему горю, — пожал плечами Йем. — Но мне пора ехать. И так, любитель молоденьких мальчиков, ты уже понял, какую глупость ты совершил? И готовы ли ты к последствиям?

— Я недооценил тебя. Больше я не повторю такой ошибки, — Так же тихо и жестко ответил Хитрый Койот, спокойно глядя в лицо Йему.

— Ты и в самом деле тупой, Койот. Если ты нападёшь на меня снова, я убью тебя. Если кто-то из твоих попытается мстить, придут двое или трое из людей Ордена, и перебьют всё твоё племя. Мы не воюем с людьми, но мы убиваем тех, кто мешает нам вести битву со злом. А значит, нам надо помогать. Это просто и вы это быстро поймете. На деле мы очень добрые и милые парни, особенно по сравнению с тем, кто придёт к тебе после меня. — Йем повертел цилиндр в руках и бросил его на Койота. — Ты, сделал очень страшную глупость. Судя по этой шляпе, ты убил гробаря. Значит, скоро они придут за тобой и назначат цену за кровь. Я думаю, они заберут самое дорогое, что у тебя есть. Приготовься к этому. Если сможешь.

Койот долго и задумчиво смотрел вслед удаляющемуся грузовику, пока его сын не отвлёл его, начав стонать.

Через час езды Джим не выдержал. Он уже успокоился, но не находил себе места из-за беспокойства. Этот Йем, он ведь видел его навигатор. Конечно, туповатый головорез не понял что это, но у этих дикарей любая работающая технология стоит огромных денег. А неработающий кусок цивилизации ценится как амулет приносящий удачу. Джим не знал точно, насколько тут ценятся рабочие технологии. А вдруг Йем просто может разбить навигатор на несколько кусков и безбедно прожить лет десять на деньги, полученные с их продажи. Джим откровенно боялся. Надо было как-то выяснить, что же Йем намерен делать дальше.

— Почему ты не убил их? — спросил он Йема. Йем весь этот час молчал. Как и весь вчерашний день. Промолчал он и в ответ на этот вопрос.

— Какого черта! Ты же должен спасти людей! Эти гады убьют того кто поедет за нами! — неожиданно для себя самого закричал Джим. Видимо запоздалая истерика.

Йем поморщился. Громкие звуки его нервировали.

— Ты прикидываешься немым всю дорогу, но стоило появиться паре уродов, которые хотели перерезать мне шею, и ты травишь с ними байки как со старыми друзьями! Полуголые убийцы тебе приятней, чем я? Ты сам такой же угрюмый дикарь и решил, я хуже тебя потому что у меня нет пистолета? Ну, ты же оказывается шутник, давай расскажи мне смешную историю, не стесняйся! Или я убил не достаточно много народу для собеседника достойного великого рейнджера Ордена?! — Йем не глядя протянул руку и крепко схватил Джима за плечо. Джим замер. Йем, так же глядя на дорогу и продолжая управлять грузовиком одной рукой тихо сказал:

— Мальчик, я редко говорю с людьми. Провожу много времени в одиночестве. И так уж выходит, что обычно я начинаю разговаривать, когда думаю, что скоро кто-то умрёт. А если я сам планирую кого-то убить, меня это почему-то забавляет, и я начинаю шутить, — Йем повернул голову и некоторое время разглядывал Джима своими бесстрастными светлыми глазами. Потом снова повернул голову, устремив взгляд обратно на дорогу, и убрал руку обратно на руль. Джим сидел молча. Через некоторое время Йем сказал, словно нехотя цедя слова:

— Послезавтра мы приедем в Орден. Там ты сможешь вволю наболтаться с нашим настоятелем. Он любит поговорить, особенно со странными ребятами вроде тебя. И ты, возможно, сможешь убедить его помочь.

Долгое время они ехали молча. Неожиданно Джим расхохотался. Он хохотал долго, до слёз, пока не начал задыхаться. Наткнувшись на вопросительный взгляд Йема, он выдавил сквозь смех:

— Мне понравилась шутка про ружьё! — и, не уловив ответной улыбки, перестал смеяться. Немного испуганно спросил — Это же была шутка?

Йем промолчал. Впрочем, как обычно.

Прошло несколько часов неспешной езды.

И тут Джима внезапно настиг зов природы. На этот раз, настоящий. Зов был требовательным и срочным, но Йем проехал ещё не меньше трёх километров, выбирая подходящее место. Вокруг на сотню шагов простиралась каменистая равнина с чахлыми кустиками. Невозможно подкрасться незамеченным. С некоторых пор Джим тоже начал ценить подобный пейзаж. Джим присел недалеко от грузовика, не стремясь найти кустик. Его сосредоточение правда быстро прервали — со стороны грузовика послышался звук открывающейся двери и шаги. Повернувшись, Джим увидел Йема. Рейнджер подошёл к молодому человеку, который чувствовал себя несколько смущённым тем, что на него смотрят в столь интимной ситуации. Потом Джим увидел как Йем вскидывает неожиданнс оказавшийся у него в руках пистолет. Юноше показалось, что арбалетный болт направлен прямо ему в голову. «Всё таки он всего лишь обычный бандит» — пронеслось в голове Джима, перед тем как он начал умолять, чтобы этот дикарь не выстрелил.

— Ты даже не знаешь, как этим пользоваться! Не убивай меня, я могу показать! — кричал Джим, тихонько отползая.

— Я хотел бы попросить тебя о двух вещах, Джим, — перебил его Йем, целясь в паренька с обычным своим, безразличным видом. Джим уже привык, что Йем разговаривает с паузами, которые могли растянуться на минуты. Но прямо сейчас он был не в настроении ждать, когда же Йем закончит мысль. Он вскочил, натянул штаны и кинулся в сторону. К его удивлению Йем не выстрелил и даже не повёл за ним пистолетом, который держал в руке. Джим растерянно остановился. Йем словно бы забыл о Джиме, пристально вглядываясь в

пространство перед собой.

— Каких? — наконец проявил любопытство Джим, тихонько отступая к броневнику.

— Не задавай мне глупых вопросов. И не заблудись мне грузовик. Две простые вещи.

Обещаешь?

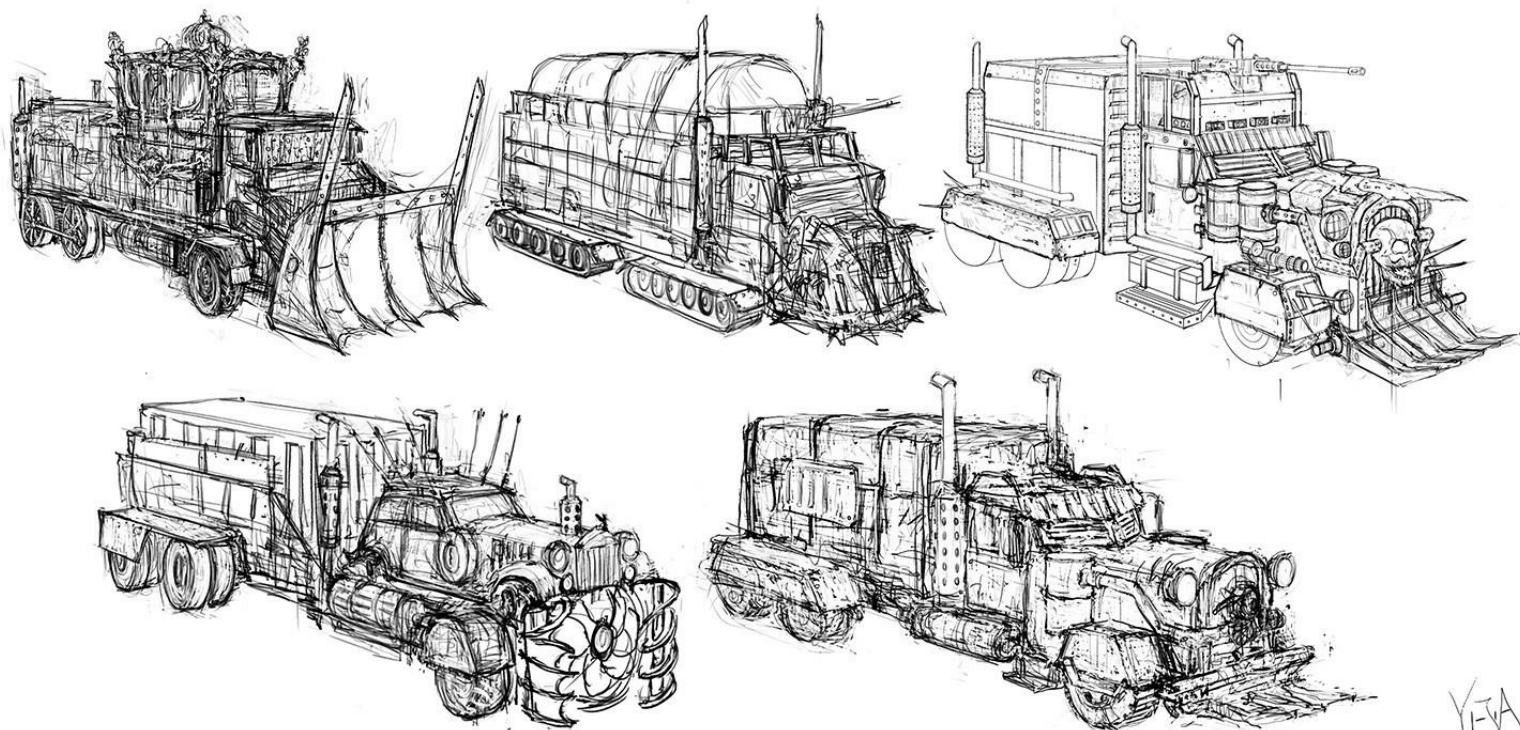
— Обещаю! — легко согласился Джим. И немного подумав, добавил:

— Почему это я должен заблудиться тебе грузовик?

— Ты же обещал Джим, никаких глупых вопросов, — едва заметно покачал головой

Йем, и резко повернувшись к Джиму, выстрелил.

Глава 5. Простые правила

TRIOTECH™ & Copyright © Triotech Amusement Inc. All Rights Reserved.

— Это очень нехорошо. Живые люди которые ничего не делали, нельзя их убивать, ай-ай, совсем плохо так делать, — Бубнил Руфус в углу грузовика. Он начал ещё со вчерашнего дня, но заткнуть не мог его никто, даже Дрейк. Здоровяк попытался набить морду «зарвавшемуся черножопому» но Руфус неожиданно проявил твёрдость характера и дал сдачи. На него кинулись толпой и немного порезали, пока Морган не отогнал «ребятушек» от неожиданно взбунтовавшегося чёрного. Но Дрейка здоровяк Руфус успел здорово помять. Теперь Дрейк показывал норы — хватался за оружие и выкрикивал угрозы. Дальше угроз дело не шло — Моргану Руфус был зачем-то нужен и он строго предупредил насчёт его. Чернокожий добряк угрюмо сидел в углу и косноязычно отговаривал своих «товарищей» от нападения на случайных путников, хотя теперь уже в полголоса.

— Да заткнись ты! — уже привычно бросил Дрейк. Остальные собрались вокруг Моргана. Тот мало напоминал того “доброего дедушку”, которого можно было видеть в городе. Цепкий, злой взгляд прищуренных глаз, искривленные в презрительной гримасе губы сильно портили Моргана, делая его лицо отталкивающим. Он говорил, по очереди внимательно вглядываясь в лица своих людей, ища тень неповиновения:

— Значит так, выезжает какой-нибудь терпила из за поворота. Видит нас. Все улыбаемся. Машем. Чтобы ни-ни у меня. Стволы на виду не держать! Ждём когда лох подъедет и выйдет из тарантайки своей. Тут не торопиться главное! Нехай подойдёт. А потом достаём стволы и кончаем. Но аккуратно! Со спины! А то ещё продырявит кого, вдруг он не такой тормоз как вы, в салуне помните какой прыткий попался. Попадись он мне...

— А если не подъедет? — с испугом спросил один из бандитов с цепким взглядом и длинной дорогой винтовкой в руках. Небрежная привычка в обращении с оружием выдавала в нем опытного стрелка.

— А если не подъедет, то ты Френк, на этот случай останешься со своим ружьём в машине. Деваться ему некуда, развернуться он не сможет, если надумает задом сдавать, так мы сразу в нашу машину, и быстро его нагоним, а если просто остановится, так хоть выйти спросить как там у нас дела, так обязательно выйдет. Ну, а если и не выйдет, ты тогда Френк, стреляй по колёсам. До поворота шагов пятьдесят, не больше. Не промахнёшься ведь, Френк?

— Постараюсь...

— Не надо стараться, надо делать. Промахнёшься ты по клиенту, не промахнусь я по тебе. Подумай об этом Френк и не промахивайся.

— Окей, босс.

— Едет! — закричал наблюдатель с крыши фургона.

— По местам! — зарычал Морган. «Ребятюшки» выскочили из фургона и постарались придать себе скучающий вид. Двое склонились над колесом прикидываясь, что с тем что-то не так.

— Баа-а! Да это старый знакомый! Бог помогает добрым людям! — Обрадовался Дрейк, узнав в выезжающем из-за поворота броневике машину Йема. Йем проехал несколько метров и затормозил. Водительская дверь открылась, на землю прыгнул сам Йем, по обыкновению в широкополой шляпе и своём длинном плаще. Выглядел рейнджер ещё обшарпанней обычного, левую руку держал в разрезе плаща, видимо на рукоятке револьвера, правую скрывала открытая дверь. Лица его не было видно. Морган выступил вперёд, умудрившись при этом остаться прикрытым телами своих «ребятюшек» и крикнул:

— Это ты Йем! Какая радость! А мы тут сломались немного! — и помахал дружелюбно рукой. Остальные натянуто улыбались. Йем молчал и не двигался. Тянулись томительные секунды неловкого молчания, разбавленные только змеиным шипением сухого, горячего ветра над каменистой равниной.

— Френк, ублюдок... — злобно зашипел, вторя ветру Дрейк, и тут, наконец, раздался выстрел. Голова Йема дёрнулась, явственно было видно как отлетели куски черепа. Двенадцати миллиметровая пуля гладкоствольного ружья Френка творила чудеса с черепами. Снова раздался выстрел и вторая пуля угодила Йему в левую сторону груди, его развернуло и он наконец упал лицом вниз, прямой и твёрдый даже в смерти. Дрейку даже почудился стук, словно на дороге упал не человек, а подрубленное сухое дерево.

— Забавно, — сказал Скользящий Гарри, который всё ещё стоял склонённым над колесом, да так удачно, что от броневика Йема его прикрывал и угол фургона, и спина подельника. — А шляпа с него так и не слетела.

— Он так с ней сжился, что даже умирают они вместе, — хмыкнул Дрейк — ну, вперёд, нам нужен его грузовик.

— А мне нужен мелкий засранец. Живым! — рявкнул Морган. «Ребятюшки» вытащили оружие и осторожно двинулись к грузовику. Позади из их фургона выпрыгнул Френк с ружьём в руках, и тут же начал добиваться признания:

— Попал! Видали?! Вот такой вот я!

— Держи на мушке броневик, придурок! — одернул его Дрейк, подавляя желание выстрелить в ухмыляющуюся рожу. «Ребятюшки» глумливо заржали, и прибавили шагу, поигрывая оружием. Кроме стрельбы по всяким придуркам, лучшее что может случиться в жизни настоящего мужчины, так это найти у этих придурков что-то ценное. А может, там, в грузовичке, даже обнаружится кто-то забавный. По настоящему забавный. С которым можно

будет долго забавляться...

Тяжёлый, массивный револьверный ствол выплюнул снап огня в метре от Джима. Пуля обдала ветром щеку Джима и с влажным хрустом вонзилась прямо в воздух. Джим увидел это, мгновенно обернувшись на звук. И застыл, удивлённо смотря, как прямо из воздуха, на сухую каменистую землю капает кровь. Джим вдруг почувствовал себя как будто он пьян, и пытается сфокусировать взгляд. Потряс головой и в глазах будто прояснилось. Джим увидел, что кровь на самом деле течет из груди совсем юной девушки, почти девочки. Её прекрасное лицо с огромными глазами было искажено от боли. Джим качнулся было к ней, ещё не зная, что он может для неё сделать, но смущённо остановился — девушка была почти нагая. Ремни с какими то ножнами и чехлами — вот и всё что составляло её одежду. Высокая красивая грудь была ничем не прикрыта. Джимми густо покраснел и тут вновь поймал взгляд прекрасной незнакомки, этот взгляд полный боли и ужаса заставил Джима разрыдаться и броситься к девушке, надеясь хоть как то ей помочь, но уже подошедший Йем с неожиданной силой отшвырнул его прочь. Джим упал на камни, больно ударившись локтями, но тут же вскочил, наливаясь нестерпимой яростью.

— Что ты... Какого... — начал было Джим, но Йем его не слушал. Быстрыми и плавными шагами он приблизился к своей несчастной жертве. Рейнджер поднял свой огромный, тускло поблескивающий чёрный револьвер и приставил дуло к её голове. Она смотрела на него сжавшись, с ужасом, он же на неё холодно, даже с отвращением.

— Самое страшное зло прячется за лицом женщины, — сказал хмурый рейнджер своим сухим каркающим голосом. И выстрелил.

— Зачем?! Что ты н-наделал?! — закричал Джим и, упав на колени, вцепился себе в волосы руками. Отчаяние заполнило весь его разум и только на самой границе, билась тревожное ощущение странности происходящего. Такого горя он не испытал даже когда погиб его отец. — Долбаный псих! Ты долбанный псих! — продолжал орать Джим, и вдруг внезапно понял, что он спокоен. Абсолютно спокоен. Спокоен так, словно все его чувства впитала эта каменистая пустыня, как впитывает она случайную влагу. Подняв глаза он наткнулся на чёрное дуло револьвера у своего лица.

— А это что у тебя? — спросил Джим растерянно.

— Назови своё имя, мальчик — голос Йема был сух и равнодушен как пустыня вокруг.

— Джим! — удивлённо ответил Джим. — ты что забыл?! Кстати, зачем ты в меня целишься? И почему мне так плохо... — мир в глазах юноши потемнел, и он потерял сознание. Но Йем успел подхватить его, не дав упасть на камни.

В себя он пришёл через несколько часов, и обнаружил, что вновь сидит в броневику Йема, на пассажирском сиденье.

— Ой мамочка, — простонал Джим, и схватился за затылок. — У меня голова как канистра с камнями! Меня чем-то ударило?!

— Ведро у тебя в ногах, — тут же отозвался Йем.

— Что? Ради Бога, Йем, ты можешь мне объяснить что произошло?

Йем остановил машину, повернулся к Джиму, нагнулся и поднял с пола старое ведро, которое действительно стояло рядом с Джимом, сунул его прямо под нос юноше.

— Да что ты де... — начал возмущаться Джим, отстраняясь от мятого жестяного бока,

но тут почувствовал как внутри его живота взорвался снаряд с острым перцем. Так можно бы было описать это ощущение. Не найдя другого выхода, вся это жгучая масса поднялась по горлу и ударила в ведро тугой струёй.

— Держи ведро! — прикрикнул Йем. И дождавшись, пока Джим ухватится как следует, за ставший вдруг таким полезным сосуд, выскочил из грузовика. Почти сразу он открыл дверь со стороны Джима и вытащил блюющего бедолагу из машины. Джима полоскало как никогда в жизни.

— Что за манера нарушать обещания, мальчик, — говорил между тем Йем ворчливым голосом. — Ты отползи подальше, давай, давай, не ленись, — рейнджер даже помог Джиму мягкими направляющими пинками. — Осторожно колесо! Я же попросил, и заметь, вежливо просил — не заблуй мне грузовик! Анус Ахримана! Тут брызги на стекле! Я не дал тебе испачкать мою машину внутри, так ты решил отомстить мне снаружи? Успокойся, это скоро пройдёт. Ух, тебя прямо выворачивает. Сядь на землю, а то упадёшь. Осторожней. Ты сейчас перевернешь ведро. Ну вот, я же говорил, осторожней. Осторожней! Ты же сейчас упадёшь в эту лужу. А вот это было просто омерзительно, Джим. Оботрись землёй, воды у нас мало. Почему ты испытываешь меня так жестоко, Ормазд. Джим, встань. Ну хоть отползи, а то захлебнешься. Так, ладно, я сейчас поищу тряпку.

Прошло полчаса и с трудом отмывшийся Джим угрюмо сидел на жёстком кресле и молчал. Зато у Йема было просто словоизвержение.

— Ты напугал меня парень, — и после короткой паузы, во время которой Джим даже не успел задремать, продолжил:

— Я уже думал придётся прикончить тебя там! — сон Джиму как рукой сняло. Сразу же сильно захотелось пояснений, но он решил терпеливо подождать. Чтобы унять дрожь в руках он начал тихонько считать про себя. Не успел дойти и до десяти, как Йем расщедрился новой фразой:

— Но когда ты назвал своё имя, ты здорово меня порадовал. Поверь, такому старику как я, совсем не улыбается копать яму и рубить на части такую дылду как ты.

Джим молча начал считать сначала. На двадцати четырёх Йем с тем же непроницаемым лицом продолжил:

— Это сильно бы меня огорчило. Твоя смерть испортила бы такой прекрасный день. Хорошо, что ты справился.

Джим понял что Йем выговорился. Досчитав до тридцати, спросил, говоря медленно и отчётливо, растягивая слова. Получилось похоже на манеру речи Йема.

— Что там произошло?

— Ты поймал взгляд старой, матёрой горги, парень. И остался в своём уме, — ответил Йем почти сразу. Потом внимательно посмотрел на Джима, — Правда, пока ты выглядишь немного заторможенным.

Их разговор занял несколько часов. Йему было бы трудно завоевать приз за лучшую лекцию года, но вспоминая обрывки собственных знаний, Джим смог сложить картину. Они наткнулись на одну из сильных девиаций. Ламия, как называли таких тварей в убежище. Тут их называли “горги”, скорее всего сокращение от латинского названия которое им дали ещё во время Катастрофы. Насколько Джим знал, эти твари могли вытянуть из человека все соки, причём в буквальном смысле, потому то Йем и отшвырнул Джима когда тот потянулся к твари. Спас ему жизнь, если смотреть в глаза фактам. Ещё горги опасны своими способностями к ментальным манипуляциям, но Йем был уверен, что Джим не подвергся

глубокой психологической ломке. Исходя из своих тёмных суеверий, этот полудикий рейнджер считал, что тот, кто смог назвать своё имя сразу после контакта с горгой, сохранил свою личность. Теперь Джим может и будет со странностями, но не перережет ему горло ночью. В пользу этого также говорило и расстройство пищеварительной системы. Логике в последнем Джим увидел не больше чем в перво, но решил что весь этот бред надо принять как данность и не пытаться указывать на очевидный идиотизм подобных утверждений. Зачем убеждать опасного дикаря в том, что он, Джим, может быть опасен. Сейчас Йем смотрит на него даже с долей некоторого уважения, но поколеблешь его уверенность, и утром Джим может проснуться от лишних дырок в теле. Сейчас они с Йемом вроде бы наладили контакт, Йем отвечал на его вопросы, если конечно Джим не задавал их слишком уж часто. И даже начал называть его «парень», что было по видимому на один ранг выше «мальчика» или «мальша». Всё это было бы просто отлично, вот только сам Джим уверенности в твёрдости своего рассудка не ощущал. Есть не хотелось, но Йем заставил Джима выпить немного воды.

Грузовик остановился. Йем едва заметно кивнул Джиму и вылез из грузовика. Немного подумав, Джим расшифровал это как приглашение и вылез за ним. Рейнджер вытащил из грузового отделения перетянутый верёвками мешок и начал его распаковывать.

— Скоро стемнеет. Там дальше дорога уходит в старое русло. Место которое созданное идеальным для засады. Если бы Тупой Койот был хотя бы немного сообразительным, он бы сделал засаду там, — Йем наконец размотал верёвки и вытряхнул из мешка содержимое. Это оказался труп горги. Джим узнал его только по ремням, перетягивающим тело. Казалось что это труп древней старухи, только разве что волосы не были седыми.

— Тьма, что так долго удерживала она своей волей, наконец вырвалась и пожирает её — сказал Йем. — Смотри, какова участь всех слуг Ахримана. Помоги мне одеть её в мой старый плащ

Джим начал помогать. Занятие было преотвратное, тело оказалось очень твёрдым и неожиданно горячим. Суставы сгибались с трудом. Вдобавок, мёртвая тварь так омерзительно смердела, что Джим не удержал в желудке воду, что он выпил. Йем посмотрел неодобрительно, и Джиму стало стыдно что он вот такой безалаберный, переводит продукты. Он почувствовал как он устал, как разбит, как вымотан, но сцепив зубы всё же помог одеть мертвую горгу в потёртый плащ и дырявые штаны. И только потом присел на камень.

— Я плохо разбираюсь в людях, — сказал Йем Заполнил следующую паузу тем, что схватил горгу и понёс к грузовику. — Но готов поставить завтрак против ужина, на то, что твой хороший друг Морган, очень хочет порыться в твоём рюкзаке, парень.

От этих слов Джим вздрогнул и, подняв глаза, увидел как Йем сажает труп горги на переднее место в броневику. Получилось это у него не сразу

— Я не так хорош в убийстве людей, как мои друзья шайены. Но их тут нет. И мы сделали хороший крюк, когда хотели их повидать. Значит, Морган нас обогнал. И мог устроить засаду. Дальше таких узких мест, удобных для него и опасных для нас, будет много. — Йем посмотрел на Джима. Помолчал, по своему обыкновению, прежде чем продолжить:

— Пусть впереди поедет она. Согласен? — Не дожидаясь ответа, Йем выудил из броневика молоток и несколько сампожных гвоздей и старую шляпу. После чего вернулся к трупу и начал аккуратно приколачивать к голове горги шляпу.

Джим пожал плечами. Потом улыбнулся и сказал:

— А давай назовём её Мисс Дорнвуд? Сейчас она до жути смахивает на мою училку в первом классе!

— Она мертва Джим, ей не нужно имя. И что такое “училка”?

Джим вздохнул и полез в грузовик. Назад, в грузовое отделение. Он нашел свободное местечко рядом с трициклом, прямо на мешках с сушенным мясом, оставив Йема и Мисс Дорнвуд наедине. Несмотря на то, что лежать приходилось кое-как и скрючившись, он почти мгновенно уснул.

Он уже не видел, что Йем усаживает труп горги рядом с собой, на переднее сиденье. Джим видел во сне родителей, Убежище, Элен. Её улыбку. Залитый солнцем луг.

Джим обожал ферму вокруг убежища. Они выбрались на поверхность очень давно, но только сейчас начали по-настоящему обживать местность вокруг. Купаться в речках. Охотиться. Рыбачить. Даже соорудили первые не гидропонные огородики. Местные назвали их дои пустоши. Все еще радиоактивные развалины были совсем не далеко, но вокруг Убежища холмы были покрыты изумрудной травой и кудрявыми деревьями. Это было хорошее место, в которое хотелось вернуться. И больно было терять такую жизнь. Джим дернулся, когда ему приснились испуганные глаза Элен, в тот день когда им показали съемку с разведывательного дрона. Мрачное зрелище. Наверняка, местные бы назвали запечатленное на видео "Мертвой Волной". Для Джима и Элен это было просто кошмаром.

И тогда Джим решил, что сможет остановить этот кошмар. Сон был беспокойный и напоминал скорее воспоминание. Но очень крепкий. Этот болезненный сон не смогли нарушить ни тряска, ни затекшие конечности, ни упирающееся прямо в печень кусок сушеного мяса. Джима разбудили только выстрелы.

Глава 6. Встреча на дороге

Морган был уже немолод. А в его профессии если уж ты доживал до такого возраста, это верный признак того, что ты умён и предусмотрителен. Как минимум, удачлив и хитер. Поэтому, когда из грузовика выскочила ещё одна фигура, одетая так же как первая, Морган не стал играть в героя. Старый мародер ловко отступил за идущего впереди Толстяка Эдварда и развернулся, чтобы бросится к своему броневнику. Но дьявольский рейнджер стрелял из револьверов самих Древних, не иначе. Две пули, почти одновременно прошли и Моргана, и его импровизированную защиту. Морган охнул, силясь сделать шаг, но ноги подвели его, и он начал заваливаться назад. Он бы упал на дорогу, но на полпути его встретила спина убитого наповал Эдварда, и они опустились на землю, привалившись друг к другу. На автомате Морган отсчитал семь выстрелов, которые Йем выпустил с умопомрачительной, даже для самовзводного револьвера, скоростью. Первым был убит Френк с ружьём, видимо признанный самым опасным. Вторым и третьем сам Морган и Эдвард. А потом по пуле получил каждый из остальных. Дрейк и кто-то еще даже успели выстрелить, но попасть с пятидесяти шагов навскидку... Это дело безнадёжное. Хотя, рейнджер смог. И даже шесть раз подряд. Скользкий Гарри в очередной раз оправдал свою кличку, и смог, укрываясь за грузовиком, пробраться к обочине, и попытаться упасть за насыпь. Это ловкий манёвр дал ему право умереть последним. По крайней мере последний выстрел Йема в мелькнувший силуэт Гарри был отмечен вскриком. Морган вспомнил рассказы об рейнджерах Ордена, казавшиеся ему сказками, и осознал всю глубину своих заблуждений. В лёгких скверно свистело и клокотало, Морган закашлялся и из горла пошла

кровь. Тень заслонила солнце, и Морган, с яростным отчаянием, невероятным усилием поднял пистолет.

— Когда мы виделись в последний раз, Морган, ты посмотрел на меня так, как будто я твой враг, — резкий голос Йема, словно карканье почуявшего падаль ворона, прозвучал сверху. Йем продолжил, после секундной паузы:

— Ты должен знать, что я делю своих врагов на два типа, — Револьвер из руки Моргана выбили сильным ударом, — Это те, кто уже мертв, и те, кто скоро умрёт. Должен тебе сказать, что ты продержался во второй категории дольше чем очень и очень многие другие. Почти сутки. Но, я думаю, тут нет твоей заслуги, поэтому медаль я тебе не дам.

Морган закрыл глаза и провалился в темноту.

— Господин Рейнджер, сэр! Не убивайте меня я без оружия совсем! — Донеслось из за насыпи. Скользкий Гарри поднял руки так, чтобы Йем их видел, — Вы же не убиваете безоружных! Видите у меня нет оружия! Меня заставили, я тут случайно! Меня хотели убить и я ехал с ними не по доброй воле, сэр! О нет! Эти подонки, эти ублюдки, заставили меня! — Гарри приподнялся и увидел как Йем прячет револьверы в кобуру.

— Вы спасли меня, сэр, я так благодарен сэр, так благодарен! — Запричитал Гарри и из глаз его брызнули слёзы.

— Я следую путём Заратуштры. Суть его в том, что каждый свободный нравственный выбор человеком благих мыслей, благих слов и благих деяний, делает мир светлее и правильнее. А значит, каждый человек может и должен стать на сторону Добра, — Гарри мелко закивал словам приближающемуся к нему Йему, охнул и опустил руку приложив её к кровавой ране, которую он прикрывал скомканной шляпой. Рейнджер навис над ним, слегка наклонился, поставив ногу на насыпь и неожиданно улыбнулся.

— Но я видел как ты достал нож в салуне. Хотел пырнуть меня, незнакомого тебе человека. Мне кажется, твоя душа полна зла, — сказал Йем и потянул из-за спины мачете. Гарри вскрикнул и рванул револьвер, который прятал в шляпе, но рейнджер был просто нечеловечески быстр. Взмах тяжёлого лезвия обезглавил Скользкого Гарри раньше, чем он успел поднять оружие.

— Я не вершу суд и не принуждаю к добру, я только защищаюсь от зла, — пробормотал Йем, — Ты бы мог просто ничего не делать и остаться в живых. Твоя подлая натура толкнула тебя к смерти, обещаю жизнь.

Глава 7. Долгий марш

Это был приятный, даже не очень жаркий день. Вокруг была радующая глаз зелень на нетоптанных полях — Билл мог бы даже улыбаться глядя на всю эту красоту, если бы не эти твари, с которыми ему не повезло родиться в одном городе.

Билл хмуро оглядел отряд новобранцев. Еще пару лет назад и он с остальными сержантами, были такими же как эти молокососы. Сами молокососы, впрочем, считали себя ребятами тертыми. А то как-же — побывали в уже в паре стычек. Только Билл и остальные сержанты понимали, насколько же новое поколение Спрингвуда было не готово. У сержантов и их Лейтенанта было меньше шести месяцев, чтобы привить ополченцам представление о дисциплине, но большего они не успели. Дивизия вдруг воспрянула ото сна и уже ранней весной выбросила в Пустоши щупальца маршевых колонн, усеянных шипами орудий, конвоем гвардейских броневиков и офицерских траков.

Ополчение Спрингвуда, в этом наборе, состояло из 108 человек. На службу сейчас шли гораздо охотней. За два года под властью Дивизии люди попривыкли к новым порядкам. К тому же, обнаружилось множество преимуществ, которое дает полное гражданство. Разумеется, значимые люди города смогли это обойти, но те кто не был достаточно богат чтобы сгладить превратности рождения, расценивали возможность отслужить и получить гражданство, как вполне заманчивую. А чего бы и не рискнуть на сравнительно нетрудной, пусть и опасной работе, в счет будущих возможностей. Можно было надеяться на вкусные и тихие посты городской стражи, или даже довольно удобный стул представителя от местного купечества. Этим, и многим другим, мог заниматься только гражданин, оттрубивший обязательный срок службы. Вдобавок, Билл с друзьями регулярно пересылал родным деньги. Сумма в 40 серебрянных долларов за убитого упыря, поделенная на десятерых, пусть и со всеми вычетами, все ещё оставалось достаточной, чтобы вызвать заинтересованность и среди вполне зажиточных середнячков, и уж тем более бедных горожан Спрингвуда.

В этом наборе не все были из оборванцев. И даже больше того, двадцать человек пришли со своими ружьями. Обычные для пограничья вертикальные двустволки с калибром в 12,7 миллиметров. В Спрингвуде такие ружья называли “Старый Друг”. Может быть, конечно, кое кто и фыркнет презрительно, дескать старье и барахло. И совсем зря — тяжелая тупоносая пуля из Старого Друга, при небольшой удаче, раздробит даже матерому упырю лапу на расстоянии в сто шагов. Люди, которым приходится периодически проводить опыты по выживанию, относились к этим ружьям трепетно. Да и владели виртуозно — кажущиеся неудобным перезарядание выполнялась жителями отдаленных хуторов, в виду постоянной практики, почти мгновенно.

Но увы, таких хороших стрелков в ополчении было не много. Да чего тут темнить, с точностью у новобранцев было если и лучше чем у полуслепой свиньи, то не намного. Вступившим в ополчение не хватало практики. Ополченцы все же были не из самых богатых горожан, а патрон, даже на дымном порохе тянул на 40 центов. И это при том, что хороший Старый Друг, с красивым дубовым прикладом и небольшой гравировкой на граненых стволах, стоил ну никак не больше шестидесяти серебрянных долларов. А тот, что попроще, можно было прикупить и за двадцать.

А за двадцать долларов можно было купить бычка. А за семьдесят — хорошую, молодую дойную корову. А три бычка или одна корова — это уже неплохое приданое...

Потому патроны берегли и стреляли не по делу редко, разве что зажиточные хуторяне раз в месяц палили по пяток патронов, так и то сказать — палили они не в бутылки. Было им в кого стрелять...

Так вот, в ополчение пришло полторы дюжины человек со своими Старыми Другами. Лейтенант Рой Дженкинс обрадовался им как родным. Тут же выделил их в отдельный взвод, поставил главным Валентина, купив ему за свой счет Старого Друга. Эти стрелки оказались освобождены от множества нужных и понятных, по мнению Билла, обязанностей простого солдата. Предполагалось что взамен они будут упорно тренироваться стрелять. Хотя, разумеется, на патроны денег не было. Другие ополченцы были отданы на растерзание Билла и остальных сержантов. Несмотря на то, что Топор Гарри много рассказывал о том как он будет зверствовать с новичками, единственный по настоящему требовательный сержант среди всех, оказался сам Билл, к которому намертво приклеилось прозвище “Злой”. Так его начал называть даже Лейтенант Рой.

Кстати, о Лейтенанте — уж как Биллу не нравилось его подопечные, но поведение Лейтенанта ему нравилось еще меньше. С самого начала Лейтенант часто и подолгу пропадал по своим офицерским делам, фактически переложив обучение на плечи сержантов, оставляя за собой роль экзаменатора. Это еще пол беды — лейтенант стал дистанцироваться от своих ополченцев. Особенно это стало заметно уже после обучения. Когда их колонна втянулась в реку армии, разлившейся по дорогам. На марше сержант видел Лейтенанта даже не каждый день, тот обычно уезжал верхом в компании других офицеров прямо с утра и мог не возвращаться к отряду по несколько суток.

Отряд Спрингвуда, крупный по меркам пограничья и крохотный в сравнении с огромной маршевой колонной Дивизии, был тем не менее, хорошо подготовлен к дальней дороге. Пара фермерских грузовичков на метане везли еду, немного боеприпасов и снадобья для раненых. К каждому грузовичку была прикреплена тележка с запасом воды и местом для восьми раненых. Личные вещи, запас еды, одежды, сменной обуви, палатки и даже

разборные деревянные заграждения умещались на семнадцать телегах. В каждой телеге по две меланхолические коняги. В начале похода телег было двадцать, но после стычки у развалин, три отправили домой.

Честно говоря, назвать эту происшествие стычкой, Билл мог только скрипя зубами и через силу. Просто встали на ночевку вокруг столичного саперного батальона, который потрошил еще не до конца разворованные руины Древних. Не разворованные, потому как рядом гнездились упыри. Рядом была речушка, место было открытое, опять же суровые и бравые вояки из самой Столицы. Спрингвудцы не особо раздумывали, разбили рядом лагерь на ночь, предусмотрительно запаслись дровами и зажгли костры. Лейтенант к тому времени отсутствовал второй день, но сержанты крепко помня его науку, все сделали по его наставлениям.

Как стемнело — упыри вылезли. Что тут скажешь. Не получилось толком поспать. Полночи были слышны вопли и пару раз на границе светового пятна мелькали нечеловечески быстрые и уродливые тени.

Больше для поддержания морального духа, Валентин выстроил своих стрелков и сделал два залпа в темноту.

Всю ночь нервны ополченцы пялились в темноту, сжимая в руках слипвелы, а хмурые сержанты скрывали растерянность за громкими выкриками команд. И тихой руганью поминали своего Лейтенанта.

Утро принесло с собой невыразимое облегчение, известия о полуторадеятков трупов у саперов, и все еще пьяненького Лейтенанта. Который нашел в траве свежий труп матерого вурдалака. Чья-то счастливая пуля нашла глубоко запрятанный в костяном горбу мозг. Тварь была действительно матерая — челюсти были настолько здоровые, что в них можно было вложить шляпу, не сильно то и помяв.

Лейтенант немедленно умчался в штаб, докладывать о своем успехе, а спрингвудцы, в виду отсутствия приказов, торчали на том проклятом месте до вечера. Под вечер явились не ктонибудь а гробари, в своих черных нелепых сюртуках и цилиндрах, и увезли мертвую тварь. Несмотря на то, что гробари однозначно заявили о том, что поблизости больше нет нечисти, вторая ночь на том же месте, оказалась почти такой же нервной. Явившись утром, Лейтенант напоролся на некоторое неподобающие высказывания от своих сержантов. Впрочем, Лейтенант быстро вернул себе их расположение, объявив что добился выдачи Спрингвуду десятой части трофеев, что раскопали саперы. Молодой но хитрый, Лейтенант также объявил, что за первый бой он не возьмет свою половину от награды. И напомнил, что капралу полагается две части добычи, а сержанту целых пять. И только потом сообщил, что им выплатят за этот бой двести тридцать долларов серебром.

А потом посвятил перед строем в капралы семь человек. Шестеро из которых — те стрелки, что принесли не только “Старого Друга”, но и запас патронов и лошадей. А одного, по всей видимости, он выбрал случайно.

Парня трудно было не заметить. Тезка Билла, бывший грузчик с пристани, здоровый мужик, примерно сорока лет, с очень зверской рожой. Отличился же он тем, что во время второй ночи, после очередной ложной тревоги, мечась по лагерю, умудрился упасть на собственный слипвел, раскроив себе и без того уродливую рожу.

“Кровь Спрингвуда должна быть оплачена” — заявил Лейтенант Рой, вручая этому растяпе капральский значок.

Сержанты оценили достижения грузчика по своему, окрестив его Упырерубом.

Когда прошел ужас и эйфория от первой стычки, те из ополченцев, кто поумней, прикинули, что за две ночи потных ладошек, дрожи в голосе и беготни на ватных ногах — они получат примерно по 2 доллара.

Гарри Топор сказал, что это заработок одного, очень ленивого, лесоруба, примерно за неделю. Учитывая, что в армии они уже были больше полугода, многие начали подозревать, что их надежный план — “пойти в армию и разбогатеть” — может не учитывать некоторых нюансов.

Стычка была две недели назад, а всего их отряд в пути был почти месяц. Настроение неуклонно падало. Сержанты, впрочем, держались молодцом. Путем рассмотрения проблемы со всех сторон (не без помощи алкогольных стимуляторов мозговой деятельности, конечно), они пришли к выводу, что в принципе, военный поход не так уж и плох. Во первых, есть хорошие шансы, что попытаются сожрать не тебя. Выбор то большой, главное выглядеть достаточно не вкусно. Во вторых, при этом есть еще и хорошие шансы отломить себе солидный кусок серебра — по всякому выходило, что сержанты получают за этот поход уже больше 10 баксов, а это уже почти в два раза больше, чем за одного упыря, которого они убивали раньше. И к тому же, забить упыря, даже и не такого матерого, слипвелами — на редкость муторное и травмоопасное дело. А тут у тебя для этого под рукой почти сто олухов со слипвелами, и Валентин со своими восемнадцатью стрелками. При некоторой удаче, дело могло стать довольно прибыльным.

Этим утром они вышли на берег безымянной реки. За ней начиналась плотная застройка древних. А еще дальше, почти на самом горизонте, виднелись огромные рукотворные горы — раньше люди жили в них. Все замерли. Лейтенант, для разнообразия сегодня едущий на коне рядом со своим отрядом, отошел от шока первым. Привстав в седле, он заметил рядом холмик, на вид весьма удобный, и отстоявшийся недалеко от полуразрушенного моста.

Так уж вышло, что спрингвудцы вышли к реке одни из первых. Даже саперы, что ехали на грузовичках, еще только выгружались. Не то чтобы Лейтенант сильно торопился — просто остальные отряды шли еще медленнее, чем они.

Лейтенант Рой Дженкинс начал отдавать команды. И не поленился побегать лично. не помогая исполнять приказания, а мотивируя разленившихся сержантов памятными по обучению пинками и зуботычинами. А уж сержанты, со всей своей старательностью, передали волю начальства остальным ополченцам. Надо было выбрать удачное место для стоянки, объяснил Лейтенант Рой Дженкинс, когда вконец запыхался — скорее всего сюда будет стягиваться все войско Дивизии которое сильно растянулось на марше. Значит, пока все в кучу соберутся, стоять тут будем дня три. Надо нормально встать, чтобы и вода, и обзор, и все такое.

Сержанты были люди тертые и думали о будущем. Поймав лейтенанта в благодушном и притомленном состоянии, они тихонько вытянули крохи информации. За каким чертом они сюда вообще приперлись? Этого лейтенант не знал, но ближайшие планы командования были еще не объявлены, но очевидны. Закрепиться по эту сторону реки, а потом — рывок в развалины Древних, с постепенным захватом кусков земли и возведением укреплений.

Лейтенант присмотрел отличный холм, с крутым склоном, смотрящем в сторону реки. Он поехал вперед и поднял на холме свой штандарт. Остальные спрингвудцы добрели туда только через час. Билл, не давая уставшим людям расслабиться, тут же организовал один отряд молодняка, под мудрым руководством сержанта Тихого, на рытье ямы под туалет.

Топор и Валентин начали выстраивать повозки в полукруг, и вбивать колья ограждения. Еще полтора десятка человек, с ведрами и телегой с двумя бочонками отрядили за водой на реку. Но ни один сержант не захотел тащиться туда — солнце уже было довольно высоко и стало припекать. Гнусно воспользовавшись своим положением, сержанты увильнули от этого задания. Молокососы пошли сами. Хотя конечно, это был не порядок. Но Билл уже присел в тени от грузовичка Лейтенанта, а Валентин принес кувшин пивка, малый подарок, переданный сержантам от стрелков-ополченцев. Все-таки эти парни были богатые, и взяли с собой из дома побольше многих. Билл вытянул ноги и расслабился. Лейтенант ускакал еще до того как спрингвудцы добрались до верхушки холма. Сержанты начали было недовольно ворчать, но их одернул Валентин. Дескать, лейтенант то поди и сам бы рад с нами быть, но нельзя ему. Должность такая, что нужно в кругу офицеров вертеться. Связи и знакомства заводить. Поднабрался, видать, от своих жирных стрелков житейской мудрости. Тьфу.

Отдохнуть Биллу не дали.

— Злой! Злой Билл! — раздался крик рядом.

Билл встал, неторопливо отряхнул брюки шляпой и пошел на крики. Впрочем, их источник уже появился перед ним и сам. Тощий мальчонка, вроде как племянник Топора, с красным от крика и бега лицом, добежал до Билла, и согнулся, уперев руки в колени — так запыхался, что никак не мог отдышаться. Билл дал ему немного времени, а потом рявкнул:

Анукаежтвоюмать! Смееерно и доложуй по усей форме!

Пацан выпрямился и попытался встать смирно, выпятив цыплячью грудь. Быстро-быстро залопотал. Надолго его не хватило, но из сумбурного потока слов Билл уяснил — пацан потихоньку свалил в лес, чтобы не работать. Надо будет Топору сказать, пусть выпишет балбесу леца, по-родственному. В лесу лодырь был не один, а с еще одним парнишкой. А потом что-то страшное зашевелилось в кустах. Они вдвоем бросились обратно к своим, да только из леса выбежал он один. Увидев рядом Валентина, Билл попросил его распросить пацана подробней, а сам постучал кулаком по борту грузовичка. Стучать пришлось долго. Из-за борта высунулась толстая наглая рожа водителя-механика. Благодаря близости к начальству и высокоценящимся навыкам, механик вел себя нагло и в выражениях не стеснялся. Билл давно уже на него зубами скрипел и в этот раз не упустил случая поставить борова на место. Механик только открыл рот, чтобы обсыпать Билла отборным словесным дерьмом, как Билл резво подскочил к нему, и поймав механика за ухо, наклонил к себе, заорав своим лучшим командирским голосом:

— Сигнал! Тревога!

Механик охнул, вырвался. Судя по звуку, потерял равновесие и упал внутри грузовика. Билл довольно хмыкнул. Тревога, конечно, ложная. Но началась хорошо.

Билл успел дойти почти до самых повозок, которые уже стояли полукругом, с поднятыми деревянными щитами образуя стенку, обращенную на пологий склон холма, когда наконец офицерский грузовик издал два долгих гудка. Это означало “к оружию”.

Несмотря на начинающуюся жару и общую разморенность после марша самого разгара хлопот по обустройству лагеря, спрингвудцы показали себя хорошо — быстро расхватили слипвелы, разбились на десятки и бросились к своим местам. Сержанты могли бы собой гордиться — все таки чуток ума они в своих соотечественников вбили. Жаль лейтенант не видит. Билл забрался на телегу и привстав на цыпочки, помахал шляпой. К нему начали подходить остальные сержанты. Биллу, честно говоря было лень думать. Да к тому же еще и пиво... Пусть остальные решают, идти искать второго идиота, или тут стоят...

— Костяные пауки! — заорали с повозок. Оравший дал петуха, в конце фразы перейдя на девчачий визг. Что говорить, а это признак паники, надо бы отправить туда Гарри, или сходить самому. Интересно, он кустов испугался, или в лесу и в самом деле есть кто?

Билл повернулся к лесу. Он медлил не меньше трех секунд хотя после первого же взгляда убедился, что оравший был прав. Просто ну никак верить не хотелось.

— К оружию! Поднять борта! Держим периметр! — совершенно диким и невероятно высоким голосом заорал Билл. Ну как заорал. Завизжал, скорее. Куда там девке, такой визг разве что свинье осилить. Биллу стало стыдно. Но не надолго — от леса, по паучьи перебирая лапами, к их повозкам приближалась смерть. Когда жизнь становится по-настоящему интересной, то ты уже не думаешь, как выглядишь со стороны.

Глава 8. Добрый доктор

Гробари не разговорчивы и исполнительны. Они делают самую грязную работу, какую только могут придумать. Они никогда не жалуются и всегда уходят после того, как дело сделано. И, конечно, люди их терпеть не могут.

И дело даже не в том, что гробари воняют тухлятиной, выглядят как слегка подсушенные покойники и на многих — дурацкая маска с огромным носом и

непрозрачными стеклами. Просто, само по себе появление гробаря — плохая примета. Примета смерти.

Но даже на фоне и так зловещих гробарей, Белый Доктор выделялся своей особенной, впечатляющей жутью. В отличие от всех других, его маска была особенно гротескной, с огромной пастью подчеркнутой окрашенным в красное губами и носом, касающимся подбородка. Вдобавок, Белый Доктор мог похвастать невероятно длинными конечностями. Повозка Доктора, была гораздо больше обычных повозок гробарей, и запряжена сразу четырьмя лошадьми. А еще вокруг Доктора постоянно вилась стая ворон, но как раз это было уже вполне обычно для гробаря. Печать профессии. Снятую с костей плоть гробари, как правило, выбрасывали, и крылатые падальщики быстро связывали людей в пыльных цилиндрах с едой.

Прямо сейчас Доктор шел пешком, небрежно помахивая огромным кожаным портфелем с массивными замками. Повозку пришлось оставить — убийцы его собрата забрались далеко от дороги. Относительное бездорожье пустошей его повозка еще могла преодолеть, но эти беспокойные люди нашли тут старые развалины и не побоялись залезть в них. Доктор остановился и осмотрелся вокруг. Его глаза было невозможно разглядеть сквозь круглые стекла массивных, плотно прилегающих к маске очков. Наконец он уставился на покосившуюся бетонную коробку прямо перед ним. Вороны подняли крик и бешено закружились вокруг Белого Доктора, пока он так стоял.

Из темного провала входа выступил старый индеец, с бесстрастным лицом и рукой на перевязи. В здоровой руке он небрежно держал томагавк — так, чтобы Доктор его видел. Йем опознал бы этого индейца как того, кто думает, что его зовут Хитрый Койот. И Йем был категорически не согласен с эпитетом Хитрый. На голове старого индейца красовался цилиндр, снятый с убитого гробаря. Он некоторое время рассматривал Доктора, а потом сказал:

— Я ждал что ты придешь, — голос у индейца не сильно отличался от криков вороньей стаи и разобрать слова было трудно. Он находился не меньше чем в пятидесяти шагах, и выступил из тени так, чтобы можно было быстро спрятаться, окажись у Доктора ружье или пистолет. Койот приглашающе помахал Доктору:

— Подойди и сделай то, зачем пришел.

Доктор улыбнулся если бы смог. Его уже очень давно не пытались заманить в ловушку. По видимому индеец был издалека. Люди совсем не с таким выражением лица встречают Белого Доктора. Доктор наклонил голову набок и демонстративно уставился на камни за которыми спрятался второй индеец. Кажется, у второго был лук. Какая нелепая засада.

— Плохие предчувствия? — красивый и громкий как звон стального листа, голос раздался прямо над старым индейцем, заставив того отскочить в укрытие.

— Руки-ноги отсеки, косточки в огонь сложи, — заговорил девичий голосок детскую считалочку с другой стороны, заставляя Койота беспокойно метаться взглядом по камням. С третьей стороны раздалось:

— Дезинфекция нужна, жди цилиндр гробаря, — эта фраза была произнесена мужским глубоким голосом. Детские считалки, поговорки и песенки про гробарей обрушились на индейцев лавиной, словно кто-то перевернул грузовик со словами. Фразы переплетались, звучали одновременно и наоборот, дробилась на отдельные слова, словно множество людей говорили лишь по одному слову попеременно и тут же замолкали. Хитрый Койот наткнулся взглядом на огромного ворона, приземлившегося совсем рядом, зарычал, давя гневом страх,

и замахнулся томагавком, намереваясь прикончить наглую птицу. И тут что-то очень сильное и белое, вздернуло его вверх, приложив о скалу, и придавило к земле. Тощая белая лапа, словно сплетенная и проволоки держала его поперек живота. Невероятной длинны пальцы на длинной узкой ладони вцепились в тело индейца как когти хищной птицы. Этот гробарь подобрался так близко, надо ударить его томагавком...

На Койота накатила странная слабость, в глазах заметались яркие пятна, будто он зашел в темноту после того как побывал на ярком солнце. Все еще рыча Хитрый Койот завертел головой, пытаясь понять что происходит. Почему сын не утыкает стрелами этого странного человека и что удерживает Койота над землей... И тут его блуждающий взгляд наткнулся на сломанный лук сына. Койот закричал от ярости, загоня в глубь страшную догадку, забился, но тут его сознание заволокло белым туманом и он отключился.

Осторожно положив старика, Доктор проверил, не добавилось ли у старого индейца переломов.

— Не надо было мне так близко подлетать, согласен, — извиняющимся тоном сказал крупный ворон.

— Не переживай Хуги, — ответил ему другой такой же крупный ворон с верхушки камня, за которым прятался Хитрый Койот — Мы все будем считать, что ты его мастерски отвлек. И даже немного напугал.

— Ты тоже заметил? — смущенным тоном отозвался Хуги и захлопал крыльями. — Я и не надеялся на эффективность, ведь мне пришлось импровизировать. А скажи честно, Муги, я был не слишком высокопарен?

Второй ворон, словно в задумчивости, почистил свои крылья клювом. Потом, заметив что Доктор отошел к молодому индейцу, слетел вниз. Сел недалеко от неподвижно лежащего Койота. Внимательно заглянув индейцу в лицо. Сделал несколько осторожных шагов поближе к телу и сказал:

— Возможно для вдумчивой публики твои фразы могли бы и показаться несколько натужными... — Муги резким движением вскочил на Хитрого Койота, быстро перебирая лапами с острыми когтями взобрался поудобнее на его грудь и заглянул в лицо. И тут ворона согнал подошедший Доктор. В одной руке у Доктора уже был саквояж, а другой он придерживал на плече безвольное тело молодого индейца. С некоторой осторожностью закинув на это же плечо и Койота, доктор, без видимых усилий потащил их к стоянке индейцев, которую они спрятали в нескольких сотнях метров впереди.

— Но тут надо судить в контексте, Хуги, — продолжал между тем Муги. — Вот безлюдная пустыня, опасные бандиты, к тому же по всей видимости хладнокровные убийцы, и у тебя не так много времени на экспромт, — Муги развернулся к Хуги и раскрыл крылья, будто неуклюже подражая пожиманию плеч у людей, — Что тут еще могло прийти в голову? Только старые присказки да глупые стишки.

Вороны синхронно развернулись и взлетели, громко хлопая крыльями. Пролетев над Доктором, направились вперед, в сторону его движения, пытливо заглядывая в тени от растительности и камней.

Койот очнулся когда уже стемнело. Рядом стонал сын. Он осторожно приоткрыл глаза. Станный человек в уродливой белой маске сидел к нему лицом. На его на плече сидел ворон. А перед чужаком лежала дочь Койота, раздетая по пояс. Покрытая, как краской, кровью. Койот осторожно попытался пошевелиться — и на него накатила такая слабость, что он охнул как рожающая баба. Как стыдно.

— Пуля попала ей прямо в грудь, — сообщил Койоту голос, со странным звучанием. Такой странный голос Койот уже слышал. Голос тем времена продолжал:

— Какая красивая, дорогая, качественная пуля! — восторженно заявили из темноты за спиной Койота.

— Прошла на вылет, оставив аккуратную дырочку. Я обработал рану особой мазью гробарей. Дырочка затянется, девочка будет жить, — ласковым, старушечьим голосом сказал ворон, сидящий на плече Доктора. Койот растерянно посмотрел на птицу, неуверенный, что ему это не показалось. Ворон спрыгнул с плеча Доктора, и осторожно подобрался поближе к индейцу, настороженно посматривая на него то одним, то другим черным глазом. А потом сказал вкрадчивым и тихим женским голосом:

— Не томи меня, расскажи же скорее, кто это стрелял в вас такими дорогими пулями?

Койот некоторое время молчал. Отвечать было лень. Но птицы вокруг смотрели на него молча. А фигура в цилиндре, склонившаяся над его дочерью, возможно из-за слишком длинных рук казалась каким-то кошмарным богомолем. Надо сказать хоть что-то, услышать свой голос. нарушить этот муторный кошмар который длится и длится. Хитрый Койот пробормотал, с трудом разлепив сухие губы:

— Один человек, — Койот еще немного помолчал и продолжил, обращаясь к фигуре в цилиндре. — Что тебе нужно от нас?

— Ты же и так знаешь, если ждал меня. Тот человек, что стрелял в тебя, был огнепоклонником, не так ли? — протянули с надменным выражением совсем рядом.

Койот не совсем понимал что ему говорят. Слишком правильные слова, слишком странный выговор. Слишком по-старинному, мог бы подумать Койот, если бы знал это слово. Хитрый Койот немного полежал, собираясь с силами и попытался изменить мир языком, раз уж подвел томагавк.

— Там, в наших вещах, есть шкуры и золото. Ты можешь взять их себе. Если тебя интересует откуда у меня эта шляпа, — то я нашел её рядом со сгоревшей повозкой. Мы никого не... — но его перебили.

— Ты лжешь. Гробари всегда знают, кто убил одного из них. Я заберу тебя с собой, отниму твою душу и заставлю жить в аду почти вечность за то, что ты убил одного из нас. Такова цена за твою глупость и она не изменится. Но ты можешь спасти жизни этим двоим и тем трем десяткам, что ждут тебя западе, если не станешь оскорблять меня ложью. А теперь замолчи. И молчи до тех пор, пока я не разрешу тебе говорить.

Койот закрыл глаза и замолчал. Условия его вполне устраивали.

На следующее утро он очнулся уже в повозке Доктора. Койот с пониманием отнесся к тому что он был крепко привязан к деревянному лежаку за каждый сустав на руках и ногах. Одежды на нем не было. Это тоже понятно, так куда удобнее пытаться. Толстые кожаные ремни перехватывали также и его шею с поясницей. Но то, что на нем по прежнему шляпа гробаря, его сильно удивило. Слегка приподняв голову, он обнаружил, что в его руки вставлены тонкие трубки — это его обескуражило, но не напугало. Он бы мог опознать в них капельницы, если бы хоть раз до этого видел капельницы. Койот вздохнул и отключился.

— Какой крепкий парень, этот индеец, — протянул с сильным южным акцентом Мути, сидящий на левом плече Доктора. — Настоящее дитя природы.

Ворон периодически поглядывал назад, поэтому увидел как индеец ненадолго пришел в себя.

Ворон некоторое время пристально всматривался в Койота. Убедился что тот лежит без

движения, снова сказал, тем же голосом:

— Мало того, что смог немного поболтать, после того как его “надпили”, так еще и снотворное его не берет.

— А это значит, что из него выйдет отличный новый сотрудник! — жизнерадостным женским голосом немедленно отозвался Хуги, сидящий на правом плече Доктора.

Сам Доктор безучастно покачивался на скамейке возничего, пока тощие лошади с неожиданной скоростью перебирали ногами, тащили повозку по полузанесенной песком дороге.

В руках Доктора были вожжи, но любой, кто хоть немного знал про лошадей, понимал — те идут сами. И не отлынивают. Странные лошади. Странная повозка.

— Странный выбор направления, — заявил Хуги строгим мужским голосом. И продолжил ехидным женским голосом. — Ставлю свои панталоны, мы едем в храм огнепоклонников. Вот только зачем, хотелось бы мне знать. Ведь нашему Доктору там не рады.

— Огнепоклонники слишком серьезно относятся к смерти, — сокрушенно сказал голосом маленького мальчика Муги и даже смешно покивал головой.

Хуги поперебирал лапами, поудобнее вцепляясь когтями в Доктора, который похоже не был чувствителен к такому отношению. И сказал немного писклявым голосом взрослого мужчины:

— Значит, там может быть опасно? Или это из-за того парня с лаптопом из очередного убежища? Неужели Доктор за столько лет не все еще не насытился мстью? Ведь если подумать, то они и так наказали себя.

— Даже не они, а их прадеды, — тем же голосом ответил Муги и снова согласно закивал. — Увы, боюсь Доктор и сам не вполне понимает, куда ведет его сердце...

Оба ворона хрипло рассмеялись вразноголосицу, одной им понятной шутке. Отсмеявшись, после длинной паузы Муги добавил, строгим голосом в котором чувствовалась привычка командовать:

— Определимся на месте. В конце концов, это просто любопытно.

— Вот как? Ты еще можешь испытывать любопытство? — красивым женским голосом удивился Хуги. — В этом чувстве столько... Человеческого. А все человеческое мешает нам в работе. Но ты прав, я тоже чувствую этот тонкий аромат притягательной тайны.

— Это запах смерти! — крикнул Муги. — Там, впереди, падаль!

Вороны, выющиеся вокруг повозки Доктора, разом, словно косяк рыб, сорвались с места и понеслась вперед.

— Мясо! Мясо! — орала стая.

Доктор не шевельнулся, но лошади прибавили ход.

— Ну конечно, — протянул голосом старухи Хуги и мерзко хихикнул. — Мальчик из убежища и охотник храма огнепоклонников, это любопытное и необычное сочетание. А в нашем печальном мире все необычное означает только одно.

— Смерть, — хрипло закончил Муги и тяжело взлетел. — А где смерть, там и мы.

Ворон быстро набрал высоту, оставаясь на расстоянии, внимательно осмотрел место схватки. Вороны из стаи уже резвились на трупах. Не заметив ничего живого, Муги стремительно преодолел оставшееся расстояние, спикировал на два трупа посередине дороги, которые привалились друг к другу спиной и со стороны казались просто уснувшими сидя людьми. Ворон устроился по хозяйски, несколькими ударами крыльев разметав своих,

куда более мелких собратьев. Еще раз внимательно осмотревшись, ворон хохотнул:

— Ставлю сочный свежий глаз, Хуги, что тут была засада! А ирония в том, что те которые эту засаду поставили, прямо сейчас поделятся с нами своим мясом!

Прилетевший сразу за ним Хуги приземлился на отрубленную голову, лежащую невдалеке.

— Ты победил! — каркнул он веселым юношеским голосом. — А знаешь, что мне нравится больше всего? Пока люди стреляют друг друга, мы всегда побеждаем!

Муги посмотрел в мертвые глаза человека, бывшим когда то главарем банды.

И выклевал их.

Глава 9. Милый дом

Они ехали еще почти целый день. Джим так и не вышел посмотреть, кто там в кого стреляет. На него навалилось безразличие. На коротких остановках он под внимательным взглядом Йема ел, пил, оправлялся и ехал дальше. Его даже не удивил огромный чернокожий человек, который теперь сидел рядом с Йемом на переднем сиденье. Возможно, здоровяк даже представился, но Джим не запомнил его имени.

Из тяжелого, деревянного безразличия он начал выходить только к утру второго дня. И тогда же обнажил, что они едут по пустошам. Едва заметная наезженная колея по змеиному извивалась среди полузанесенных руин и древних конструкций Древнего Мира. Джим испуганно застучал по стенке кузова. Грузовичок остановился, и через минуту в кузов заглянули двое.

Чернокожий здоровяк с доброжелательным лицом и Йем. Джим был готов поклясться, что Йем за последнее время как-то оттаял.

— Ох и горазды же вы спать, — добродушно прогудел гигант.

— Это Руфус, помнишь его? Решил его тоже подбросить. Не хочешь ему представиться? — сказал Йем и цепко заглянул Джиму в глаза.

— Эээ... Ммм... Привет, меня зовут Джим, — ответил джим, чувствуя себя как-то глупо.

Он присмотрелся к Йему. Тот определенно стал как-то... Живее, что-ли. У него даже стали проступать эмоции на лице. Прямо сейчас это было... Сочувствие?

— Что-то случилось? — спросил Йем, даже с некоторой теплотой в голосе.

— Да... Нет... — растерялся Джим. И тут же ляпнул то, что его беспокоило на самом деле. — А куда мы едем? Это разве Северный тракт?

— Нет, мы с него свернули. Едем к моим друзьям, — легко ответил Йем, делая непривычно короткие паузы между фразами. — Должны успеть до темноты. Если не

случиться ничего не предвиденного. Можно выйти, размять ноги.

Оба исчезли.

Джим некоторое время еще посидел и вдруг понял, как же у него все затекло. С криком и мучительными болями в мышцах он, прямо как столетний дед, вылез из кузова на свет. На кабине броневичка сидел Йем, с винтовкой в руках. Джим хотел было облокотиться на борт кузова, и вляпался рукой прямо в труп горги, принайтованный к нему пеньковыми веревками. Джим охнул и отдернул руку. Труп начал ощутимо пованивать. Запах был какой-то химический.

— Хотите пить? — спросил Джима здоровяк.

— Ааа... Нет, спасибо... Руфус, да? — ответил Джим.

— Боюсь, у тебя теперь будет плохая память на имена. И хорошо, если только на них... — сказал Йем.

Руфус сочувственно похлопал Джима по плечу, зло плюнул на труп горги. Потом залез в грузовичок и вернулся оттуда с банкой воды, солидным куском сушеного мяса и буханкой хлеба, после чего начал их аппетитно уплетать. Джимма замутило от вида еды и он отошел в сторону. Но не далеко.

— Я там взял несколько револьверов. Думаю, что тебе нужно подобрать себе парочку, — сказал ему Йем. Джим кивнул. Такое предложение еще пару недель назад, в Убежище, привело бы его в восторг. Но сейчас мысль об оружии вызвала в нем скорее сдержанное удовлетворение, чем восторженный интерес. Джим нашел относительно ровный участок с молодой зеленой травой, положил на него свою куртку и начал делать йогу.

— Бедняга. Мистер Йем, думаете однажды он станет нормальным? — тихо спросил Руфус, наблюдая за Джимом.

— Нет. Увы, но бедолага повредился в рассудке. К счастью, не окончательно. Если ему немного повезет с друзьями, то он даже сможет нормально жить, — так же тихо ответил Йем.

Руфус закончил свой перекус. Отряхнулся и достал из кармана гармошку. Над дорогой поплыла мелодия.

Как Йем и обещал, они добрались еще до того, как стемнело. Конечная цель их пути напоминала крепости мародеров у руин, только выглядело все более обжитым. Небольшая, чистая речушка делала тут поворот, огибая самодельные стены из бетонных блоков и обломков. Ворота стояли распахнуты, вокруг были распаханные поля. Многие хозяйственные строения были за стеной. Несмотря на стальные кольца вокруг стены и колючей проволоке поверх, картинка была идиллической. Может, дело в том, что жители не ленились высаживать цветы вокруг укреплений.

— Я не был тут почти девять лет, — вздохнул Йем. Сейчас они остановились на небольшом холме. Йем вышел и встал рядом с броневичком с лицом человека, вернувшегося домой. Руфус и Джим молчали. Йем стоял, разглядывая поселение впереди, довольно долго. Наконец, рейнджер сказал своим обычным бесстрастным голосом:

— Все сильно изменилось.

Йем сел обратно в машину и они молча поехали прямо к воротам.

Их заметили. Уже у ворот их обступила целая толпа. Джим помнил торжественные встречи разведчиков, возвращавшихся в Убежище с добычей и важными ресурсами. Но и они не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило сейчас. Йем оставил броневичок у ворот, и пошел дальше пешком. Руфус и Джим, обменявшись недоуменными взглядами,

пошли за ним, приотстав на полсотни шагов.

Местные, все как один одетые в белое, заметили их еще с холма. И теперь, мужчины и женщины выстроились вдоль улицы. Дети и девушки подбегали к ему, обнимали его, целовали в щеку, гладили по лицу и отбегали прочь. Прибегали маленькие, пышно разодетые девочки и важно шествовали рядом с рейнджером, бросая перед ним лепестки цветов и яркие обрывки ткани и бумаги. откуда-то из далека послышалась веселая музыка.

Центральная улица была не большая, поэтому Йем шествовал по ней не долго. Наконец, он дошел до мощного внутреннего укрепления, с возвышением перед ним. на это возвышение выбежал маленький, пухленький седой человечек с лицом мягким и ласковым, как булочка. Он сбежал вниз, навстречу к Йему, схватил его за плечи, обнял и расцеловал в щеки.

— Добро пожаловать домой! — крикнул кто-то в толпе и люди подхватили этот крик, повторив фразу еще трижды. Йема подняли руки и понесли. но не внутри центрального укрепления, а в сторону. Маленький серьезный мальчуган подошел к Руфусу. Внимательно осмотрел его. Схватил за палец и потащил в ту же сторону.

— Вы соратники ратаэштара? — раздался рядом мелодичный голосок. Джим обернулся на голос и увидел красивую девушку с огненно рыжими волосами. Он обжегся о её прямой взгляд, испуганно опустил взгляд и выдавил, чувствуя что стремительно краснеет:

— Ну... Эээ... Я с Йемом...

— Если вы разделяете все тяготы похода против зла, то тогда вам тоже надо отдохнуть с дороги. Пойдемте! — и точно так же, как тот мальчуган Руфуса, ухватила Джима за руку и с неожиданной силой потянула за собой. Джим некоторое время растерянно волочился следом, но потом собрался духом и уперся ногами в землю. Девушка, почувствовав сопротивление, обернулась, удивленно приподняв брови.

— Куда ты... Вы... Я... — Джим запутался в своих мыслях, значительную часть которых крутилась рядом с глубоким вырезом на груди у девушки.

— Я вас помою и накормлю. А потом вам надо будет отдохнуть и поспать, — улыбнулась девушка. — Ведь завтра праздник в вашу честь. Добро пожаловать домой!

Глава 10. Трудная работа

Ополчение Спрингвуда не были самыми умелыми или тренированными солдатами в Армии. Они даже не успели вкопать колья, вбить стальные штыри, отпугивающие горгон и мешающие мороку. Зато Спрингвуд был пограничным городом, поэтому даже приседая за куст, они держали слипвэлл под рукой. По многолетней, вьевшейся под кожу привычке, несмотря на близость реки и усталость от долгого марша, прежде чем развели костры и были отправлены люди за водой, повозки обоза были поставлены в круг. Тяжелые откидные борта из толстых досок были уже раскрыты, превращая просто повозки в дощатую стену высотой в полтора человеческих роста. Люди взбирались на телеги, скидывая вниз все лишнее. Теперь, укрывшись за стеной и имея преимущество, люди могли дать бой.

Отработанная поколениями технология. Даже у водовозов в Спрингвуде были накладные высокие борта на случай встречи с заплутавшей нежитью. Может люди и не были так живучи, как всякая пакость, зато они были куда изобретательнее. Главное успеть занять позиции до того, как Костяные Пауки доберутся до их линии защиты.

Если бы Билли принадлежал к миру где у человека есть время на бессмысленные занятия, вроде филологии, а в его голове было много ненужного для выживания мусора, он бы наверняка задался вопросом, кто же мог назвать так опасную тварь. Костяной Паук. С древних времен люди избегали страшных названий, называя опасность иносказательно, боясь привлечь беду. Битву называли “жатвой”, свирепого зверя, бера называли тем “кто ведает мед”, “медовым волком”. Смягчая жутковатые ассоциации, подслащая опасность, отталкивая от себя беду. Но нет ничего мягкого в костях, нет ничего сладкого в жутких пауках.

Но объяснение тут нашлось бы простое — Костяные Пауки не были пауками, не были и костяными. Они были ужаснее. Твари, извращенные темной силой, вызревшие из трупов, питающиеся болью и ужасом, состояли из частей людей и животных, уродливой пасти из многих челюстей и множеством лап из многих конечностей. Неестественно прочные поверхностные покровы похожие на белесый хитин, все же позволяли угадать в этих тварях те многие их части, что прежде принадлежали людям. Кадавры, "officinarum cadaverosum" как называли их тогда, когда латынь еще не была окончательно мертва, были быстрыми и опасными. Но часто спасало людей то, что их многочисленные, заплывшие блеклыми бельмами глаза видели очень плохо и реагировали Пауки скорее на движение.

Плохая новость для спрингвудцев была в том что здесь, Костяных Пауков было слишком много. Костяные Пауки очень редко собирались в стаи — для этого нужен был вожак, который бы смог подчинить своей воли вечно рыщущих в поисках жертвы одиночек. Иногда им мог стать матерый гуль. Но обычно — кто-то из высших. Чудовищ которых видели только те, кто рисковал сунуться в города Древних. И поэтому несущаяся на стену повозок волна грязно-белых кадавров пугала Била не только сама по себе, но и тем, что могло прийти вслед за ними.

— Держать строй! — надрывался Гарри Топор, уже взяв на себя левый фланг.

— На телеги! Быстрее! И где твой слипвел, козлиная ты задница?! — перекрывал шум могучий рев Тихого Джефа. Рядом Болтун молча, но информативно, начальственными пинками направлял замешкавшихся ополченцев в слабые места обороны, успевая

выписывать звонкие оплеухи тем, кто выглядел недостаточно собранным. Стрелки во главе с Валентином, выстроились на двух телегах с высокими бортами, в два человеческих роста. Эти телеги были специально приспособлены для стрельбы. Надо отдать Валентину должное, он все же сумел выдрессировать своих стрелков. Они уже были на местах. Споро зарядили ружья. Перекинули стволы через борт и дали залп в приближающихся тварей. Далеко впереди основной волны бежал один, наиболее крупный Паук. Билл мельком увидел сросшиеся грозди голов по бокам мерзости и больше не присматривался. Естественно, своими размерами и прытью этот Паук привлек к себе особенное внимание стрелков. Большая часть пуль полетели в него. От твари отлетели куски, она еще пробежала несколько шагов, но потом много суставчатые лапы подломились, Костяной Паук покатился, взрывая землю острыми, похожими на серпы когтями. “Один есть”, порадовался про себя Билл и тут послышались оглушающие удары, и громкий треск — пауки с разбегу таранили препятствие. Похоже, пара из них себе повредило то, что у них там вместо черепа и они выглядели оглушенными, остальные начали грызть и царапать деревянные щиты, закрывающие телеги.

Билл знал, Костяные не тупы, просто у них нет инстинктов и осторожности. Скоро они сориентируются и начнут пытаться залезть наверх — и вот тогда начнется самое веселье. Билл повернулся к ополченцам. Лица многих были белее чем чудовища копошащиеся у повозок. И это несмотря на осевшую на их кожу серую дорожную пыль. Билл понял, что надо сказать ополченцам, что все идет по плану, успокоить, подбодрить. Билл помахал над головой своим слипвелом, привлекая внимание. Ничего не добился, и тогда крикнул “Слушай сюда!”, и в перерыве между монотонными залпами стрелков Валентина, выхаркнул комок мало связанных между собой ругательств. Спрингвурдцы ответили дружным ревом. Рев был скорее испуганным, чем одобрительным, к тому же несколько человек никак не переставали орать. Но уже через секунду Биллу стало не до признания своих талантов в ораторском мастерстве — у соседней повозки оказалось сразу несколько Пауков, и задние начали лезть на передних, обнаружив, что оттуда уже могут зацепиться за борт. Ополченцы на повозке орали, смотря как над темной доской борта появляются все больше костяных лап, оставляя зарубки от когтей.

— Руби их, руби! — заорал Билл. Его, если и услышали, то виду не подали. Билл кинулся на помощь. По закону вселенской подлости, повозка куда полезли Пауки оказалась без ветеранов. Первый, самый ловкий Паук, наконец вскарабкался на борт повозки, медленно и с явным напряжением перевалил себя через него. А потом, стремительным рывком кинулся на ближайшего человека. Воткнул в парня два зазубренных костяных клинка на передних лапах, приподнял беднягу над собой и спрыгнул обратно, не обращая внимание на вялые попытки других ополченцев его рубить. Над дощатым щитом начал выбираться второй. С особо мерзкой рожей, составленной почти сплошь из человеческих лиц, уродливых, искаженных, с гроздьями выпученных глаз вращающихся в разнобой. Но Билл был уже рядом. Он с привычным хеканьем, вкладывая в удар инерцию бега, воткнул заостренный шип на конце своего слипвелла прямо в середину глазной грозди. Резко провернул, с треском ломая кость, не останавливаясь, словно в танце, хорошо отработанным движением выдернул свое оружие. Билл отработанным движением, широко размахнувшись ударил по лапе, которой паук вцепился в борт повозки. Костяной коготь сломился у основания и паук соскользнул вниз. Билл помотал головой, обшаривая взглядом борт повозки, но других чудовищ пока не увидел. Он перегнулся через борт, выставив перед собой слипвел, и несколько секунд смотрел вниз. Пауки обступили бедолагу, которого утащил

первый из них и уже почти освеживали его — кожа осталась только на конечностях — и теперь вытягивали жилы, неожиданно ловкими, гибкими псевдоживалами. Вопящий на единой тонкой ноте окровавленный череп еще живого ополченца на секунду показался между спинами Костяных и тут же разлетелся на куски от попадания пули. Билл посмотрел в сторону стрелков. Увидел Валентина, который уже перезаряжал своё, еще дымящееся, ружье. Они синхронно кивнули друг другу. Пауки потеряли интерес к мертвецу и снова прильнули к повозке, ощутимо покачнув её. Билл посмотрел на прикрепленные к повозке горшки с зажигательной смесью, остро желая сорвать один, дернуть шнур, зажигая серный запал и разбить об вон того, самого здорового. Но с усилием сдержался. Костяные Пауки не боялись огня. Если Костяных облить горячей нефтью, то это создаст больше трудностей людям, чем им.

Над бортом повозки появился новый Паук — во второй раз чудовища сориентировались быстрее. Билл поудобней перехватил слипвел и с размаху ткнул им в пасть, составленную из жутко удлиненных лошадиных челюстей. Паук дернулся и закусил слипвел царапая и прогибая железные полосы, которым было оковано древко. И тут рядом промелькнул другой слипвел, попав точно по скопищу выпученных кровавокрасных шаров, заменяющих твари глаза. Несколько “глаз” лопнули, покрыв Билла мелкими розовыми брызгами. Это к нему на помощь пришел один из ополченцев. К удивлению Билла это был Упыреруб. Причем, новичек быстро вошел в темп. Снова широко размахнувшись, как при рубке толстого древесного ствола, он ударил паука по лапе. Та с влажным треском отломилась. Тварь от неожиданности выпустила слипвел из пасти, и начала сползать обратно за борт. Билл, вспомнив что он тут не один, развернулся к остальным, и заорал:

— Руби! Руби! Бей! — и со всей силы ударил ближайшего по лицу ладонью. Ополченца, разумеется. Бедолага упал на доски телеги как подкошенный, но остальные ринулись на лезущих к ним пауков, лупя по ним без затей, как орудуют киянкой, забивая деревянные сваи для забора.

Билл убедился в том, что дело у них пошло неплохо и отступил, осмотрелся. Мимо пробежал Тихий, со своей огромной бомбардой в руках. Вот он подбежал к одной повозке, в которой Пауки расщепили доску, и расширяли дыру. Бомбардир сунул прямо в пролом жерло своей бомбарды, оперев широченный приклад в живот. Придерживая ствол одной рукой, расставил пошире ноги, Тихий приложил к запальной полке тлеющий фитиль. Глухое “буммм” разнеслось по холму, оставляя после себя звенящую тишину. Пытающегося протиснуться в дыру паука расшвыряло на двадцать шагов. Тихий почти мгновенно вбил в широкий ствол новый кулек пороха, сверху уронил упакованную в пакет шрапнель — благо чистить воронкообразный ствол было не нужно. Сыпанул порох на полку — его большие руки двигались быстро и грациозно, как у пианиста в салуне. На все про все у Тихого ушло времени меньше, чем Биллу бы потребовалось перечислить все его действия вслух. Джефф перезаряжал, не переставая двигаться — и когда его мортирка снова была готова к бою, он уже оказался рядом с Биллом. Билл показал ему на кучу копошащихся у борта телеги Костяных. Джефф пристроился сбоку, опасно свесившись над краем, упер приклад в соседнюю повозку. Буммммм! Этот близкий выстрел заставил даже почти привычного Билла охнуть. Ополченцы присели. Костяные, попавшие под плеть шрапнели, кинулись врассыпную, оставляя за собой оторванные от тел куски.

— Нормально! Держимся! — заорал Джефф, не забывая перезаряжать свою “малютку”. Обычно от его ора закладывало уши, но сейчас Билл едва слышал бомбардира. Тут его

схватили за плечо и развернули назад, в сторону лагеря. Это был Упыреруб. Билл уже хотел съездить идиоту по морде, но тот показывал назад с таким выражением, что Билл решил все же посмотреть, что там, на секунду отвлекаясь от Костяных Пауков. И тогда впервые увидел Живоглота.

Живоглот, судя по размеру, был матерый. Похожая на краба тварь, не спеша мяла уродливыми клешнями боевой грузовик Лейтенанта, словно зная, что это наиболее опасный враг. А может просто чуяла спрятавшегося внутри механика. В любом случае, им крупно повезло — живоглот, подкравшись со стороны почти вертикального обрыва, мог бы опрокинуть их оборону за счет внезапности. А отвлекшись на грузовик, он дал им несколько драгоценных минут, чтобы подготовиться.

Словно почувствовав взгляд живоглот вскинулся, и засеменял по направлению к стрелкам Валентина. Монстр двигался слишком плавно и ловко для такой угловатой громадины. Он скользил над землей грациозно как водомерка, высоко возносясь на своих длинных лапах. Не сбавляя скорости Живоглот пригнулся к земле и сграбастал двух ополченцев, которые, похоже, пытались отсидеться во время боя за мешками. Монстр ловко закинул их себе на спину, где их тут же облепили тысячи крохотных жгутиков, пробираясь в поры, глаза, покрывая жертв тонким слоем псевдоплоти. Их вопль боли перекрыл шум битвы. И только сейчас от Живоглота разошлась волна ужаса. Нет ничего, что может сравниться с ужасом, который внушает Живоглот. Есть много способов сбить мороки — резкий звук, колокольный звон, умственные упражнения, шлем из кованого на холодную железа. И все все они бесполезны перед лицом пьющего душу страха, который испускает Живоглот. Этот чудовищное чувство вызывает моральную боль, которая сравнима с тем, как если бы в теле вдруг, одна за другой начали ломаться кости, от меньших к большим. В первый момент еще кажется, что можно хоть как-то облегчить свои страдания если кричать или корчится в припадке. Укусить себя, или сломать руку, чтобы хоть на секунду испытать облегчение отвлекшись на реальную, физическую боль. Увы, проходит десяток секунд и люди умирают внутри себя, превращаются в безвольный комок скрюченного в агонии ужаса тела, которое можно резать ножом — несчастный, попавший под вопль Живоглота будет пребывать в настолько плотном кошмаре, что даже не заметит этого.

У каждого человека есть та грань, за которой он больше не терпеть. Просто не выдерживает. Сердце лопается. Все знают — от морока живоглота есть только один способ сбежать. Дверь, за которой можно спрятаться от любого кошмара, ведь любой ужас там не имеет смысла. Дверь в безумие.

Билл смотрел на колышущееся над ним тело Живоглота, и чувствовал как все чем он был, его мысли, его чувства, его воспоминания, растворялись в адском ужасе. Вдруг громада уродливой, исковерканное, потерявшей любое сходство с настоящей, плоти монстра дрогнула. Словно пошла рябью. Морок отступил и на Била навалилась апатия. Он отстраненно отметил, что опустошил кишечник прямо себе в штаны, но не испытал в связи с этим фактом ни малейших эмоций. Живоглот заметался, пытаясь сбить с себя пламя. Оказывается, кто-то забрасывал его бутылками с горючей смесью. Первые две жертвы монстра, которых он сейчас пожирал, тоже корчились в огне. Однако, сквозь боль на их лицах, как показалось Биллу, проступало и облегчение. Пламя, пожирая уродливые образования на шкуре чудовища, истощала его силу, лишала его ауры ужаса. Сейчас, без морока он уже не казался таким огромным. Ну от силы высотой с всадника на большой кобыле. Его изъеденные временем, слишком тонкие лапы для такой массивной туши лапы

засеменили, заскребли землю. Живоглот отшатнулся и попятился. Вдруг рядом с Биллом появился Джефф, присел на колено, уперев мортирку прикладом в землю, отвернул лицо — и под глухой “буммм” в брюхо монстра рванулся столб белого дыма. Там где в Живоглота попала картечь, его плоть начала темнеть и дымиться. “Каменная соль” — наметанным глазом определил Билл. Над головой раздался залп. Похоже, стрелки тоже пришли в себя. Билл попытался сплюнуть кровь — в приступе он так стиснул челюсти, что раскрошил зубы, а потом порезал об них щеку и язык. Крови во рту собралось много. Сплюнуть не удалось. Кровавая слюна ручейком побежала по подбородку. Потрогав губу руками, он понял, что та прокушена насквозь. К тому же, еще и левую ногу защемило в болезненном спазме. Кажется, неудачно повернулся, пока валялся тут на земле, корчась от страха как жалкий мудак. Билл сел и сосредоточился на ноге, распрямил её, помогая себе руками. Кровь стекала по подбородку и заливала хорошую, почти новую рубашу. Именно это, последнее обстоятельство, чуть не заставило Билла разрыдаться. Его отвлекла острая боль — коленный сустав вошел в пазуху с легким щелчком. Билл почувствовал облегчение, выдохнул. Почти улыбнулся. Прямо перед ним, глубоко войдя в землю, буквально в ладони от левой ноги, опустилась лапа Живоглота. Билл отполз в сторону, беспомощно пытаясь нащупать рядом оружие, ставшими очень неуклюжими руками.

Выстрелы с повозки стрелков застучали часто и в разнорядной. Объятая пламенем тварь металась и дергалась, задевая повозки, а потом споткнулась и рухнула на землю. Почти на Билла. Билл испуганно закричал и сунул в мешанину псевдоплоти свой слипвэлл. Билл даже не помнил, как он его наконец нашел. Удар был сделан из неудобного положения, без умения, на удачу. Но вышел весьма хорошим. По меньшей мере, чувствительным.

Живоглот “закричал”, вскочил, побежал к обрыву, но уже на полпути его лапы подломились, он снова споткнулся, и с размаху врезался в боевой трак Лейтенанта. И остался догорать, мелко подергиваясь. Только после этого Билл позволил себе потерять сознание.

Костяные Пауки, почувствовав гибель Живоглота, довольно быстро разбежались, оставив после себя девять своих упокоенных повторно и шестерых освеженных спрингвудцев.

Билла оттащили на повозку к стрелкам, привели в чувство пощечинами, плеснули виски. Сначала, немного, в лицо и только потом в пасть. Но Билл впал в ступор и не реагировал. “Контузия” — непонятно выразился подъехавший позже дивизионный Медик. “Осоловел” — поняли парни. Билл таращился на окружающее, не делая попыток в него вмешаться, не слыша вопросов, не реагируя на резкие звуки. Его оставили в покое и он тихо сидел в углу, в своих засранных штанах, испуганно вращая головой по сторонам, как привязанная к полу сова.

Забавно, но где-то внутри себя, Билл все понимал. Словно находился под водой. Там, за поверхностью водной глади, кипела жизнь, люди бегали туда-сюда, кричали, что-то делали. Но до Билла доходили только отдельные слова и совсем не доходил смысл этой суеТЫ. Мысли текли медленно, не складываясь, впрочем в выводы. “О, Тихий Джефф” — думал Билл, увидев пробежавшего мимо бомардира. Но куда Джефф побежал, что он сказал Валентину, ткнув рукой в Билла — ему было все равно. Да даже додумать мысль, что “Джефф побежал”, уже было слишком тяжело. “Ботинок”, — плыла мысль в голове Билла. Его кто-то задел, отчего голова Билла дернулась и он стал смотреть в небо. “Небо”, — подумал Билл.

Как ни странно, но Биллу повезло. Постепенно, медленно но верно, он начал чувствовать боль. Закряхтел. начал ругаться. И тут же оказался в кругу заботливых угрюмых сержантских рож. Которые, впрочем, в этот конкретный момент, пока стягивали с Билла обосранные портки, были весьма жизнерадостны и скалились как старый ботинок. Помимо человека в говне, что само по себе всегда было невероятно глубоким источником взрывного юмора, радости им добавляло и то, что Билл начал приходить в себя. Ведь осоловление от Живоглота могло и не пройти. Кроме Билла, накрыло еще трех, но один сразу сломался, заскулил, скрутившись в комок, а потом перестал дышать. Умер еще до того, как убили Живоглота. А остальные, как и Билл, к утру немного пришли в себя. Но до этого времени про них забыли — утром стало не до них.

Скоро выяснилось, что пусть ополчение города Спрингвуд не было самыми умелыми бойцами. Не могли они похвастать и роскошным вооружением. Зато в мужестве они не уступали лучшим.

Глава 11. Путь Ормузда

Йем, Руфус и Джим находились в крепости Ордена уже третий день. Хотя, какая же это крепость. Довольно многочисленное поселение вокруг центрального поселения. Если Руфус и Джим, похоже, пребывали в полном восторге от окружавших их заботой и почитанием местных, то Йем испытывал беспокойство.

Он прошел ряд очистительных ритуалов, прежде чем его пустили к Учителю. На это и ушло почти три дня. Йем встретился с главой ордена уже вечером. Тот сам пришел к Рейнджеру, который сидел в комнате подземного храма, у священного огня. Помня, что Учитель не любит суету, Йем едва сдержался, чтобы не засыпать его вопросами. А их у него накопилось много.

С другой стороны, как Йем помнил еще из своего детства, если Учитель вдруг решит заговорить, то бывает трудно его переслушать.

Учитель пристроился на теплом коврикe рядом с Йемом, который сидел в одной белой священной рубахе, подпоясанный шнуром из переплетенных серебряных нитей. Безоговорочный и бессменный глава Ордена пыхтел и устраивался поудобнее. Мягкое, добродушное лицо с морщинками вокруг глаз от постоянных улыбок, полноватое тело с нежными ручками — Учитель был полной противоположностью застывшей в неподвижности мрачной и мускулистой фигуре рейнджера.

Как сдобная булочка на фоне узловатого пустынного дерева.

Учитель мужественно вытерпел несколько минут на коленях, но потом разохался, плюхнулся на задницу и начал растирать колени.

— Годы берут свое, — оправдался он перед неподвижным Йемом. Йем едва заметно улыбнулся. Глава Ордена никогда не скрывал свои слабости, зато редко показывал силу. Йем хорошо помнил Учителя, когда тот обучал его в детстве. Может, конечно, память играла с Йемом, но в его детских воспоминаниях Учитель выглядел сильно старше, чем сейчас.

— Знаешь, что тут было раньше? — вдруг спросил Учитель и обвел рукой помещение. Йем привычно промолчал. Учитель всегда лучше всего отвечал на свои собственные вопросы.

— Тут был склад. В Древнем Мире тоже были войны, кто бы что сейчас не говорил. А для войны было нужно оружие. А оружие надо где-то хранить. Сверху был лагерь военных. Это такие люди, которые только и делают, что готовятся к войне. Вроде офицеров Дивизии. А тут у них был склад. Мы уже давно пустили все в дело, как ты понимаешь. Еще до твоего рождения. Сейчас это убежище и священное место. Пока тебя не было, мы прокопали подземный ход, который начинается вон в том углу. На всякий случай. Люблю, когда у людей есть выход. Ведет прямо к реке. Надо бы сделать лодок. Если придется бежать, то лучше делать это по реке. Но где их хранить. Может отгородить тут часть помещения?

Учитель задумчиво осмотрелся.

— Меня не было девять лет, — осторожно сказал Йем, желая подтолкнуть Учителя в нужном направлении.

— Да. И за это время, как ты видишь, почти ничего не изменилось. И в то же время, изменилось все.

Больше всего Йема беспокоило два вопроса. Где остальные рейнджеры? В Ордене их было больше трех сотен. Да, их странствия обычно затягивались на месяцы, часто на годы,

иногда даже на десятки лет. Но почти всегда в крепости Ордена находилось не меньше нескольких десятков. Тут воины Ордена набирались сил, делились опытом и новостями, чинили транспорт и оружие. Сейчас в домах, где раньше сохранялись комнаты для рейнджеров, жили местные. Это обескураживало.

— Дивизия нашла способ делать людей, похожих на нас, — сказал Учитель. — Называют их паладинами. Это действительно странно, вот уж не думал, что кто-то еще помнит это слово.

— Это все объясняет. Но не делает ничего понятней, — не удержался от завуалированной колкости Йем.

— После первых ста лет жизни начинаешь немножко думать наперед. Не хочу сказать, что я очень уж проницателен. Но тут и не надо таким быть. Дивизия терпела наш Орден, пока нуждалась в нем. Теперь мы просто непонятные фанатики, которые могут быть опасны.

— Они убивают нас? — вскинулся Йем.

— Нет, что ты! Конечно же нет! — замахал руками Учитель. — До этого еще далеко. Сначала, я думаю, им захочется испытать свою силу в бою за сокровища Старого Мира.

— Они уже собрали армию и идут куда-то на юг, к руинам Древних Городов, — сказал Йем.

— Это большой секрет, — улыбнулся Учитель. — Про который все знают. Я надеюсь, Ормузд поможет им одержать победу.

Йем обескураженно молчал. Почему? Только что Учитель сказал, что Дивизия опасна для Ордена и тут же желает им победы.

— Не делай ошибку человека, отринь свой эгоизм и посмотри на мир такой. какой он есть, — наставительно произнес Учитель, — Наша цель истребление чудовищ. Увы, некоторые люди похожи на них. Их зло тоже надо остановить. Души людей забота Ормузда, мы тут бессильны, поэтому мы можем сразить лишь то зло, что направлено на нас, поскольку мы не можем читать в сердцах людей. Мы просто защищаем людей, но не судим их.

Йем слышал это высказывание сотни раз еще в детстве. И ничего не ответил.

— В конце концов, как бы мы не относились к Дивизии, это ведь государство, — полужнакомое слово заставило Йем бросить короткий недоуменный взгляд на Учителя. Тот заметил и попытался объяснить. — Дивизия несет единый закон, создает правило и в конце концов делает жизнь людей спокойнее, предсказуемее и главное, безопаснее. Может это не так очевидно сейчас, но становится очевидным, если сравнить с прошлым и будущим.

— Орден ушел из этих мест, — вдруг догадался Йем. — Ты остался встречать тех, кто возвращается из странствий, потому как никто другой не заставил бы рейнджеров бросить людей и бежать от надменных идиотов, что жаждут власти!

— Хорошее, понятное и простое объяснение. Которое объясняет все. И, как это обычно и бывает с хорошими и понятными объяснениями, на самом деле ложь, — мягко ответил Учитель, но в последних словах в его голосе проскочили холодные, непреклонные нотки.

Йем молчал, ожидая. И его терпение было вознаграждено.

— Лет пять назад, я вдруг понял, что слишком много важности придаю себе. Это не случилось вдруг. Медленно, с трудом, путем медитаций и постов, я смог усмирить гордыню, этот дар Ахримана, и увидеть мир таким, какой он есть. И тогда я понял, что я сделал даже больше, чем надеялся. Зато перестал делать, что должен.

Учитель совсем уж неподобающе крикнул, уселся поудобнее, вытянув ноги.

— Может пойдём наверх, попросим чая и сладостей, посидим на вечерней прохладе в удобных креслах и поговорим там? Нет? Ну ладно. Видишь ли, Йем... Когда я основал Орден, я совсем не надеялся на успех. Я готовился к вечному поражению. Это ведь довольно опасное дело, охотиться на чудовищ. Да, Ормузд помог мне в том, что я могу одаривать людей силой и скоростью. Я могу дать человеку крепость тела и долголетие. Я не могу одарить этим весь мир, поэтому тех, кого я смог наделить этими дарами я также и обременял целью. Рассказывая о вечной битве Ормузда и Аримана я делал из вас Воинов Огня, что должны были очистить эту страдающую землю от порождений тьмы. Я был готов к вечной войне. И я оказался не готов к тому, что мы можем победить. Это ведь трудное дело, убивать чудовищ. И очень опасное. Признаться, мне казалось, что этот путь слишком опасен. И так оно и было. Сколько тебе, Йем? Шестьдесят лет? ты, пожалуй самый старый из рейнджеров, кто все еще уходит в странствия. Скольких я посвятил в Воины Огня вместе с тобой? Семерых?

— Девять, считая меня, — тихо сказал Йем.

— Да, удачный был год. И сколько погибло в тот же год? — спросил Учитель и на его лице привычную тихую улыбку сменила такая же тихая, но очень глубокая грусть.

— Шестеро, — ответил Йем. Как давно это было. И он до сих пор помнил их имена.

— В конце концов, из того выпуска остался только ты, — тяжело вздохнул Учитель. — И мне казалось, что так и будет впредь. Но нет. Добро всегда побеждает зло, если дать ему время. Мы учились те, кто вернулся, рассказывали как им удалось выжить. Они приносили с собой знания, оружие, навыки. Орден становился сильнее. В прошлом году я посвятил Огню двадцать новых рейнджеров. В их обучении мне помогали ветераны, каждого из этих молодых людей взял себе в ученики опытный рейнджер. Они еще несколько лет будут иметь опытного наставника, который не даст им совершить множество глупых ошибок, прежде чем они достаточно окрепнут чтобы нести Огонь во тьму самим. Все очень изменилось с того времени Йем, как я обучал тебя и твоих братьев. Сейчас я буду удивлен и расстроен, если узнаю что хоть один из этих двадцати не пережил первый год. Мы стали сильнее. Лучше. Нас стало больше. И, может статься, я стал не нужен.

Йем озадаченно молчал. Он не вполне понимал, о чем говорит Учитель.

— Лет пять назад я начал основывать новые крепости. Я не скажу тебе где и сколько. Если все будет сделано правильно, то пройдет еще лет сорок и я сам не буду знать сколько их. И, конечно же, в каждой крепости Ордена нужны наставники и Учитель. Я стал лишь одним из многих. Как сказал твой спутник, Джим, открыл франшизу, — Учитель задорно расхохотался, — Вот уж не думал, что снова услышу это слово.

— Значит я должен остаться и натаскать щенков, — предположил Йем.

— Вот уж нет. Прости, Йем, но не думаю что из тебя выйдет хороший наставник. Сколько ты уже путешествуешь вместе с Джимом? Два дня? И ты до сих пор о нем ничего не знаешь. Кто он, откуда, а главное куда он едет.

— При чем тут этот пацан? Зачем мне выяснять все это? Может мне начать здороваться с каждым, кто встречается мне на дорогах? Эти знания не помогут мне на пути Ормузда! — рывкнул Йем. Зачем ему говорить о пустяках сейчас, когда речь ведется о таких серьезных вещах.

— Откуда тебе знать, если ты не спросил? — ответил Учитель и ехидно хихикнул.

Йем некоторое время недовольно молчал. А потом все повторил вопрос:

— Что я должен делать теперь?

— Наставников я найду и без тебя. А тебе следует выполнить просьбу страждущего, Йем. Если ты не забыл, то это одно из наших правил. Отвези Джима на побережье. Его история невероятна и ты в неё, как мне кажется не поверишь. Но тебе достаточно знать, что я в неё верю. А еще мне кажется Ормузд не зря свел ваши пути вместе. Возможно, это самое важное задание для твоей жизни.

Учитель побряхтывая встал и засеменял прочь.

— Мы не договорили, — сказал ему в спину Йем.

— Да. Мы с тобой так и не поговорили как следует. Надо было это сделать еще в твоём детстве. Теперь то уже поздно, — не оборачиваясь ответил Учитель и с противным хихиканьем и неожиданной скоростью убежал вверх по лестнице.

Йем вздохнул. Учитель мог сколько угодно притворяться слегка сумасшедшим стариком, но если уж он принял решение, то мало что могло помешать осуществиться его планам. Так оно и случилось. Ранним утром следующего дня, чистеньких, подремонтированный и снабженный всем необходимым грузовичок Йема двигался прочь от крепости Ордена. В кабине сидели Йем и Джим. Оба выглядели донельзя недовольными.

— Почему Руфус остался, а я не могу? — вдруг спросил Джим. Йем удивленно посмотрел на него. И сразу же понял, что паренек нашел в Ордене девушку. Для этого не нужна была особая проницательность. “Лучше бы его снова горга приглушила”, с тоской подумал Йем. Может сказать Джиму, что они быстро съездят на побережье и вернутся через пару недель? На дорогах множество опасностей. Сказать, что он найдет другую? Все это слишком похоже на ложь. И решил промолчать. Путешествие обещало быть тяжелым. Как иногда говорил Учитель, “Путь Ормузда часто кажется самым трудным, но в итоге только он ведет к цели”.

Йем с тоской подумал, что его место сейчас было там, далеко на западе. Где сейчас армии Дивизии штурмуют логово зла. С такой силой за спиной и при некотором везении он бы мог истребить зла не меньше, чем за всю свою долгую жизнь.

— Почему мы здесь? Зачем едем неизвестно куда? — задумчиво повторил Йем. — Это мне нужно спросить у тебя.

Джим нахмурился и отвел взгляд. Прошло долгое время, но парнишка так и не ответил. Тоже не плохо, хотя бы перестал ныть. Жизнь соткана из трудностей, идти по ней труд. А счастье состоит из маленьких радостей, важно их замечать и ценить.

Глава 12. Битва у Лысого Холма

Пока Билл приходил в себя, жизнь шла своим чередом. Сейчас был черед хаоса и страха. То, то лейтенант присмотрел себе этот холм, как удобный для обороны, оказалось с одной стороны правильно. А с другой нет. Потому как то, что на нем встали спрингвудцы, ничуть не отменяло того факта, что холм над местностью господствовал, с севера прикрывал поле удобное для лагеря, на которое встали опытные отряды, что прибыли до спрингвудцев, и значимости своей совсем не терял в глазах других офицеров.

Это значило, что как только к месту будущего капитального лагеря стали прибывать все новые и новые отряды, то кто-то из главнюков холм заметил и незамедлительно велел на него сесть покрепче.

На “спрингвудский” холм влетали траки офицеров, вокруг рассыпалась личная сотня третьего майората — в белых доспехах, с трехствольными “друзьями” и тяжелыми стальными щитами до груди. С майором пришли и его личные вассалы. Всего не меньше трех сотен стрелков, двадцатью грузовиками, сотней телег и шестью гантраками.

Эти суровые парни отличались от ополченцев города Спрингвуд, как петух от курицы. У всех, прямо вот у каждого, были пистолеты за поясом, у некоторых вдобавок короткие обрезы с расширяющимися к концу стволами, для стрельбы картечью в упор. В руках — длинные трехствольные ружья. Были, кое у кого, и автоматические винтовки — дикая невидаль. Ну и гранаты, бомбарды — вооружены как следует. И защищены неплохо. У всех латные или кольчужные воротники, глубокие шлемы с забралами, защищающими лицо и шею, наручи, поножи, стеганная броня и даже кирасы.

Спрингвудцы, столпившиеся внутри их большого охранного периметра, словно бы выдохнули и расслабились. С такой-то силой вокруг им и драться не придется, хоть бы ночью из Руин и три Волны пришло.

Но и это еще было не все. Часа не прошло, как нагнали работяг с кирками да лопатами — те споро соорудили земляной вал со рвом, укрепили сборными деревянными щитами, полностью заключив внутри спрингвудцев, сделав их повозки внутренним кольцом. А потом привезли Небесный Огонь — древние машины, “минометы”, как называли их офицеры. Древние орудия, установленные на прочные грузовики, покрытые медными украшениями и искусной росписью со сценами из битв в которых они побывали. Красота и мощь древних орудий войны, так воспетая во многих балладах, в реальности была не такой уж и впечатляющей. Сами орудия не впечатляли размерами. Стволы были коротковаты, хоть и толстые. Да и было их всего шесть штук, упрятанных в грузовики с открытым верхом и высокими бортами. Стволы были задраны в небо, словно и не угрожая никому вокруг.

А вот мины Биллу, привыкшему иметь дело с кустарным производством, сильно глянулись. Красивые, хоть дома на полку ставь. Набранные вручную тысячи керамических ромбовидных лепестков, что должны были разлетаться при взрыве, формировали по поверхности каждой мины спиральный узор, нужный для придания вращения в полете. Хвостовик на стальном стержне, раскрашенный в яркие цвета. В каждом сундуке свой цвет — по особенностям начинки, надо думать. Медный, начищенный до сияния, взрыватель в форме маленького распятия. Да каждая такая мина должна стоять как десяток “Старых друзей”. Эта мысль Билла впечатлила больше, чем все остальное, что он пока увидел.

Вокруг минометов суежилась обслуга в церемониальных одеяниях — доставали изысканно-красивые луковицы снарядов из резных сундуков, суежились у минометов, чертили хитрыми мерительными пластинками колдовские линии на загадочных своих свитках с цифрами. Жуткое дело.

Лично Билла удивило еще, что все работы закончили до того, как начало темнеть. Уже и в сумерках Армия Дивизии продолжала прибывать. Сильно растянувшаяся на марше, у лагеря она выстраиваясь в походном порядке, втягиваясь в гудящий, освещенный множеством огней лагерь. Да какой там лагерь, самый настоящий город вырос на берегу речки всего за несколько часов. Злой, рычащий мотор и лязгающий гусеницами, грохочущий сталью город, который рычал сотнями моторов и кричал на тысячу голосов, выскивал врага в тених, целя в подступающий вечер деревянными кольями возимых укреплений, освещая землю вокруг себя далеко вынесенными кострами. Мало кто ставил палатки — Лейтенанты и Капитаны формировали лагерь, размещая своих людей между своими траками, окружая свои отряды повозками и грузовиками с опущенными бортами, словно стенами. За несколько часов у подножия “спрингвудского” холма пролегли улицы и появились целые кварталы. Словно единое живое существо, эта ругающаяся и исходящая дымом и паром масса войск и техники выбрасывала в стороны рвы, а из неё, как грибы из мха, вырастали наблюдательные башни. Как гантрак покрывают броней, покрывали люди свой лагерь передвижными и вырытыми наспех укреплениями.

В центре ряло знамя Дивизии, рядом личный штандарт Полковника. А совсем рядом с ними вбил в землю огромные стальные костыли передвижной храм, величественно вытягивая вверх на гидравлических башнях центральную колокольню и четыре башенки. На башенках зарыскали, как злобные глазки, установки с пушками гатлинга во вращающихся спонсонах. В нескольких других, особо насыщенных пушками и броней местах, поднялись

чуть меньшие размером, чем знамя Полковника, знамена Майоров.

До полной темноты успели почти все. Почти.

Первыми встретились с вечным врагом отставшие. Крики и выстрелы, раздавшиеся вдалеке, подстегнули тоненький ручеек, который еще втекал в боевой лагерь Дивизии. Люди бросали сломавшиеся машины, распрягали коней из поврежденных повозок, сбрасывали с кузовов тяжелые грузы, просто спрыгивали с застрявших в раздолбанной колее телег и бежали к земляному валу. Среди отставших, как волки среди овец, мелькали Костяные пауки. У многих офицеров были длинствольные ружья с прицелами кратного увеличения — драгоценность, передаваемая от поколения к поколению в их семьях. Оружие благородных, даже патрон к которому требовал столь точной выделки и многих знаний, что их могли сделать лишь три гильдии по всей Дивизии. Да даже снаряды Небесного Огня, наверное, делать было легче. Но сейчас было не время для экономии. Сухие хлопки выстрелов стали предвестником первых потерь неживых. Костяные пауки, то один, то другой, словно получали пинок от невидимого великана. Катились по земле, на секунду замирали, а потом поднимались и ковыляли в обратную сторону, теряя части своих тел. Некоторые даже тут же валились кулем, дергаясь в предсмертной агонии. Меткому огню людей удалось отогнать самых наглых пауков. Последние из отставших людей Дивизии уже втягивались в импровизированные ворота укрепленного лагеря — длинный бронетрак с рядом бойниц, составляющий часть наружного периметра, просто отъехал в сторону, давая возможность людям войти.

В этот момент снова напали на их холм. Волну упырей учуял Слухач, что был с батареей Небесного Огня. Господь не дал людям чувство, которым бы можно было определить скверну, но одарил некоторых способностью её чують, видеть или слышать. Этот был из тех, что слышат. Словно пустынный суслик он вытянулся на гантраке Майора, зажмурившись и поводя оттопыренными ушами.

— Идут! — хрипло сказал он.

— Тихо, — заорал командир батареи Небесного Огня в чине аж капитана. Не наследный титул, значит не из офицеров. Сам выслужился. Морда у капитана была вся в шрамах и злобная как у упыря. Полированная его броня с серебрянной насечкой ловила многочисленные отблески факелов и костров вокруг, окрашиваясь красным. “Внушительный дядька, капитан то наш,” — сказал кто-то рядом с уважением.

Люди вокруг затихли, поэтому прозвучала эта фраза громко. Капитан зыркнул недовольно, ища глазами сказавшего, но ничего больше не сказал, а только руку вверх поднял, с раскрытой ладонью, к тишине призывая. Стало так тихо, что голос капитана, хоть и привычного к командному крику, но все же не громкий, разнесся чуть не по всему холму:

— Кто? Где? Сколько?

— Топочут сильно, слышу, что много. Кто, разобрать не могу. А, они брод наши. Или мост? Две тысячи четыреста двадцать шагов до них, вот там, — слухач, не открывая глаз вытянул руку в сторону леса.

Капитан крикнул какие-то цифры прислуге у минометов. Те споро разбежались, одни начали готовить бомбы, другие со своими колдовскими штуками у листов бумажных склонились. Минуты не прошло, как с глухими хлопками, похожими на щелчок огромного кнута, минометы метнули бомбы. Звук не казался громким, но жутко бил по ушам, прям до боли. Билл стоял недалеко от одного из минометов, установленного прямо в грузовике. Билл тоже стоял на высоком стрелковом помосте, а спрятаться, опустить голову ниже дульного

среза, как сделали это все остальные, не догадался. Вернее, догадался, но уже после того как схватился за уши и засквернословил. Правда, несмотря на звон в ушах, в голове наконец прояснилось. Настолько, что он даже заметил, что стоит в чужих штанах. Штаны, в общем, были хорошие. Но в его старых было огниво, табак, трубка и ложка. И где теперь это все искать.

До того как из-за леса раздался отдаленный рокот взрывов минометы успели выстрелить ещё трижды. Слухач спустился с грузовика на землю но так и стоял в прежней позе, не опуская руку. Только чуток меняя направление, на которое ей указывал. Капитан, слушая указания Слухача, командовал прислуге. Те работали спокойно, с достоинством даже, но быстро.

Звуки взрывов стали глуше. Билл обрадовался было, что нечисть шуганулась и уходит, но быстро понял, что просто это мины стали рваться в лесу. Глушат звук деревья. Каждую серию разрывов люди приветствовали одобрительными шуточками. Но очень скоро стало понятно, что взрывы приближаются. Кто бы не шел к ним, шесть орудий Небесного Огня не смогли его остановить.

Иногда неведение счастье. Билл не знал о тех, с кем ему предстоит столкнуться. И это было хорошо. Ведь их было очень много. Почти три сотни упырей. Старых, матерых. Пожалуй, такой Мертвой Волны бы хватило, чтобы вырезать городок размером со Спрингвуд. Да даже и от половины бы вряд ли спрингвудцы отбились.

Упыри шли через лес ведомые четырьмя горгами, шли не очень быстро — не хотели шуметь. Но это не помогло. То и дело среди них рвались мины. Иногда мины срабатывали от удара о ветви деревьев. Острые осколки, слишком крупные для людей, рассчитанные на то, чтобы калечить нечувствительную к боли и трудно травмируемую плоть неживых, секли упырей. Отрубали им лапы, рвали на части тела, крошили челюсти.

Горги пытались рассредоточить свое воинство, но это ослабляло контроль. Жадные до плоти и тупые упыри вырывались вперед, помня о том куда им надо, но уже не слыша волю своих пастухов. Горги, когда-то бывшие людьми, еще несли в себя память о человеческих чувствах, но уже очень давно их не испытывали. Однако сегодня, в грохоте разрывов, на их полумертвые разумы легла тень удивления. Как живым удалось их найти и так точно стрелять?

К несчастью для живых, мертвые могли долго бежать не сбавляя скорости. Они хорошо подготовились к этой ночи, медленно собирая со всех руин впавших в спячку чудовищ и сгоняя их поближе к этой долине. Нигде больше Дивизия бы не смогла поставить лагерь. И, что важнее, за один вечер армия людей не успеет укрепить его. Эта ночь должна была стать пиром. Очередной победой вечной жизни над слабой плотью. Их задача — захватить холм. Чтобы живые не могли стрелять с него и мешать тем, кто ворвется в их главный лагерь. Малая, возможно и не нужная мера предосторожности. Но их сердца не бились, гнев или страх не мешал мыслить тем, кто мог мыслить и потому рациональность такой атаки была очевидна. Силы были выделены более чем достаточные. Но этот изматывающий обстрел сильно портил план.

Еще до того, как основная масса упырей вышли к холму, многие из них были уже посечены осколками от разрывов мин. Горги замедлили бег, стараясь собрать упырей в кулак. Некоторые из упырей, те кто отбил от стада, уже выскочили из зарослей и побежали вверх по склону, навстречу сладкому запаху живой крови и теплу охранных костров. Их заметили.

Подняв ракетницы, офицеры выстрелили из них вверх, развесив над лесом на малых парашутиках “лампы” алхимического огня, что осветили все зеленовато-фиолетовым светом. А потом на опушку, где лес уже не был такой густой, обрушился залп древних минометов. Их 120-ти миллиметровые снаряды, каждый из которых был сделан вручную, с тщательностью и любовью, взрывались в кронах деревьев орошая все вокруг острыми ромбовидными лепестками из твердой керамики. Эта изысканная белая красота рвала дерево, крошила камень и легко рубила в фарш некроплоть.

Волна не удержалась, не смогла вытерпеть ставший слишком уж точным обстрел и ускорила, покрываясь проплешинами от каждого взрыва. Толпа бело-серых чудовищ выскочила на опушку леса, освещенную мерцающим и неярким химическим светом и попала под слаженный залп Сотни Майората, охраны Небесного Огня и двух десятков боевых лейтенантских траков приданных в усиление. Остальные стреляли вразнобой, выделялись разве что залпы стрелков Валентина. Но и те сравнения со слаженностью людей Майора не выдерживали.

До леса было слишком далеко, к тому же вокруг был густой подлесок. Ружейный огонь не был губителен, но был подавляюще сильным. Пули срезали ветки с деревьев, взрывали землю и достаточно часто с глухим стуком били в упырей заставляя их спотыкаться, иногда даже сбивая с ног. Бесконечно далекие от всяких чувств некроконструкты пришли в секундное замешательство, но подстегиваемые приказами, что транслировали им три оставшиеся в живых горги, пошли прямо на пули. Холодный нечеловеческий разум, безразличный к жизни и смерти, своей и чужой, все же подсказывал им лучшие пути для достижения цели. И бежать вверх по простреливаемому склону холма было не оптимально. Это подсказывала судьба вырвавшихся вперед, самых быстрых. Стремительный бег по склону обычно кончался несколькими попаданиями пуль, потерей конечностей и мучительным добиванием корчащегося от попаданий упыря, которого пули буквально разрывали на части.

Но они, конечно же, попытались.

Плотная масса Мертвой Волны, нечувствительная к потерям, стремительным рывком преодолела половину расстояния до пахнущих порохом и потом живых, не обращая внимания на зудящие комки металла, засевшие в шкурах и десяток упавших неудачников. Тех, кому не повезло поймать пули в нервные центры. В любое другое время это дармовое мясо заставило бы упырей драться между за собой, чтобы урвать кусочек. Но сейчас, такая сладкая, такая живая, такая редкая добыча, пусть и опасная, была куда желанней.

Как оказалось, Волна вышла прямо под разрывающие их на части очереди 17-ти миллиметровых гатлингов, за которыми сидели отчаянно ругающиеся Лейтенанты. Забавно, но ругались они не на упырей, а на дороговизну патронов. Их очереди были скупыми, но точными — почти все пули с деревянным стуком впивались в псевдоплоть упырей. Тяжелые, тридцатиграммовые пули со спиленным наконечником раскрывались при попадании как цветок, оставляя чудовищные раны, кроша кости, отрывая конечности. Каждое такое попадание убило бы человека на месте или ранило так тяжело, что он не смог бы сражаться. Упыри падали, катились, оставляя на земле куски плоти, но поднимались и хромали вперед на оставшихся конечностях. Волна дошла до самых сторожевых костров. До деревянных бортов за которым укрылись люди оставалось жалкие двадцать метров. Люди стреляли вразнобой, но с хладнокровной эффективностью. Все чаще метко пущенная пуля попадала в разваренную пасть или в слабое место которое можно бы было назвать виском и проникала

в мозг. Люди убивали то, что должно было жить вечным. Гатлинги раскрутили стволы и выплевывая за эти минуты целые состояния, словно плугом вспахивали ночь, землю и некроплоть. Последние двадцать метров оказались непреодолимы. Слишком много свинца в воздухе. Волна замешкалась. Воля, направляющая орду упырей иссякла. Волна уже потеряла горгу в сумятице первых залпов, и вторую от метких пуль чуть позже. Упыри застопорились, попятились, попрятались за трупами, прижимаясь к земле.

Люди почувствовали перелом. Раздались победные крики. Грохот выстрелов немного стих. Приходилось выискивать себе цель. Позиции вокруг вершины холма заволокло дымом от пороха. Но вдруг, с другой стороны лагеря, тоже началась стрельба. Ловко вскарабкавшись по почти отвесному склону холма, несколько десятков посланных в обход упырей выскочили внезапно прямо перед отвлекшимися на происходящее в другой стороне линией стрелков и рванулись навстречу редким выстрелам. И запутались в предусмотрительно приготовленных спиралях колючей проволоки. Из-за высоких бортов телег вылетели горшки с горючим составом и медленно вращаясь стали падать среди упырей. Лопаясь, горшки выпускали из мутную тягучую жидкость, которая тут же загоралась на воздухе. Языки синевато-оранжевого пламени появлялись сначала несмело, а потом мгновенно вырастали в ревущие огненные шары. Огонь охватил весь склон. В вздымающихся на высоту амбара огненных языках были видны охваченные пламенем упыри. Они метались в поисках спасения и падали под пулями, сгорая синим химическим огнем.

Последняя горга отозвала упырей. В этой короткой атаке они потеряли больше сотни упырей, еще столько же были серьезно повреждены. И это древние, матерые, мощные некроконструкты. Хуже всего то, что атака не принесла заметных результатов.

Горга ослабила контроль, позволяя оставшимся разбрестись по лесу. Сожрать убитых и поврежденных, восстановить силы.

Минометы перестали стрелять. Увы, но снаряды к ним не были бесконечны.

Билл, все это время простоявший позади отчаянно палящих куда-то в темноту стрелков Валентина, вдруг понял, как устал. Он с облегчением опустился на землю. Как-то само собой получилось, что сержанты собрались тут же. Они молча всматривались в темноту леса, все еще подсвечиваемую редкими “светилками”, которые продолжали запускать офицеры майората. Но потом Валентин, с черным от порохового дыма лицом, молча указал назад. На основной лагерь.

Билл попытался привстать, но пошатнулся и сел обратно. Сержанты столпились вокруг него. Все смотрели вниз, на долину.

— Что там? — прохрипел Билл.

— Идут, — мрачно сообщил Топор. Он был даже угрюмее обычного.

— Костяные пауки идут со стороны дороги, — неожиданно сказал Болтун. — Отрезали нам путь домой. Пауков много. Очень. И с ними Живоглоты. Много. И я вижу еще одну Волну, в основном упыри, но там тоже есть что-то крупное. Эти пытаются пройти вдоль реки.

— Я хочу посмотреть, — сказал Билл. Его аккуратно подняли, и придерживая с обеих сторон, развернули к битве, которая уже бушевала внизу.

Лагерь напоминал осажденную крепость. Люди из Дивизии были опытны и умелы. Они успели многое сделать за те несколько часов, что им дали. Во многих местах чернели рвы, виднелись колья, ловила остриями шипов отблески факелов колючая проволока, запутанный лабиринт боевых воев легко пропускал внутри себя боевые траки с тяжелым оружием туда,

где они требовались. Кроме двух Мертвых Волн, про которые сказал Болтун, вокруг лагеря Дивизии уже было множество стай нежити, то и дело пытающихся найти слабое место в обороне, но откатывающихся от слаженного оружейного огня и пушек гантраков. Еще больше разрозненных чудищ сновали по полю, разбегаясь прочь от “светилок”, словно тараканы от света свечи. Минометы за спиной Билла глухо рявкнули, и над лагерем повисли огромные “светилки”. Выглядели они яркими фиолетовыми лунами, разве что, в отличии от луны, медленно спускались к земле на парашютах.

В этом, пусть и не таком ярком, как дневной, но все же хорошем свете, нежить вокруг лагеря стала видна. Рядом с Биллом снова глухо защелкали минометы “Небесного Огня” накрывая багровыми пятнами разрывов скопления чудовищ. Еще одна такая батарея стояла в центре армии, но даже Билли, у которого было не так много опыта, видел — её огонь не так хорош. Видимо разглядеть врага и удачно его накрыть, без хорошего обзора, было труднее.

Наконец Волна, состоявшая почти сплошь из Костяных пауков, пришедшая по следам армии, вошла в освещенный круг и ускорила. И в самом деле, было очень похоже на стихию. Волну, что вот-вот захлестнет хлипкие деревянные стены и невысокие земляные рвы. Не обращая внимания на рвущиеся среди них снаряды и бьющие в них пули, пауки всего за несколько минут добрались до внешнего периметра лагеря. Засыпали собой ров, перебрались через колючую проволоку пройдя прямо по запутавшимся в ней неудачникам и полезли на боевые вагоны внешнего периметра. Люди Дивизии не приняли боя, спешно убегая. Но нет, это не было бегство, это было отступление — под прикрытием огня, стрелки отошли на соседние телеги и фургоны, отгородив их массивными деревянными перегородками. Они просто заняли новые укрепления и продолжили стрелять. Почувствовав успех, к прорвавшимся костяным паукам начали подходить из тьмы все новые и новые стаи. Пауки побежали по вагонам вслед за людьми — но узкое пространство оказалось смертельной ловушкой. Их встретили пулеметы и картечь Боевых Траков, стоявших на углах заграждений. Твари выломали один вагон, и в пролом хлынул целый поток разнообразной нежити. Белесого — фиолетовый, из-за освещения. Их встретил ружейный огонь с трех сторон. Внезапно прямо из неба ударила ветвистая зеленая молния. Она протянулась в один из угловых узлов обороны. Бронированный трак с высокой башенкой смялся, как пустая консервная банка от удара молотка, и взорвался. Огненный шар, поднявшийся вверх от взрыва, окрасил битву красным.

— Древние! — закричали соседи спрингвудцев — Тут Древние! Колокола!

Билл не стал ничего спрашивать, понятно было, что с этим никто в Спрингвуде никогда не сталкивался. Поэтому это ему самому придется смотреть, запоминать и рассказывать. Если повезет пережить. Из лагеря Дивизии в небо ударили столбы света, от прожекторов. Таили их до этого времени хитроумные офицеры, значит ждали такой поворот. Про прожектора Билл знал, они упоминались в древних легендах. Ну, и видел однажды у дварфов.

На позиции регулярных и элитных частей высыпали жрецы, с тяжелыми бронзовыми гонгами в руках и начали остервенело бить в них, выкрикивая рифмованные молитвы.

В лагере Святых Отцов было немного, а на “спрингвудском” холме не было совсем. Поэтому люди стали спасаться дедовскими способами — начали оглушительно свистеть своими свистками паровые траки, а охрана “Небесного Огня” стала хором скандировать свои обеты.

Один из тяжеленных, огромных, дивизионных гантраков взлетел в воздух, и медленно

кружась над лагерем, стал разламываться на части, словно его рубили огромным топором. В другом месте начали вспыхивать вагоны. Без видимой причины, словно сухие дрова брошенные в невидимый костер — бах, и высокие толстые деревянные борта вспыхивали сразу по все длине.

— Они прорвались! — охнул Валентин и указал на дальний от них конец главного лагеря. И в самом деле, там внутри повозок мелькали упыри, живодеры, и еще какие-то твари, название которых Билл не знал. И не хотел знать.

— Смотрите, они высветили одного! — снова закричал Валентин, перекрывая жуткий шум вокруг и показывая в небо. Действительно, в перекрестии лучей прожекторов корчилась тварь, похожая на многокрылого паука. К ней, оставляя дымные хвосты, с земли уже неслись ракеты. Взрывались, на секунду делая ночь яркой как день. В их взрывах Тварь словно истаивала, теряя конечности и рассыпаясь в труху. Но не падала. Тем временем внизу, навстречу прорвавшимся упырям, от полковничьих стягов вышли Сотни Майоратов, чье пение доносилось даже до Билла. Впереди них, со светящимися красным, как уголь, мечами шли Паладины Полковника. Воины, о которых все много говорили и которых еще никогда не видели в битве.

Атакующие людей твари, словно составляя единый организм, отошли, отползли от мест где не смогли прорваться. Слаженно, словно бы каждому в ухо сержант кричал команды, изменив свое движение, начали пробираться в бреши устроенные для них Древними. Билл с ужасом смотрел как человек с длинным светящимся мечом оторвался от колонны тяжелой пехоты, планомерно выдавливающей упырей со стрелковых галерей боевых вагонов, и спрыгнул прямо в самую гущу врагов. К удивлению Билла, его не разорвали на части сразу же. И даже напротив — красная полоска меча заметалась, запорхала как пушинка на ветру. Паладин, уверенно прорубался через матерых упырей, в одиночку прямо к... Билл ужаснулся, увидев — палладин шел прямо к Живоглоту, пожирающему не успевших убежать защитников этого участка. Оглушенные его ментальным криком они молча стояли на коленях, пока живоглот запихивал их в себя одного за другим. Зная, как трудно убить тварь, Билл восхитился отчаянным мужеством носителя огненного меча, и с ужасом понял, что тот сейчас погибнет. В этот момент обзор ему заслонил клуб порохового дыма. Когда дым рассеялся, палладин все еще был жив, а вот живоглот лишился нескольких лап и теперь пытался убраться подальше, но у него плохо получалось.

— А что это с ним? — удивленно сказал Тихий Джефф. Его конечно никто не услышал, поэтому он просто грубо ударил стоявших к нему поближе Топора, Билла и Валентина. Сержанты обернулись, посмотрели туда куда указывал Джефф. Там, в тени от гантрака капитана, корчился Слухач. Из его ушей шла кровь.

Над ним уже склонился Капитан, и что-то спрашивал, тряся Слухача, не давая ему отключиться. Слухач открыл залитые тьмой глаза, и поднял дрожащую руку вверх, указывая на небо. Билл первый поднял взгляд к небу и первый увидел над ними тень. Прямо с неба что-то приближалось к ним, что-то большое, на огромных, похожих на стрекозы, крыльях.

— Валентин! — заорал Билл и тоже показал вверх. — Стреляй!

Глава 13. Стариковская болтовня

Разговоры о старых добрых временах удел стариков и разочаровавшихся. Люди вспоминают свою молодость и силу, помнят то, как они были молоды, и как ярко били им в сердце эмоции. Счастливики вспоминают любовь, неудачники страх. И даже неудачники все равно уверены — раньше было лучше. Из этого мудрые могут сделать вывод, что нужно торопиться жить.

Но даже старики иногда могут признать, что некоторые вещи изменились к лучшему.

Великий Учитель встретил Белого Доктора еще на въезде в долину. Этот мягкий и ласковый человек потратил немало времени, чтобы прогнать тех, кто хотел его сопровождать. Жители крепости давно отвыкли видеть в Учителе опасность. Возможно, это даже хорошо. Когда Учитель почуял приближение Белого Доктора, он сначала хотел выскользнуть в тишине. Но увы, его ладный, скроенный из толстых чешуек доспех, давно не смазывали и поэтому он гремел, как грузовик с металлоломом. А еще, Учитель задел своим мечом ворота, когда выходил. Его огромный, выше него, меч, стоял в храме скорее уже как символ, никто и не думал, что Учитель в самом деле им когда-то пользовался. Хорошо хоть меч был заточен.

Его догнали у ворот, засыпали вопросами. Когда Учитель неосторожно ответил правду, что ему просто надо встретить старого знакомого, молодые парни быстро вооружились и приготовились его сопроводить. Чтобы защитить. Все же Учитель понимал, как же он стал стар. Будь Учитель помоложе, он бы наверняка подобрал слова. Но в этот раз, Великий Учитель, мудрец и оратор, просто хамски прикрикнул на своих же людей, которые хотели ему помочь. Потом стало стыдно, но Учитель не стал извиняться. Да и время поджимало. Он не хотел, чтобы Белый Доктор появлялся в его долине, но со всей этой суматохой опоздал.

Когда по дороге на холм, с неожиданно хорошей для гужевой повозки, вкатилась повозка Доктора, Учитель еще только взбирался вверх. Впрочем, Белый Доктор проявил редкую для него эмпатию. Он остановил своих лошадей, передал поводья сидящему рядом неподвижному, полуголому индейцу. Спрыгнул на землю и пошел навстречу Учителю пешком.

Учитель слегка запыхался. Доспех весил почти тридцать килограмм, еще и меч около шести. Слишком тяжело даже для сильного и подготовленного человека, а ведь Учитель еще и бежал от самого поселения, а потом и вверх по холму. Увидев, что Доктор идет ему навстречу, Учитель сошел с дороги, плюхнулся на большой камень, воткнув перед собой меч и стал ждать. Мудрый пользуется возможностями. В данном случае это была возможность слегка отдохнуть, восстановить дыхание и успокоить мысли.

Белый Доктор остановился в полусотни шагов. Но еще задолго до этого над Учителем закружила стая черных как бездна воронов.

Маленький, пухлый человечек с улыбочивым лицом и нелепо выглядящих на нем на нем тяжелых доспехах и высокая, одетая в черное гротескная фигура в цилиндре. Странные собеседники. Они долго смотрели друг на друга и не шевелились.

— Начинай разговор, Алан, ведь это ты пришел ко мне, — наконец негромко сказал Учитель. В тот же момент рядом с ним на землю опустились два очень крупных ворона, и стали обходить учителя по кругу.

— Оооуммм, — сказал один ворон, странным гнусавым голосом, рассматривая Учителя

то одним, то другим взглядом. — Я даже не сразу вспомнил это имя, профессор Алтер.

— К чему официоз, — привычно улыбнулся Учитель и махнул рукой, словно отменяя формальности. — Не первый век знакомы. Можно просто Харви.

— Ахаха, — противным, скрипучим старческим голосом засмеялся за его спиной второй ворон, и сказал. — Хорошо выглядишь Харви. Совсем не изменился с нашей прошлой встречи. Только за модой не следишь. Такие доспехи были модные в четырнадцатом веке.

— Жаль, не могу сказать тебе того же, — ответил Учитель и его улыбка стала грустной. — Ты изменился просто разительно.

Повисла тяжелая пауза, нарушаемая только карканьем вороньей стаи.

— Я был прав! — внезапно рявкнул ворон рядом с Учителем. Голос его был густым басом, полным злобы. — Признай!

— В тебе все еще столько ненависти, — покачал головой Учитель. — Однажды она погубит тебя, Алан.

— Меня зовут Добрый Доктор! — заорали оба ворона и продолжали повторять последние слова разными голосами. Мужскими, женскими, детскими. Это продолжалось долго. Не меньше десяти минут. Наконец, когда вороны устали и замолчали, Учитель все это время кивавший им со смиренной улыбкой, перестал улыбаться и неожиданно жестко сказал:

— Никто не называет тебя добрым. Ты всем известен как Белый Доктор, самый страшный из гробарей, — в ответ вороны промолчали. Фигура в цилиндре не шевелилась. Неподвижность её была неестественной, словно и не человек это был, а статуя. Минуты тишины тянулись очень медленно. Вдруг один из воронов вспорхнул на камень перед Учителем и приоткрыл крылья, словно загораживая собой фигуру Белого Доктора.

— И все же, я был прав. Признай это, ты, старик с деменцией! — прокаркал ворон, угрожающе расправляя крылья. Харви Алтер, когда-то простой лауреат нобелевской премии по медицине и признанный эксперт в инфекционных заболеваниях, а сейчас Великий Учитель Ордена ратаэшгаров, снова начал улыбаться, и мягко, одним движением стек со своего камня. Это было похоже на шаг, но этим шагом Учитель преодолел не меньше пяти метров, успев по дороге подхватить правой рукой воткнутый в землю огромный меч, а левой ухватить не успевшего среагировать ворона. Учитель небрежно встряхнул огромную птицу, раздався хруст ломаемой шеи и ворон обмяк. Отбросив тушу, Учитель сказал Белому доктору, который вдруг оказался от него всего в десяти метрах.

— Я стал нервным с годами, Алан. Мне не нравится твой тон. Он заставляет меня нервничать.

Белый Доктор впервые с начала разговора нарушил свою кажущуюся неподвижность. Он словно бы перевел взгляд на мертвого ворона, и вдруг согнулся, уперев руки в землю. Почему-то до этого не было понятно, насколько его руки длинные. А потом по лицу Белого Доктора пошла рябь. Сторонний наблюдатель сейчас бы с ужасом понял, что на Белом Докторе вовсе не маска. Нет, тот огромный нос, белые уродливые выступы, красные линзы — это и было лицом. Пасть Белого Доктора раскрылась, и из неё вывалился фиолетовый извивающийся язык. Весь покрытый крохотными, трепещущими отростками.

То, что когда-то была Аланом, задрожало, словно в ярости... А потом резко выпрямилось. Втянуло в себя язык, захлопнуло пасть. Снова став похожим на человека, Белый Доктор развернулся и стремительно пошел прочь. Сидящий в повозке индеец повел поводьями и кони послушно начали разворачиваться.

— О, уже уходишь. Жаль. А я надеялся, мы обменяемся данными, — сказал Учитель. Не так громко, чтобы его услышал Белый Доктор, но достаточно громко, чтобы его услышал сидящий за его спиной ворон.

— У меня смертность меньше десяти процентов. Мутации умеренные, — отстраненным женским голосом пробормотал ворон.

— Тридцать процентов, зато мутаций нет, — отозвался учитель. И без перехода. — Так зачем ты приходил, если не за тем, чтобы обменяться данными?

— Разве нужен повод, чтобы проведать старого друга, — сказал ворон прокуренным мужским голосом.

Белый Доктор тем временем вскочил в повозку и та немедленно двинулась прочь.

— Ты ведь идешь за этим пареньком, да? — сказал Учитель, по прежнему не отрывая взгляда от Белого Доктора. — Все никак не можешь простить то, о чем уже все забыли!

— Забыть?! — пронзительным женским голосом взвизгнул ворон за его спиной и ему вторила громким карканьем стая над ним. Ворон подпрыгнул, повернул голову уставившись на Учителя одним глазом. Птица, каким-то образом смогла выглядеть расвирепевшей и возмущенной. — Эти тупые идиоты! Подонки! Мы ведь их предупреждали! Ты их предупреждал! Ты им говорил! Решили отсидеться в своих бункерах! Думают им все сойдет с рук!

— И поэтому ты хочешь поймать парнишку, выпытать из какого он убежища, найти и убить тех, кто по твоему мнению во всем виноват? Точнее, их правнуков и праправнуков? — спокойно уточнил бывший профессор.

— И тебя, если ты попробуешь встать на моем пути, — прокаркал ворон странным, глухим, хрипящим голосом. Словно птица заговорила своим.

— Не надо угроз, Алан. Это контрпродуктивно. Мы в первую очередь коллеги в трудном деле и у нас чем заняться помимо выяснения отношений. Я не намерен лезть в твои личные дела, но и от тебя ожидаю того же. Правда, у меня есть просьба.

— Говори, — каркнул ворон после долгой паузы.

— С пацаном подопытный J0088. На данный момент, наиболее долго функционирующая после инициации особь. Отзывается на имя Йем. Я настаиваю, чтобы он не пострадал.

— Это приемлемо, — с веселым смешком откликнулся ворон. На этот раз он говорил игривым, молодым женским голосом. — Но тут же есть подвох, да? Он наверняка будет защищать пацана.

— Несомненно. Ты сможешь добиться своих целей, не повредив Йема?

— Оу, малыш. Ты такие вещи от меня просишь, — томно вздохнул ворон тем же голосом.

— Я попросил Йема сопроводить бункерника до побережья. Мне показалось, что у этого паренька есть действительно важное дело. Ты можешь подождать, пока Йем выполнит свою часть сделки и оставит парнишку одного, а уже потом заняться парнишкой, — предложил Учитель. Повозка с Белым Доктором уже давно скрылась за холмом, но Учитель по-прежнему внимательно смотрел на дорогу. Бывший лауреат Нобелевской премии чувствовал, что древнее чудовище, когда-то бывшее его коллегой, удаляется. Наконец Харви развернулся, взмахом руки отогнал ворона прочь и уселся обратно на камень, воткнув перед собой в землю меч. Ворон некоторое время, словно в задумчивости расхаживал перед ним. А потом поднял клюв и отозвался:

— Приемлемо.

— Знаешь, а это иронично, — задумчиво сказал Харви Алтер, машинально потеряв руку в том месте, где когда-то были часы. Подарок внуков. Всегда хватался за них, когда волновался. Сто лет прошло, а привычка так иногда и всплывает из подсознания. — У нас с тобой, Алан, очень разный подход к миру. Ты всегда был слишком уж умный. То есть привык, что вокруг одни тупицы. Ты куда агрессивней, не прощаешь ошибок. Я напротив. Куда более терпим и, хочется верить, добрее. И тем не менее ты создаешь мрачных полумертвых конструкторов, ведомых твоей могучей волей, для того чтобы уберечь людей от заражения и безопасно утилизировать опасных существ. Даже пытаешься наладить производство лекарств. А я создаю воинов. Кто бы мог подумать, что именно так все случится?

Ворон ничего не ответил. Немного постояв над убитым собратом, он вдруг сорвался с места и тяжело взлетел, хлопая огромными черными крыльями. Молча.

За говорящим вороном потянулась прочь и вся остальная стая.

— Приятно было поболтать! — снова улыбаясь крикнул Великий Учитель и помахал птицам рукой, словно провожая друзей. — В следующий раз будешь проезжать мимо — проезжай!

Глава 14. Древний враг

Биллу всегда была чужда философия. Зато он всегда точно знал, что нужно делать. Сжать зубы и терпеть. Этому он учился всю свою жизнь.

Война, в конечном итоге, это просто череда ошибок и смертей. Но выигрывает не тот, кто совершает меньше ошибок, а тот, кто способен продолжать борьбу дольше врага.

С неба раздался вой. Давящий, скрежещущий. Люди начинали дрожать, словно от сильнейшего холода. Ружья выпадали из слабеющих пальцев, люди оседали на землю как марианетки, которым отрезают нити — ноги отказывали их держать.

Однако, некоторые могли волей ли, природными ли способностями, но противостоять ментальной атаке с неба.

В нависшую над ними тень, отчаянно богохульствуя палил капитан из своего такого красивого и дорогого, но такого маленького и жалкого револьвера. Быстро, и наверняка точно, выстрелил Валентин, вскинув свое ружье. Он не стал смотреть, попал или нет, а тут же переломил Старого друга, хоть и с трудом, но все же запихивая туда новый патрон трясущимися в треморе пальцами. Раздался разрозненный и какой-то жидкий залп охраны майората. Почти сразу за ним еще два. Завизжали, раскручиваясь гатлинги гантраков — но только у одного хватило угла возвышения, чтобы стрелять вверх, в приближающееся чудовище.

А оно приближалось. Опустилось так низко, что тварь уже можно было рассмотреть в свете от костров и отблесках оружейных вспышек.

Билл не стал её разглядывать. Не зачем это. Он огляделся по сторонам, увидел остекленевший взгляд Валентина, который с бледным от напряжения лицом стоял в нелепой позе. Похоже и его скрутило. Выстрелы раздавались все реже. Рядом стонал Джефф. Стонал жалобно, что было совсем на него не похоже. Судя по тому, как колбасило остальных, Билл держался молодцом. Должно быть, после Живоглота он “оглох” к таким фокусам. По крайней мере, на некоторое время.

Билл перестал стоять столбом, подхватил бомбарду Джеффа, вскинул её. Навел на темный силуэт, похожий на огромного младенца со слишком большой башкой, и выстрелил.

Конечно же, Билл не планировал попасть. Но он рассчитывал, что в бомбарде заряжена крупная дробь, и он пошинкует крылья этой неведомой херне. Но в бомбарде была стеклянная капсула с зажигательной смесью. Дорогая штука, у Джеффа таких всего три. Зачем сейчас зарядил? Ну кто его знает. Говорит, всегда хотел попробовать. До цели было метров семьдесят, Билл промахнулся, конечно, но и бомбарда не та штука, чтобы зашвырнуть тяжелую стеклянную капсулу слишком уж далеко. Билл не глядя, нагнулся к Джефу и начал шариться у него в сумке с зарядами, чтобы перезарядить бомбарду дробью.

Аккуратный брикетик дроби и пороховой заряд Билл нашел быстро, а вот само перезаряжание у него выходило медленно, трудно, долго. А стеклянная капсула с воспламеняющейся на воздухе жидкостью, выстреленная Биллом из бомбарды, тем временем, достигла верха своей траектории и, вращаясь, полетела обратно к земле. Все сильнее разгоняясь. Но не долетела — врезавшись по дороге в Древнего, разбилась и залила чудовище липким составом, который тут же вспыхнул.

Жуткое древнее чудовище отчаянно заверещало вслух, заметалось, и камнем упало вниз. И угодило прямо под пушки двух гантраков. А его ментальный вопль, наоборот прекратился, не иначе как во время прожарки трудно удерживать концентрацию.

Едва пришедшие себя офицеры гантраков не дали тварине, мечущейся и воющей как корова в горящем сарае, очухаться, и методично расстреляли её из гатлингов и больших пушек.

Конечно, все не было так уж просто. Пока людей давило психическим воплем, из леса опять кинулись упыри. Однако их было сильно меньше, чем в первый раз. Да и не сразу они сообразили, что момент для атаки удачный. В общем, люди все таки успели большую часть пострелять, а остальных в топоры взяли. Неизвестно откуда вынырнувшая Горга добралась до стрелка с автоматической винтовкой, но тот все же сумел преодолеть наваждение, и хоть и повернул винтовку в сторону своих, но расстрелял всю обойму поверх голов своих друзей. Товарищи заметили, что не так что-то с парнем... Хотя, сразу поняли, что не так. Оморочила его горка, где-то рядом в невидимости стоит. Ну, и как давай во все стороны палить, гранаты кидать, и молитвы читать, наваждение сбивая. Не ушла, в общем, горга.

Долгая была ночь. Трудная.

Внизу Дивизионный лагерь, без малого наполовину, был разрушен и охвачен пламенем. Но Мертвая волна захлебнулась. Завязла грудями посеченных пулями тел, скопившихся в проходах. Разметалась кусками по всему пулю, где тварей накрыли минометы и бомбы. Сжухлась обгорелыми тушами перед позициями дивизионных огнеметателей.

Одно из древних чудовищ, что парило над лагерем, прячась во тьме и мороке, было убито. Еще несколько Древних были ранены огнём с земли. Воплощения древних кошмаров отступили, бросив своих меньших собратьев. Но те не могли преодолеть защиту людей.

Люди остановили древнего врага. И медленно, с трудом, но истребили его.

Но уже под утро, часа за два до рассвета, вдруг все успокоилось. Слышались только отдельные выстрелы — люди добивали уползающих неживых. То, что это победа, тогда никто не думал. Но именно такие, обычно, и бывают победы — просто чудовищное напряжение, кровь, смерть, страх, а потом томительная пауза, которая никак не кончается.

Сейчас, когда все немного успокоилось, сверху было ясно, что Мертвые Волны вовсе не были столь уж неисчислимы, как показались тому же Биллу вечером. Если армия Дивизии насчитывала десятков, а то и два, тысяч человек, то против них вышло не больше пяти, ну может десяти тысяч. Если допустить, что половина убежала.

Люди лихорадочно укреплялись. Возводили целые холмы из земли и камней, и втаскивали туда гантраки. Рыли рвы, опутывали все вокруг проволокой, выносили вперед ловушки. Волчьи ямы, колья — все шло в ход.

Чуть поодаль работали гробари. Споро и быстро расленяя некро туши. Некроплоть — в реку, на корм рыбам. Она быстро разложится. А вот внутренние органы и кости — вместилище заразы — сортировалось. Что-то — сразу в печи переносных крематориев. Что-то можно и в большой костер. А что-то — в деревянные, похожие на гробы сундуки из

осины, которая защищает от зла. Из этого можно будет сделать лекарство или полезное зелье.

Работали гробари так слаженно и быстро, что это было даже красиво. Работы у них было много. Поэтому до спрингвудского холма они добрались только за полдень.

Билла признали раненым. Он и в самом деле ходил, как мешком ударенный. На вопросы не всегда реагировал, иногда и вовсе “залипал” в одну точку уставившись. отправили его к раненым.

Вторая ночь прошла тревожно. Люди не спали. Даже Билл не спал.

Слушали землю — не идут ли некры тоннелями? Смотрели на небо — не будет ли налета горгулий? Чувящие почти все после первой ночи или оглохли на время, или померли. Приходилось только на себя полагаться.

Светили ракетами, выпускали собак, иногда неожиданно бросали горшок с горючей смесью в подозрительное место.

Вторая ночь была долгой, тревожной и скучной. Лагерь Дивизии больше никто не атаковал.

Билл только под утро забылся тревожным сном. А проснулся ближе к полудню — его никто не трогал, давая отоспаться.

Зато, как только он проснулся его ждал шикарный завтрак. Яичница с беконом! Настоящая роскошь, словно он лейтенант, не меньше. Хотя, тарелку с яишнецей держал сам Лейтенант! Его молодое и обычно розовое лицо, потемнело за эти два ня, глаза запали. Левая рука лейтенанта была на перевязи, и по левой стороне лица ветвился уродливый рваный шрам от удара чего-то вроде когтя. Поверх еще не успевшего поджить шрама был щедро намазан отталкивающе студенистый заживляющий гель гробарей. Лейтенант, увидев что Билл проснулся, улыбнулся ему и протянул глиняную миску.

— Эта, — попытался было вскочить и стать “смирно” Билл, но лейтенант толкнул его обратно на тюфяк, на котором Билл спал. Потом снова протянул тарелку.

— Доброе утро, — весело сказал Лейтенант.

— Это... Мне? — Билл покосился на тарелку. Мозги соображали медленно и с трудом. Приходилось думать с усилием, словно проворачивая ржавые шестеренки.

— Тебе, — хмыкнул подозрительно довольный Лейтенант. — Ты ж Билл? Ну вот.

Билл с опаской взял завтрак, который пах как царство божие. Но есть не стал, а осторожно спросил, на всякий случай:

— А за что?

— За то, — снова хмыкнул Лейтенант, и стал еще более довольным, что начало будить в Билле панику, — Зато, что ты Билл... Герой!

Глава 15. Непредвиденные осложнения

Йем не знал, что их преследует Белый Доктор. Но вел себя он так, будто его кто-то погонял. Йем разогнал свой броневичок до сумасшедших семидесяти километров в час. Не останавливался лишний раз на перекус. И сбавлял скорость только там, где это заставляла сделать дорога.

Конечно же, это оказалось ошибкой. Они сломались на второй день. По счастью, место тут было оживленное. Увидев, что в беду попал рейнджер, местный фермер посадил сынишку верхом на лошадь и отправил по соседям. Просить помощи. Те приехали, так же верхом, но ведя с собой по паре, а то и по тройке, тягловых быков.

Йем привычным взглядом отметил небрежность, с которым фермеры держали оружие. Привычка к ношению оружия, выработанная годами. К его удивлению, фермеры были вооружены не только двуствольными “старыми друзьями” огромного калибра, но у каждого был еще и револьвер. Даже у двенадцатилетнего парнишки. Эти места никогда не были землями неживых, и пока еще не были и землями Дивизии. И было очевидно — в этих землях мертвые были куда меньшей опасностью, чем живые.

— Последнего упыря видел мой отец. Мне тогда было лет семь было, — поделился с Йемом воспоминаниями пятидесятилетний сухой старик с седой бородой, — Но рейнджеров мы помним. Так что, ты уж не серчай, но мы тебя сейчас быками поволокём. По-другому никак.

Мальш Джимми вел себя молодцом. А именно — молчал и не отвечивал.

Сначала броневичок отволокли на ранчо местному умельцу. Но и без него было понятно — полетела ось. И, судя по могучему дыму из выхлопной трубы, кажется что-то случилось с двигателем.

— Тут не починим, — сказал умелец, здоровенный лысый мужик, с усами висящими прядями до самой груди. — Это ж гномская работа. Хрен её разберешь. Хрен её соберешь. Хрен поймешь, как чинить. Но вещь, конечно, нехреновая.

К счастью, всего милях в двадцати был небольшой городок с пристанью. Грузовичок Йема отволокли туда. Упряжка в двенадцать волов и еще шестеро сменных. Управились за два дня. Непривычно тихий ночлег прямо в поле, у ничем не замаскированного костра. Много лет назад, когда Йем уходил к границам пустошей, это считалось большой неосмотрительностью. Или вынужденной мерой. На такой огонь упыри сбегались ночью за тридцать километров. А сейчас люди явно не ждали нападения из темноты, просто по старой привычке выставили часового на ночь. И все же, Йем с Мальшом Джимом спали в своем броневичке.

Они прибыли в городок в обед. И уже через час их погрузили на паром и отправили вниз по реке. Еще полтора дня неспешного плавания и они пристали к древнему, но ухоженному бетонному пирсу.

Джим стоял раскрыв рот, пялясь на каждого бородача, что показывался ему на глаза.

Все как один заросшие бородами до самых глаз, широкие в плечах, с бочкообразной грудью и могучими руками, но с короткими маленькими ножками, которые и делали их ниже большинства людей, местные не обращали внимания на очередного дурачка.

— Назовешь их гномами, получишь гномьим кулаком в нос. Это может быть смертельно, — запоздало предупредил Йем Мальша.

— А как их тогда называть? — удивленно спросил Малыш Джим. Йем в ответ посмотрел на него не менее удивленно. И ответил:

— Как называть людей, если нельзя называть их так, как им не нравится чтобы их называли?

Джим задумался. Их отвлекли.

— Тридцать баксов за разгрузку и транспортировку. Кстати, куда вам отвести эту рухлядь? Свалка у нас за городом, придется доплатить еще двадцатку, — проворчал низким басом, подошедший к ним гном. Его лицо, та часть, которую было видно над бородой, напоминала морду бульдога. Джим видел таких собак на картинке. Трудно сказать, что поразило Джима больше, внешность подошедшего, цены, или же бесцеремонность, с какой он обратился к Йему.

— Вы возможно не поняли, но это рейнджер Ордена... — пролепетал Джим.

— Вижу, — хмыкнул гном. И тут же придвинулся вплотную к Йему и хмуро уставился на него снизу вверх, но при этом крайне злобно, — Потому и говорю сразу! Деньги есть?

— Денег нет, — равнодушно ответил Йем, слегка отшагнул от гнома, потом осторожно обошел его, открыл дверь броневишка. Достал свою сумку, кинул сумку Джима ему, надел через плечо свою. на другое плечо повесил винтовку в футляре.

— Тогда забираю это ведро в качестве платы за разгрузку с парома! И, еще за парковку на пирсе! — рявкнул гном, и упер руки в бока, явно готовясь к долгому спору.

Йем молча пожал плечами и пошел прочь. Растерявшийся Джим еще некоторое время таращился на покрасневшее от гнева лицо гнома, который никак не мог придумать, что еще сказать. А потом бегом кинулся догонять Йема.

— А как же мы теперь... Без машины? — выждав паузу, наконец спросил Джим. Они уже вышли с территории порта, и шли по невероятно уютному, застроенному двух и трех этажными домами. Непривычно большие окна, впрочем с могучими ставнями укрепленными стальными полосами и широкие, но низкие двери. Красная черепица, серый камень, гранитные плиты на дороге, клумбы — город был красив. Но сейчас Джиму было сильно не до видов вокруг.

— Без машины мы никак, — ответил Йем. — Но люди здесь... Специфичные. Поэтому попробуем поговорить сразу с главным.

Йем кивнул вперед. Джим осмотрелся, и обнаружил, что они вышли на небольшую, но уютную площадь, окруженные домами, которые малость отличались от других. Чуть больше в размерах, чуть выше в межэтажном пространстве. Высокая башня с колокольной и большими часами.

— Это часы? Настоящие? — поразился Джим. Идущий рядом гном притормозил, с подозрением смотря на него. Но Джим этого не заметил, продолжая фонтанировать восторгом:

— Они сами их сделали?!

— Живущие в этом городе люди славятся своим мастерством в механике, — осторожно сказал стоящий рядом бородач.

— Это невозможно! Ну, то есть, я хочу сказать, что если это так, то это потрясающе! Просто невероятно! Как вам удалось?!

— Вы не первый из приезжих, кто удивлен, но первый, кто задает правильные вопросы, — благодушно улыбнулся гном. Он был высоковат для гнома, лишь на полголовы ниже Джима. И, если подавляющее большинство других гномов предпочитали грубые

рабочие штаны со множеством карманов, клетчатые рубашки и кожаные куртки, этот был одет в черный шерстяной костюм и белую рубашку. На вид ему было не меньше шестидесяти, но возможно так казалось из-за бороды, а на самом деле он был моложе.

— Я Трак Тимбер, главный инженер города, — с гордостью представился он. — Вам повезло, юноша, у меня как раз пара свободных минут...

— Значит, мы шли к тебе, — неожиданно перебил его Йем. Он подошел ближе и, оттянув ворот, показал татуировку рейнджера на шее. Почти скрытый под грязью и загаром язык пламени.

— Ах ты ж, кувалду мне в зад, попрошайка! — отшатнулся от него Трак Тимбер. Потом развернулся. Главный инженер тут же заторопился к одному из зданий на площади. Надо полагать, местной ратуше. На ходу он отмахивался руками, словно Йем вился вокруг него как шмель и громко возмущался:

— Мне некогда! Приходите завтра!

Джим стоял рядом с Йемом. Они не сделали попыток догнать главного инженера. Джим молча повернулся к Йему и вопросительно приподнял бровь.

— Говорят, иногда приятно найти место, где ничего не поменялось с дней твоей юности, — хмуро сказал Йем. — Но это не тот случай. Боюсь, мы тут застрянем надолго, парень.

Глава 16. Непредвиденные осложнения бывают разные

— Седьмой патрон всегда не к месту. Зарядил ты в револьвер шесть патронов, а куда последний девать? В карман? — сказал Гарри Топор. Последнее время он говорил и старался вести себя с достоинством. Как это бывает у людей непривычных к подобному с детства, это выглядело нелепо. Он просто говорил медленно и двигался как будто находится под водой. К счастью, он делал так не очень часто. Только когда вспоминал, что он теперь человек важный.

— Отстрелять все шесть и зарядить последний, — прогудел Тихий Джефф. Он был одет в кожаный плащ и огромную шляпу. С его и так могучими габаритами, теперь он и вовсе подавлял одним видом.

— Отстрелял все патроны и ради одного револьвер перезаряжать? Это же тупо! — не отступал Гарри.

— Непонял. Чо его, выкидывать? — Джеффу тоже было упорства не занимать.

— Ну вот, и я о том! — попытался повернуть какую-то свою хитрую уловку Гарри.

— О чем? В смысле? Не выкидывать же патроны. Ну, подумаешь, один остался. И чо? — не попался Джефф.

— Для себя можно оставить, — съехидничал Валентин.

— Непонял?! — нахмурился Джефф.

— Да не суть. Просто типо неудобно, когда семь патронов. Надо брать больше, — не стал вдаваться в объяснения Валентин.

— Ну так и скажи, камень в ботинке, или там кастрюля без ручки. Что за глупость такая, “седьмой патрон”. Как это, ну, для красоты вроде как сказано, а глупость, — развернул свою мысль Джефф.

— С претензией! — сказал Валентин. Он вообще много загогуленных слов знал. Где только нахватался.

— Во-во, с претензией на глупость! — хохотнул Гарри Топор.

Остальные тоже заулыбались.

Они уже седьмой день плыли на речном параходике, который тащил баржу с пшеницей вверх по реке. Груз, может, и не самый впечатляющий, но по эту сторону Скалистых гор

было достаточно людей, готовых убить и за мешок муки. А половина из оставшихся, вполне могут переступить через совесть за три мешка. Даже на землях Дивизии нет-нет, а случался голод. Поэтому охранять такой груз было делом, пусть и не прибыльным, зато нужным.

Скажи Биллу, сразу после битвы, что он наймется сюда, да и все остальные сержанты Спрингвуда, с ним вместе, в охрану — в жизнь бы не поверил. Потемневшие от времени дощатые крыши Спрингвуда — вот что стояло у всех них без исключения перед глазами, когда они думали о возвращении. Но нет, судьба лягнула их неожиданно, как смиренная корова. И от того, было даже больнее.

Как только Полковник, проторчав после битвы у Лысого холма в лагере два дня, понял, что победил — первым делом он немедленно начал на радостях отсыпать щедрот своих.

Тут то Билл и подвернулся. Отрекомендовал его Полковнику сам Капитан. Начал сразу с него. Гляньте, мол, господин Полковник. Вот так — вот, сержант-молодец. Связал ближний боем аж живоглота, перетерпев его мозгокрутсва, благодаря чему монстр был расстрелян и повержен его товарищами. Но на том Билл-молодец не успокоился, а потом еще и сбил.. Кхм, — мужественный капитан, не боявшийся стрелять в огромное чудище посреди гиблой ночи, полной огня и крови, сейчас, при свете дня, так и не смог выдать из себя официальное название, ограничившись простонародным: — Древнего, в общем.

Полковник Джон VI, молодой еще, и тридцати нет, посмотрел на Билла как на потерянного и вновь обретенного сына. Обнял, расцеловал. Билл только и смог, что пробормотать что-то про то, что он не один, вон его друзья сержанты ему всячески подсобили...

— Жалую тебе Золотую Медаль Почета! Да откуда ты, такой молодец? Сприеэрвуд?! Ай да молодцы, вы сприеэрвудцы! Всем твоим друзьям Серебряную Медаль Почета!

Полковник Джон не правильно произносил название города. Поправлять его, конечно же, никто не стал. Если не считать этого, то казалось бы — все устроилось хорошо. И заслуги признали, и все такое.

А вот только потихоньку, полегоньку, стало вдруг выясняться, что Золотой Медалью Почета то уже давненько только офицеров награждали. Нет, была еще железная. Для солдат. С алой лентой, с мечами, листьями и револьверами — если уж решил комплект собрать. Но из стали. И ладно бы дело только в металле.

Золотая Медаль шла в комплекте со всякими там послаблениями...

Короче, вызвали господ сержантов под белы очи, в саму столицу. Некоторое время Билл со товарищи ходил по приемам всяким, кланялся, руки жал, улыбался. Не подозревая, что тучи-то над ним сгущаются.

А потом вызвал к себе Билла один тип, с коротким носом и длинной родословной. Вроде как дядюшка нынешнего полковника. Билл этого не знал. Да и кто бы ему рассказывал.

Вызвал, в кресло усадил, и давай всякое рассказывать. Так мол и так, Золотая Медаль не только награда, но и ответственность. Ну и дальше гладко, как по ледяной горке — вроде хвалил, хвалил, а потом бац, и Билл вроде как кругом виноватый. А потом ему, уж без любезничаний, прямо в лоб сказали — проваливай-ка, ты Билли, отсюда. Из столицы точно, да и подальше от Дивизии бы не помешало. А то ты, как седьмой патрон...

Примерно так Билл весь разговор и запомнил. Вернулся, всем своим все так и рассказал. Парни рассусоливать не стали — велено катиться нахрен, причем велено лицом которое бить нельзя, то надо бы и катиться.

Гарри Топор, молодцом — сверкая новеньким нагрудным знаком, в форме установки “Небесного огня” на фоне походного храма, и надписью “За Лысый Холм”, а в добавок нашивками на плече “За рукопашную с особо опасным Врагом” и, чего говорить, вещь совсем уж редкой, Серебрянной Медалью Почета — ходил по тавернам и угощался на халяву.

В порту сдружился с моряками, они и рассказали про работенку не пыльную, если надо на дно залечь. Неделю пароходик будет только до гномов добираться. Потому как остановок много — на барже попутно всякое можно везти. Потом у гномов стоять неизвестно сколько — пока еще товар наберется. Потом назад. На месяц можно потеряться. А если повезет, то и на два. При этом кормят, поят, и жалование строго раз в неделю. Речной флот-то дивизионный. Маленькое жалованье, зато на всём готовом. Откладывать можно.

Гарри тут же рассказал об этом своим. Пошли на пристань, спросили, есть ли места. Комендант порта на грудь их посмотрел и кивнул молча. Взяли всех и на одно судно.

Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Билл-то думал, что Гарри тупее всех свою медаль использует. Валентин вот, умно поступил. Пошел в торговые ряды. И ловкий черт, хитрый. Найдет улицу, где лавок похожих много. Зайдет и спросит: “Хозяин, а нет ли желанья к вывеске прицепить присказку о том, что у вас сам Билл Герой отоваривается?”. Если хозяин не дурак, то он сразу смекает. А надо сказать, что публика столичная очень почему-то Билла полюбила. И в самом деле его так и кликали на улице — Билл Герой! В общем, и Билл, и сержанты сначала в паре лавок нахаляву едой затарились. Потом приоделись. Потом и оружие себе присмотрели. Последнее трудно было — выбор был не так чтобы велик, и каждая лавка больше на своем специализировалась. Кто на пистолетах, кто на револьверах, кто винтовки, кто Старых друзей пучками продавал. Можно было в каждом свое взять. Но Билл настоял — это не дело. Надо чтобы один был. Ну, его фирменный магазин. Ну дальше переговоры Валентин вел. Кончилось тем, что у всех дорогушие — долларов по шестьсот, не меньше, — ружья оказались, да и по револьверу на боку.

Билл глянул на парней. Эх, сейчас бы вот такими, ладными да справными, в Спрингвуд вернуться. Каждый в шляпе, новой, крашенной. Плащи, что твои лейтенантские. Костюмы из шерсти пошитые, сапоги кожаные... Красивые какие все сержанты, аж дух захватывает. У них в Спрингвуде, даже мэр и то поскромнее был.

Валентин говорит, что уже и на лошадей почти договорился... Но да ладно. В следующий раз.

Джефф же уже через день, как в столицу прибыл, так и запропал. Через два дня пришел, шляпу в руках мнет. У меня, говорит, свадьба завтра. Нашел себе цветочницу какую-то... Ну, тоже дело. Выглядел счастливым, а как уехать пришлось, злым стал. Только-только отошел.

Болтун тоже пропадал целыми днями. А где — так и не сказал.

— Гномтаун! — крикнул капитан. — И я вам, господа герои, еще раз говорю, не вздумайте людей тамошних, гномами называть. Самое малое морду набьют, а то и еще чего похуже будет.

Билл и остальные, даром что взрослые тертые дядьки, а кинулись на нос пароходика, как ребятня. Толкаясь и радуясь.

— Надо будет сразу к голове бородачей идти, — рассудительно сказал Гарри. Он то у гномов бывал. Вот и строит из себя бывалого. — Гномы они прижимистые, но честные. А работа для четверых парней с хорошими ружьями у них завсегда найдется.

Билл глянул на ставшее каким-то отрешенным и сосредоточенным лицо Гарри Топора.

Всяким его Билл видел. И самым злым Гарри казался, когда на спрингвудское пополнение орал. А вот сейчас Билл понял — именно, что казался. Наигранное то было. Ненастоящее. Вот сейчас Гарри страшно зол. И в предвкушении. Ах, ну точно. Ведь гномы с вампирами граничат. И грызутся с кровососами постоянно. Значит, мести Гарри хочет... Вот оно что... Ай да Гарри, завел их в свои разборки. Вслух Билл ничего не сказал. Поздно теперь уже варежкой хлопать.

— А я назад поеду, — вдруг заявил Джефф. — Меня дома ждут!

Сказал так, с претензией. Готовясь, видать, лаяться.

— Это правильно, — сказал Гарри. Джефф посмотрел на него с подозрением — не ёрничает ли? Но Гарри молчал и смотрел вдаль.

— У меня ж жена. Она говорит, что этому, медали нашей значит, — начал было Джефф заготовленную речь, еще не понимая, что никто его не отговаривает. Но от волнения запутался в словах, — Медали Почетной кама... кака...

— Кавалеру? — подсказал Болтун.

— Да, ему, то есть мне... дом, в общем, от города положен. Она конечно похлопочет, но и я явиться должен буду. А то мало ли!

— Дом? В столице? — изумился Валентин.

— Да, что-то мы не подумали узнать, что нам положено-то вообще... — озадачился Билл. Они получили по четыреста долларов за битву и обещание получать еще по сто шестьдесят каждый год, в течении десяти лет. Сумма хорошая. На радостях и не подумали поузнавать, не положено ли еще чего. Но ведь то только за битву, с тех трофеев, что они все вместе набили. А ведь, за награды-то, наверняка что-то еще положено.

— А Лейтенант то наш, промолчал... — задумчиво сказал Гарри.

— Так, это. Время то у него не было. Как его вон наградили, — сказал Джефф и ткнул ручищей в Билла, — мы его, почитай, и не видели больше.

— На пару слов время было, — не согласился Валентин. — Зато, теперь все становится яснее...

— Это дело. Ты Джефф, возвращайся, — неожиданно сказал Болтун. — Жена у тебя женщина хозяйственная. Своего не упустит. Но и из своих, городу не чужая. А как ты получишь, все что причитается, то и нам полегче потом будет.

Болтун выдал самый длинный спич за всю поездку и оглянулся на удивленно застывших товарищей. А потом и еще добавил:

— Обычно, только в первый раз больно. А потом, если нежно и по очереди, то даже приятно будет.

— Чего? — не понял Джефф.

— Потеряться нам надо. Месяца на два. А лучше на три. И разузнать, что там с этой Звездой Почетной такое, что мы неудобные стали, — объяснил Билл. — Ты, Джефф, вот что. Ты возвращайся. Но одну нам вещь обещаю. Поузнавай там немного, но очень осторожно. Ты не умеешь, но попытайся. Прикинься дурачком, это ты умеешь, и послушай, что тебе говорят. И жену тоже слушай, и не обижай.

— Значит, решено. Идем к гномам наниматься! — радостно подытожил Гарри. Услышал только то, что хотел. Вот стервец, ловко он. Ладно, чего уж им бояться. Вампиры, говорят, штука опасная. Но не опаснее живоглота будет.

Глава 17. Спокойное место

Остаться без транспорта в незнакомом большом городе. Не так плохо, как застрять посередине пустоши. Но, все же, не так хорошо, как ехать дальше. Уж не застряли ли они тут на месяцы? Джим старался унять свое беспокойство и не донимать Йема расспросами. К тому же, рейнджер был спокоен и выглядел уверенным. Со стороны казалось — это человек, который знает, что делает. Сразу после “разговора” с главным инженером на площади, Йем направился по главной улице. Это была оживленная транспортная магистраль, по которой проезжали не только телеги и фургоны, но и огромное множество машин. Джим чувствовал себя дикарем из каменного века, оказавшемся в мегаполисе двадцатого века. Он то и дело останавливался, глазел на очередную диковинку, залипал на фасады домов, пялился на решетки ливневой канализации, провожал взглядом блестящие автомобили с лакированными поверхностями... А потом бегом догонял Йема.

Гномтаун был очень большим городом, не меньше десяти тысяч жителей. Чем дальше от портового района, тем больше на улицах попадалось людей. И тех, кого трудно было однозначно причислить к гномам или людям. Видимо, гномы легко смешивались с людьми, что говорило, как минимум, о том, что это один вид. Джим всерьез задумался, что же могло вызвать столь яркие фенотипические отличия в этой популяции людей. У него в Убежище, люди приходились друг-другу родственниками, пусть и с дальней степенью родства. Пожалуй, чужакам жители убежища бы показались очень похожими друг на друга. Но даже там не было столь ярких различий.

Явно, с гномами дело было в другом. Джим видел и рыжих, и темноволосых гномов. С большими и длинными носами, как клюв птицы, и с носами, похожими на картошку. Создавалось впечатление, что словно кто-то взял довольно разнообразную популяцию людей и превратил их в гномов.

— Слушай, Йем. А откуда взялись, эээ, местные жители? Ну, эти... — спросил Джим.

— Я понял, — перебил его Йем. — Ты о шахтерах. Местные-то жили тут всегда. Маленькие фермы и городок на реке, с причалом. Выше по течению большой город, оставшийся от старых времен. А в половине дня пути к северу, есть шахты. Тоже еще от старых времен. Там и живут бородачи. Они шахтеры. Добывают там железо, испокон веков. И только лет двадцать назад стали выносить за свои стены торговые поселения. Вот и этот город — такой.

— А откуда они взялись? — спросил Джим. — Шахтеры.

— Откуда берутся все люди? — спросил Йем. — Тебе мама не рассказывала?

Джим вздохнул. Вряд ли Йем улавливает суть его вопроса. Ладно, просто стало еще одной тайной больше.

Они топали около двух часов, пока не дошли до перекрестка.

Тут дорога, выходящая из города, разбегалась сразу в нескольких направлениях. Со всех сторон её подпирали аккуратные каменные заборчики, но прямо у перекрестка, стоял каменный крест. Очень древний, судя по тому, как потемнел от времени и заветрился камень. Йем достал из своей сумки белый листок бумаги, свечу. На листе он написал крупными печатными буквами “Свет разгоняет тьму”, а ниже, гораздо мельче, “Гостевой дом миссис Поли”.

— Надеюсь старушка еще жива, — сказал Йем. Немного подумал, и дописал слово

“бывший”.

Положив листок в небольшую нишу в кресте, он поставил поверх него свечу и зажег. После чего отправился дальше.

Джим молча пошел за ним.

Джим шел, "наслаждаясь" усталостью. Ему вдруг стало одиноко и грустно. Вдруг, Йем сказал:

— Тут так принято. Оставлять послания у дороги. В таких делах, куда надежнее объявление в газете, но важно придерживаться традиций, если хочешь от людей того же. Слухи как ветер, они пролетят по городу и коснутся каждого. Думаю, уже завтра, все будут знать, что в городе рейнджер. Наверняка к нам придут и предложат работу. А по традиции, я могу попросить то, что мне нужно для работы.

Джим с сомнением поджал губы. Ему не верилось, что кто-то отдаст Йему грузовик за убийство пары упырей. Вслух, впрочем, Джим ничего не сказал.

Еще через десять минут они остановились у большого двухэтажного постоянного двора. Этот был больше похож на привычные Джиму дома — обнесен могучей, высокой стеной, со стрелковыми площадками по углам. Окна первого этажа узкие, похожие на бойницы. Забраны решетками и с массивными ставнями. Скорее укрепление, чем жилище.

Но большие, окованные железными полосами ворота, были открыты. День клонился к закату. Йем и Джим зашли внутрь. Прошли через заставленный повозками и машинами двор, поднялись по старой лестнице, украшенной потемневшими от времени каменными львами, и зашли в само здание. Там их уже встретил слуга. Это был молодой парень, даже младше Джима. Не больше шестнадцати.

— Рад приветствовать вас в нашем заведении! Помочь вам с багажом? — заученно начал он и тут же замолчал, осматривая их. Выражение его лица сменилось с внимательно-услужливого на брезгливое.

— Миссис Поли, полагаю, отошла от дел? — сказал ему Йем, вместо приветствия.

— А кто это? — спросил слуга, делая шаг назад.

— Кто хозяин этого гостевого дома? — спросил Йем.

— А вам зачем? — нахмурился слуга.

— Не важно. Нам нужна еда и комната. Пока, на одну ночь.

— Не уверен... — протянул слуга. — Насчет комнат. У вас есть шестьдесят центов за ночь? Ужин на двоих будет стоить еще восемьдесят.

Слуга назвал цены так, словно произнес заклинание изгоняющее бесов. Бедных и вонючих бесов, надо думать.

— У меня нет денег, — сказал Йем ровным голосом. И привычным жестом оттянул воротник, показывая парнишке татуировку. Впрочем, похоже, тот если и заметил, то не понял, что видит.

— Тогда вам придется... эээ... — сказал слуга, неопределенно махнув рукой в сторону выхода.

— Тогда мы просто подождем тут, — сказал Йем и направился к стоящему недалеко от входа шикарным креслам.

— Эм... Мистер, боюсь я вынужден буду просить вас уйти, — решительно сказал парнишка. Но тут уже в переговоры вступил Джим. Он чертовски устал от этой пешей прогулки. Перспектива плюхнуться в такое удобное даже на вид кресло, его сильно прельщала.

— Мы посидим тут немного и пойдём, — сказал Джим. И не слушая больше слугу, выбрал кресло, которое стояло поближе. Плюхнулся со счастливым вздохом. Рядом уселся Йем. Он скинул сумку и вытянул ноги. Они сидели так минут десять, наблюдая из под шляпы за входящими и выходящими людьми. Одетыми так... Так... Не практично? Через пару минут к ним подошел седовласый господин с бакенбардами. За его спиной стоял крупный мужчина, который не скрываясь похлопывал себя по бедру короткой дубинкой. В глубине роскошно обставленного холла образовалась группа любопытных.

— Простите сэръ, — сказал седовласый, — Мне кажется, вам тут не место.

— Наверно, нам лучше уйти, Йем, — сказал Джим и встал. Йем тоже поднялся. Не вместо того, чтобы взять вещи, долго и пристально смотрел в лицо седому. Тот легко выдержал его взгляд, но через пару секунд, его холодно прищуренные глаза распахнулись от удивления.

— Ты сказал Йем?! — потрясенно спросил Джим седовласый, не отрывая взгляда от рейнджера. — А ведь и правда похож... Да ты же и в самом деле Йем, горгу мне в жены!

— Я не помню твоего имени, — ровно ответил Йем. — Но если ты тот, о ком я думаю, то у тебя должны быть шрамы на груди.

Седовласый растерянно тронул себя в районе сердца. Но быстро справился с эмоциями, вновь натянув на лицо вежливо-внимательное выражение.

— Хью, помоги джентльменам с их багажом. Прошу вас, идите за мной. Желаете перекусить с дороги?

— О да, было неплохо, — вместо Йема ответил Джим. Он хотел перекусить утром. Хотел есть, когда они были в Гномтауне. Сейчас он хотел жрать. Настолько, что не смог дождаться пока среагирует Йем.

Тот, впрочем, лишь молча навьючивался своими сумками.

— Прошу за мной, — кивнул седовласый и отправился в дом.

Уже через десять минут они сидели за столом в очень прилично обставленной комнате. Служанки в белых чепчиках сервировали стол, а давешний молодой парнишка, встретивший их у входа, с непреходящим удивлением на лице, таскал с кухни снедь.

Жареная курица, вареные яйца, бекон, буженина, копчености. Чечевица, картофель, маленький кусочек сливочного масла, теплый, домашний хлеб. Джим в жизни не ел так вкусно. Его даже не смутило молчание. Кроме Йема за столом сидел и седовласый. Не ничего не ел, только налил себе из фляжки в стакан бурбона.

Джим перестал есть только когда почувствовал, что наполнен едой по самую шею. Его немедленно потянуло в сон.

— Простите, я прилягу, — сказал Джим. Он едва добрался до стоявшей рядом кровати, упал на неё. А еще через несколько минут тишины, вырубился.

— Спит, — сказал седовласый, прислушиваясь к ровному дыханию молодого человека. И жестом показал стоящему у двери парнишке выйти. — Спасибо Хью, убережь тут потом.

Дождавшись, когда служка выйдет, седовласый налил себе еще бурбона. Отсалютовал стаканом Йему, и сказал, словно представляясь.

— Сэм. Сэмюэль. Сейчас, впрочем, мне обычно говорят “мистер Грей”. Хотя, персонал, за глаза, называют Белым Упырем. Я довольно внимателен к деталям. И довольно требователен. Мы, без ложной скромности, лучший меблированный дом в городе. У нас останавливался даже сам... Впрочем, это не важно. Миссис Поли умерла. Двенадцать? Нет,

уже девятнадцать, лет назад. Как быстро летит время. Её сын сейчас в городе. Занимается торговлей. Посредник. Ну, ты же знаешь, что наши, скажем так, отцы города, не любят выбираться далеко от своих шахт. Чудо, что их так много живет тут. Поэтому, для ведения дел нужны посредники, такие как он. Поэтому он часто ездит, представляет их интересы. Кажется, сейчас в городе. У него шесть детей. Младшему четыре. Все крепкие. У меня был две жены. Дочь, от первой. Еще две от второй. Пока выдал замуж только одну, но я не склонен гнать их из родительского дома. Хотя их мать... Впрочем, это тоже пожалуй лишнее. Я всегда старался поступать по совести. Очень не сразу, но люди это заметили. Восемь лет назад я стал первым из, так сказать, не шахтеров, которые попали в совет города. Это что-то да значит. Там до сих пор только шесть “долговязых”. Что еще? Я стараюсь не врать. Не заставляю людей делать что-то против их желания. И поступать правильно. Очень стараюсь.

Сэмюэль замолчал. И залпом допил бурбон.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил Йем.

— А, ну конечно. Ты наверняка не помнишь. Той ночью, когда ты тащил меня через кукурузное поле, отбиваясь от двух упырей. Это ты помнишь?

— Я помню только, что ты был очень тяжелый, — сказал Йем.

— Мне было двенадцать и весил я как курица. Просто у тебя была сломана рука. Мне было очень страшно. И я тогда попросил тебя, чтобы мы остались живы. Помнишь, что ты ответил? — Сэмюэль ослабил галстук и навалился на стол, лоя взгляд Йема. Тот смотрел в ответ спокойно. А вот мистер Грей явно волновался. Его лаза влажно блестели. Он казался пьяным. Трудно сказать, что его привело в такое состояние, бурбон или воспоминания.

— Люди часто говорят глупости, когда боятся. Нас учили, что не так важно что отвечать, важен тон, — сказал Йем.

— Прямо как с лошадьми? — хмыкнул Сэмюэль. — Ну, да. Все мы твари божьи. А я вот не помню, каким тоном ты мне ответил. Зато я помню слова. Ты сказал, что смерть неизбежна, важно то, как ты прожил жизнь. И если ты был хорошим человеком, и не преумножал зла, то твоя жизнь не была бессмысленной. С тех пор я и стараюсь быть хорошим человеком.

Семиюэль налил себе воды из графина. Немного отпил. Он успокоился, взял себя в руки. Поправил галстук. Йем молчал, но Сэмюэль похоже и не ждал ответа.

— Надо сказать, что то были самые темные времена. Когда ты зачистил гнездо и повыбил самых матерых упырей, люди организовались. Поверили, что тварей можно бить, а не просто прятаться от них. А потом пришли гномы... Шахтеры, я хотел сказать. Прошло уже... Тридцать лет? Даже больше. Как же летит время. Мда. Сейчас вокруг на многие десятки километров не найти ни одного немертвого. А ведь раньше местные поля ими просто кишели. Но человеческая воля, сообразительность и хорошая гномья картечница справляется не хуже пары рейнджеров. Самая большая проблема, — горги. Обморачивают людей, проходят посты, проникают в дома. У нас, конечно, есть перекличка в церкви, под бой колоколов и с пением молитвы. Старый надежный способ развеять морок, если на ком-то он есть. В позапрошлом году в город все же проникла одна горга. Тварь успела убить шесть человек прежде чем её обнаружили. Почему-то жрала только сердца. Но это самый страшный случай за последние лет десять. А еще мы покупаемся лекарствами у гробарей. Раньше половина из родившихся детей не доживала и до года. Сейчас выживают почти все. Подумать только, я сам слышал, как люди планируют, сколько детей им иметь. Уму

непостижимо. Последний раз рейнджер, вроде тебя, заглядывал в город лет пять назад. Приехал верхом, сунулся к главному инженеру. Не стал задерживаться ни на один день. Мне кажется, это значит, что у нас все хорошо. По крайней мере, со зримыми проявлениями зла. Да, это хорошо.

Последние слова Сэмюэль Грей произнес утвердительно. Словно подводя черту. Встал из-за стола и направился к выходу. Но у двери задержался.

— Можешь оставаться тут столько, сколько захочешь, Йем, — и немного подумав, добавил. — Кажется, это я так говорю спасибо. Но нет, надо сказать прямо. Спасибо, Йем. Я помню, согласно традиции, ты можешь есть и жить тут столько, сколько тебе понадобится. Но я сделаю это из благодарности.

— Боюсь, я не задержусь. Мне надо на побережье. А моя машина сломана. Я сяду на дилижанс, они ведь еще ходят?

— Да, и они теперь паровые. Быстрые. Тебе понравится. Правда, это дорого.

— Тогда я уеду, как только договорюсь. Надеюсь, мне встретится человек, который помнит традиции. И еще одно, Мистер Грей, — Йем встал и коротко кивнул Сэмюэлю. Потом, явно с трудом, выдавил из себя короткое:

— Спасибо.

— За что? — Искренне удивился Сэмюэль Грей.

— Даже рейнджеру ордена иногда нужно знать, что его поход приносит плоды, — ответил Йем.

— Пожалуйста. До завтра, Йем, — кивнул управляющий отелем и вышел за дверь.

От звука захлопнувшейся двери Джим проснулся и сел на кровати. Сонно хлопая глазами он спросил у Йема:

— Что я пропустил?

— Нас пустили переночевать, — ответил Йем коротко. И добавил, насколько умел, успокаивающим тоном. — Сейчас можно отдохнуть как следует. Завтра пойдем искать транспорт. Как найдем — поедем дальше.

— А можно тут, у них, помыться? — спросил Джим.

— Я тебе не мама парень. Иди и спроси! — огрызнулся Йем. Он не разозлился, не раздосадовался, что не подумал об этом сам. Джим нашарил шляпу, сладко потянулся, поднялся с кровати и пошел к двери. Йем окликнул его:

— Сразу проси горячую воду на двоих!

Глава 18. Пароезд

— Вот уж не думал когданибудь, что увижу нечто похожее, — сказал Валентин.

— Еще и сядешь на это сверху, — хохотнул Гарри Топор.

Билл, Валентин, Болтун и Гарри стояли перед пышущим паром монстром. Огромная высотой с двухэтажный дом, машина шипела, выпускающая струи пара. Если бы кто из них знал о паровозах, то немедленно заметил бы сходство. Весьма отдаленное. То, что видели перед собой они, больше напоминало сухопутный паровой крейсер на гусеницах. Сходство добавляли несколько небольших башен с пушками. Вернее, одна башня с пушкой наверху, и два спонсона по бокам с гатлингами. Шестиствольными "мясорубками", как их называли в армии. Пакет стволов крутился, выстреливая патроны с жуткой скоростью. Дорогая игрушка.

— Значит, надо следить, чтобы не потерялось? Вот это не потерялось? Вам борода смотреть не мешает? — уточнил Билл у гнома, стоявшего рядом. Назвать того гномом, было бы не вежливо, но в Спрингвуде давно вели дела с гномами, и знали верный тон. Те гордились своими отличиями, поэтому можно было над этим немного подтрунивать. Главное — в меру.

— А тебе шляпу поздно купили, долговязый, — злобно отозвался Трак Тимбер. Он и еще несколько гномов суетились вокруг пыхчащего чудовища. Сегодня Трак был в засаленном рабочем комбинезоне, с аккуратным чехлом на бороде, предохраняющим её от грязи и масла, и лихой бандане на голове. Черный, от мазута, нос почти уперся в подбородок Билла, когда Трак придвинулся поближе, и в типично гномской манере уставился снизу вверх на Билла. — Тебе все мозги отсушило, если ты думаешь, что тебя пустят в крузер! Вон твоя забота!

Трак махнул рукой в сторону, указывая на обитые железными полосами вагоны. Дело происходило на окраине Гномтауна, недалеко от порта. Тут был то-ли маленький завод, толи очень большая мастерская. "Крузер" выгнали из ангара и вокруг суетились гномы, видимо, делая последние приготовления. А сейчас к крузеру присоединяли три вагона. Могучие сооружения из толстых плотно пригнанных досок, укрепленных железными полосами. Мощные, даже на вид, очень крепкие конструкции, на высоких, в рост человека, литых колесах на пружинных рессорах. Каждый вагон был больше похож на вартрак богатого лейтенанта, чем на грузовой прицеп. Сверху даже была башенка с гатлингом. Не таким большим калибром, как у крузера. Даже, можно сказать, маленьким. Под револьверный патрон в одиннадцать миллиметров. Чуть ниже крыши виднелись закрытые стальными щитами амбразуры.

— А не маловато людей, на такую-то махину? — засомневался Билл

— Ты ж герой, или брешут? — ядовито спросил Трак.

— Герой, — кивнул Билл, и ткнул в медаль почета, намертво прикрученную к кожаному жилету. — Вот, и знак есть. Даже бумажку дали, но я не помню где она. Так что, людей-то, не маловато?

Честно говоря, людей было довольно много. В крузере было не меньше десяти гномов. В вагонах восемнадцать местных-людей. А Билла с друзьями наняли как сержантов. Последние пару недель четверо спрингвудцев провели занимаясь привычным делом — гоня новобранцев. Впрочем, те решительные парни, которые были у них под началом сейчас, были куда лучше вооружены и подготовлены, чем спрингвудцы. Все были местные, все были

из ополчения Гномтауна и у всех были винчестеры. Такие дорогие ружья у ополченцев, подумать только. Но у всех них не было только одного — опыта. Каждый из сержантов получил под свое начало по шесть человек и по вагону. Билл был главным над всеми людьми в заезде.

Все это вместе — крузер, вагоны, люди — называлось в быту заездом. И одновременно, заезд, это было и слово обозначающее путь к побережью.

Дело было интересное. Надо было провести крузер через пустоши, по старой дороге, до самого побережья. В большой портовый город. Но опасное. Гномы не говорили прямо, но из пары оговорок Билл и остальные поняли — недавно гномы потеряли один такой заезд. Что, учитывая вооружения крузеров, было странно. Дело было опасное, но спрингвудцам платили по тысяче долларов. Это убедило их подписать контракт. Половину, аванс — они оставили в гномьем банке. Вписали в бланки имена людей, которым уйдут деньги, если они не вернутся в течении года. А оставшуюся половину они получают, если заезд будет успешен.

Гномы подозревали, что за пропажей предыдущего крузера стоят вампиры. Это сделало Гарри веселым и оптимистичным.

— Да хватит уже трындеть! Давайте уже двигать! — заорал Гарри, перекрикивая грохот огромных колес вагонов по мостовой.

— Обожди! — рыкнул Трак. — Вон, попрошайка идет. В усиление тебе. Ща, его трицикл к последнему вагону принайтуем и двинем. Скользкий гад. Вчера только приехал, а уже всех долговязых в совете на свою сторону перетянул.

И в самом деле, к последнему вагону гномы споро принайтовывали массивную деревянную раму, в которой был закреплен цепями паровой трицикл с жутковатого вида лезвиями. Гномы бы не были гномами, если бы даже за столь короткое время не довели, явно собранную на скорую руку, конструкцию до ума. Система блоков и шестеренок позволяла спустить трицикл, или поднять его обратно на борт. С боку повесили дощатый щит, чтобы прикрыть машину от случайной пули.

— Что за попрошайка? — насторожился Билл.

— Вон тот, — кивнул Трак на высокого, гладковыбритого мужика с огромной сумкой и потертым чехлом для винтовки. За правым плечом у этого подозрительно здорового хмыря торчала рукоять огромного ножа. Длинный, как меч паладинов, но формой точь в точь нож-боуи. Билл готов был поставить доллар, что в этом чехле по настоящему дорогая винтовка, а этот мужик умеет ей пользоваться, и десять на то, что таким "ножиком" невозможно размахивать дольше десятка вдохов. Взгляд и движения стрелка — быстрые, уверенные и одновременно не суетливые. Рядом со стрелком стоял молодой парнишка. На вид лорденыш, но вел себя как деревенщина. Трак тем временем шипел, как рассерженный кот:

— Попрошайки, которые постоянно приходят и машину себе требуют. Надоели, сил моих нет.

Стрелок заметил что Билл на них смотрит. И пошел к нему.

— В смысле машину требует? — снова удивился Билл. — Купить хочет?

— Да если бы! Он же, наглец, задарма хочет! — рывкнут Трак. Увидев, что "попрошайка" идет к ним, гном зло сплюнул и отошел к крузеру.

Подошедший остановился в шести шагах от Билла, и оттянул ворот, словно показывая шею. Билл увидел красный рисунок на коже...

— Рейнджер?! Ты... Вы рейнджер Ордена Огня?! — воскликнул Валентин, совсем как мальчишка впервые увидевший... Впервые увидевший рейнджера.

Мужик перевел взгляд неприятно спокойных голубых глаз на Валентина и коротко кивнул.

Билл некоторое время не верил. Остальные сержанты тоже стояли молча. Рейнджер, если это был рейнджер, разлепил губы и сухо спросил:

— Где мне ехать?

— В последний вагон, — ответил Билл. И показал рукой. В вагоны уже грузились люди-ополченцы Гномтауна. Рейнджер кивнул и направился куда было указано. Билл проводил его взглядом и подошел к Траку. Тот стоял с жутко деловым видом и ничего не делал.

— Точно рейнджер? — негромко спросил Билл наклонившись к гному, чтобы тот его услышал.

— Грей опознал. Грей врать не будет. Говорит, тридцать лет назад именно этот тип его спас, — ответил Трак. И добавил, со злостью: — И, главное, денег не берет. Заладил только, что ему грузовик нужен.

— Так он за грузовик с нами едет? — спросил Билл. — Тогда он не рейнджер. Они же...

— Да нет. По пути ему, — ответил Трак. — А мы, кроме прочего, лекарства везем. Доброе дело, значит. Вот и взялся. Машина у него сломалась. Нашей работы, только старая очень. Легче новую дать, чем починить.

Билл помолчал. А потом, склонившись к самому уху главного инженера, сказал:

— А ты дай!

И выпрямился, ожидая гневной отповеди. Но Трак промолчал. И даже не повернулся. Немного подождав, Билл повернулся к своим и гаркнул:

— Давайте, грузимся!

Еще десять минут возни, и они на местах. Вагоны были соединены подвесными мостиками на цепях, поэтому Билл, пользуясь тем, что заезд еще стоял, прошелся по нему. Все уже было давно готово. Еда, оружие, патроны — на своих местах. На всякий случай даже добротные слипвелы на стенах и бутылки с удобным горлышком с самовозгорающейся жидкостью в заполненных ветошью деревянных гнездах у дверей. Люди толпились на мостиках и высовывались по двое из люков башенок, пытаясь помахать рукой небольшой группке провожающих их близких. Сержанты сдуру разрешили открыть люки башенок, и туда высунулось сразу по двое-трое.

Как-то само собой получилось, что сержанты и Билл оказались в стрелковой галерее последнего вагона. На стенах висели гамаки — когда они будут двигаться, это будет спальное место.

Тут они встретили рейнджера. Парнишка, который был с ним, топтался у лесенки, ведущей в стрелковую башенку.

Билл снова заглянул в спокойные голубые глаза рейнджера. Билл был совсем мелким, когда в Спрингвуд последний раз приезжал рейнджер. Говорят, раньше рейнджер приезжал каждые четыре года. Зачищал в округе логова, убивал самых опасных тварей. Брал только припасы, патроны и, иногда, новую лошадь. И уходил дальше. Это продолжалось лет двадцать. Пока, однажды, не прекратилось. Все происходит до тех пор, пока не кончается. Впрочем, к тому времени спрингвудцы уже давно стали жить совсем не так, как раньше. Перестали бояться рубить лес, работать на полях. Даже лошадей и коров перестали загонять на ночь в укрепленные амбары, ограничиваясь загонами. А еще старики говорили, что за эти долгие годы, пока рейнджер приезжал в Спрингвуд, он не постарел ни на один день. Добавлялись только шрамы. Старики много чего говорили. Наверное, много приукрашивали.

Может, поэтому Билл был обескуражен, видя перед собой, пусть и опасного на вид, но все же просто человека.

— Меня зовут Билл. Я отвечаю за вагоны. В крузере главный Трак. Ну, и он думает, что он вообще главный. Билл хотел протянуть руку для приветствия, но как-то засмутился.

— Йем, — коротко представился в ответ рейнджер.

Билл собрался с силами и сказал. Вернее, хотел сказать, веско и утвердительно. Но вместо этого вежливо спросил:

— Будешь исполнять команды?

Йем молча кивнул. Снаружи раздался протяжный гудок крузера.

— Ну хорошо, — сказал Валентин. — Давайте потом поболтаем. Скоро тронемся уже. Пойдемте по местам. Надо зеленых по местам разогнать, а то повыпадают.

Билл решительно кивнул, почему-то Йему. Потом, уже вслух:

— А ну! Все по местам! Трогаемся.

Сержанты бросились по своим вагонам, наводить порядок. Гарри, который командовал последним, с неожиданной деликатностью протиснулся мимо Йема и Билла, и уже гораздо жестче отодвинул с дороги паренька. И гаркнул в башенку:

— Булки сжать, zenки раскрыть и по местам! Все вниз, бегом!

Билл развернулся и пошел в первый вагон. Тихонько качая головой от удивления. Надо же, целый рейнджер. Как там в старой поговорке про рейнджера? Ты заметил, у надежды два ствола — помолись, чтобы не было в тебе зла? Нет... Забыл.

На Билла нахлынули воспоминания о детстве. Ему вдруг стало очень тоскливо и очень остро захотелось вернуться домой.

...Впереди, многотонный стальной монстр издал протяжный рев из парового гудка, и паровоз рывком тронулся с места.

Огромный круизер при движении свистел паром, скрипел шестернями, стонал и вздыхал поршнями и цилиндрами, грохотал гусеницами по камням. Он был страшным, шумным, огромным. Может, даже зловещим. Единственное, что в нем было изящного, это название.

"Ласточка".

Трудно сказать, почему гномы назвали так своей боевой паровой тягач. Хотя, если подумать, Биллу встречались у гномов такие изящные, где-то даже ласковые названия для машин. Трак и его брат, Уильям, которые построили машину и были сейчас членами экипажа этого круизера, явно гордились этим названием, с вызовом сообщая его миру. Бронзовая табличка с изысканной латинской вязью на боку — для тех кто умел читать, и крохотная, в палец, фигурка птички впереди, вынесенная далеко вперед на стальной спице — для тех кто не умел.

Билл сидел на крыше вагона, нахлобучив шляпу посильней. Не хватало ещё потерять шляпу. Дело даже не в том, что шляпа была дорогая. Просто человек без шляпы не вызывает никакого доверия. Если уж ты не можешь купить себе шляпу, то что ты за человек вообще? В Спрингвуде, у била в четырнадцать лет уже не было отца, зато было аж две шляпы. Только у совсем нищей рванины не было шляпы. Поэтому Билл нахлобучил шляпу как следует, ведь второй у него не было. Но и спрятаться от ветра внутри вагона Билл не горел желанием. Они шли второй день, почти без остановок, и быстро выяснилось что в вагоне душно. Даже с открытыми бронеставнями на амбразурах, приоткрытыми бронедверьми между вагонами — жарко и душно. Да еще и гарь из низковатой трубы "Ласточки" то и дело окутывала вагоны и залетала внутрь.

Узкие стрелковые галереи идущие вдоль стен вагонов, узкие и низкие, превратились в

духовку из-за нагретой крыши.

Еще был небольшой переход, которым соединялись стрелковые галереи и отнорок с лесенкой, ведущей в башню. Единственное место, где было хоть немного терпимо, это на обдуваемой всеми ветрами крыше. Было небольшое ровное пространство на площадке рядом с орудийными башенками вагонов. Сержанты нагло пользовались своим положением и торчали там уже полдня.

— Жарко, — сказал Билл.

— Как у дьявола в заднице, — проскрипел Гарри. Он единственный, кто догадался взять с собой бутылку воды. Гномы подсаживали питьевую воду. Якобы, так она лучше утоляет жажду и дольше не портится. Честно говоря, увидев бутылку в руках Гарри, Билл решил было уже устроить ему разнос. Если дело обернется худо, то почти единственное, что может сделать его еще хуже, так это пьяный соратник с ружьем за твоей спиной. Но Гарри сразу же дал Биллу понюхать бутылку.

— Или выпивка, или работа, ты же меня знаешь Билл, — сказал он.

— Не обижайся, — сказал Билл. — Сам понимаешь.

Сержанты помолчали. Они сидели рядом с башней, придерживаясь за вмонтированный в неё поручень. Несмотря на встроенные амортизаторы, вагон ощутимо трясло. А на особо подлой яме крыша под ними дергалась, как будто они ехали на молодом жеребце, не привыкшем к седокам. Можно было и слететь.

"Ласточка" издала три коротких гудка. Впереди препятствие. Это уже было не первое. Один раз им даже пришлось остановиться и искать брод через речушку, которая внезапно изменила русло. Это было нервное дело, но все обошлось. Поэтому Билл дал себе еще долгую секунду послабления и только после этого кивнул остальным. Те с кряхтением полезли внутрь вагонов.

"Ласточка" начала забираться влево, объезжая невидимую пока преграду. Билл залез в башенку по пояс, но не торопился скрыться в ней целиком. Когда порыв ветра снес клубы дыма от гномьего крузера в сторону, он увидел препятствие.

Шесть повозок, трупы лошадей и людей. Женщина и ребенок у одного из тел. Билл понял, что придется тут задержаться. Он крикнул внутрь вагона:

— Гарри, выбери пару ребят потолковее. Похоже, придется нам вылезти и немного осмотреться!

Гарри кивнул и скрылся за поворотом. И тут же раздался его хриплый, но зычный, наполненный искренним презрением к подчиненным, голос:

— Ну, кто тут ныл что ему жарко?! Ты?! А ты ноги хотел размять?! Вскочили ровно, когда сержант вас вызывает! Ружье где твое, жопоголовое отродье козла и овцы?! Смирно! Ответа не слышу!

Эти крики Билла скорее успокаивали, чем отвлекали. Сержант так к ним привык, что они были скорее частью обыденного, спокойного, привычного мира. Как только Гарри начал орать, Билл начал думать.

Похоже, они обнаружили последствия нападения на обоз. Странный обоз. На фермеров не похоже. Может, это переселенцы? Тогда их маловато. Впрочем, не это важно. Где нападавшие — вот что важно. И надо подумать, что делать с ранеными и выжившими. Придется выделить им стрелковую галерею. Но как тогда отстреливаться, если вдруг что? Может половину? Половину в центральном вагоне? А если не хватит? А вода? А еда?

Эти вопросы были первыми, что промелькнули в голове Билла. Ему и в голову не

пришло, что людей на дороге можно просто бросить. Если бы Джим, жмущийся в уголок и старающийся не отвечивать, и мог читать мысли этого угрюмого, покрытого шрамами мужчины с взглядом бойцовой псины, он бы, наверняка удивился. Да и человек из Старого мира, который остался в этом мире лишь железным хламом и развалинами мегаполисов, тоже был далеко не всегда готов оказать помощь ближнему. Тем более, если это грозило неприятностями.

Иногда все должно рухнуть в ад, чтобы хоть что-то изменилось к лучшему.

Те кто знал гномов похуже, могли заподозрить, что все бородачи крикливые, едкие и корыстные ублюдки. Те, кто знал их получше, был в этом уверен. Но даже гномы никогда не проедут мимо того, кто нуждается в помощи.

"Ласточка" стала сбавлять ход. Честно говоря она и до этого двигалась со скоростью бодро шагающего человека. Дорога на этом отрезке пути была совсем плоха. Гномы вели свой круизер не по старому тракту, а напрямик через целину — это позволяло им срезать путь и не зайти на земли, которые были под вампирами. Но за это пришлось заплатить скоростью.

Билл снова вернулся в башенку, к своему наблюдательному посту. Высунулся из люка по пояс. И увидел, как из заднего люка "Ласточки" высунулся Трак и что-то проорал Биллу, указывая на разгромленные повозки.

“Надо сходить и посмотреть”, — скорее понял по жестикуляции бородача, чем услышал Билл. “Хорошая мысль, Трак, а я то думаю, что мне сейчас делать, может засунуть яблоко себе в жопу и попрыгать на одной ноге”, — мысленно ответил ему Билл и демонстративно кивнул. Так, чтобы бородач увидел. Потом с кряхтением заполз в душное чрево вагона, остро пахнувшего новым деревом и старым мужским потом, и наткнулся на рейнджера. Тот смотрел мимо. Билл попытался обойти Йема, но тот слегка сместился, перекрывая дорогу.

— Я чувствую зло, — сообщил рейнджер стене вагона слева от Билла. А потом его взгляд стал осмысленным. Он перевел взгляд прямо на Билла и сказал:

— Это ловушка.

Гарри Топор стоял рядом, держа руку на кобуре револьвера, с напряженным вниманием следя за рейнджером. За его спиной стояло четверо ополченцев Гномтауна. Все вооружены и, как говорят сержанты, “вздрючены до должного состояния”. В руках ружья, в глазах готовность выполнить любой приказ. Гарри уже приготовился к высадке. Билл придержал рейнджера стволом ружья и протиснулся мимо. Подошел к Гарри поближе и тихо сказал:

— Давай осмотримся получше.

Они снова полезли в башню. В люк выглядывать не стали, прильнули к бойницам.

— Выглядит правдоподобно, — сказал Гарри. — Вон на бабу посмотри. Видишь, рожа тусклая. К горге не ходи, это точно ейный муженек у ног валяется. Пока ехали, вроде нам махала, а сейчас все, душевные силы вышли. Стоит пялится. Прямо как бабка Эльза, когда её старика в лесу волки задрали. Так орала, так орала, мы с топорами прибегаем, а она стоит, молчит, смотрит.

Билл кивнул. Действительно, девушка в разорванной белой сорочке, и без юбки, прижимающая к себе девочку, смотрела на грохочущую мимо "Ласточку" пустым взглядом и с полным отсутствием интереса. А ведь такую невидаль еще поискать.

В небольших поселениях по дороге, где они пару раз пополняли запас метана и воды в круизере, люди глазели на гномье чудо так, словно сам боженька спустился с небес и теперь выделяет ногами кренделя, подыгрывая себе на губной гармошке. И это те, кто уже не

один круизер повидали.

— А должна бы была испугаться, — вдруг сказал Билл. Гарри отлип от бойницы и внимательно посмотрел на него.

— И то верно. Билл, знаешь что? Пусть гномы круизер чуть вперед проведут, вон на тот холмик поставят. Осмотримся.

Билл кивнул. Ловко спустился вниз. Сейчас он был в последнем вагоне, как самом опасном для нападения. Надо было пройти через вагоны Валентина и Болтуна, чтобы добраться до круизера. Этим Билл и занялся. Пока он бежал по узкой стрелковой галерее, протискиваясь через столпившихся у бойниц стрелков, "Ласточка" окончательно остановилась. Во втором вагоне его встретил Валентин.

— Пока держи своих наготове, но наружу не суйся, — сказал ему Билл. — Хочу сказать бородачам, чтобы чуть поодаль нас отогнали. Осмотреться хочу. Рейнджер, вроде как, пакость чует.

Валентин кивнул:

— Ага. Подозрительное дело. Я трупов насчитал только три. А повозок шесть. Даже если мелкая девка одной правила, все равно людей маловато. Должно быть человек двенадцать. Где остальные? Мутно как-то...

Билл протиснулся мимо Валентина и двинул дальше. В первом вагоне он также велел Болтуну сидеть внутри и держать руки на ружьях.

— Рейнджеру что-то чудится, — объяснил Билл свою осторожность.

— Я тоже, вот, смотрю и не нравится мне, что вижу. Непонятно как-то. Почему, для начала, под лошадыми крови нет? Как будто притащили их откуда-то, — высказался Болтун. Его разговорчивость выдавала его волнение, но в остальном он выглядел спокойным и хладнокровным. Билл молча кивнул и, придерживая шляпу, побежал дальше. Наконец он добрался до конца последнего вагона, открыл массивную дверь, вышел на хлипкий качающийся мостик. Отпустил шляпу, чтобы уцепиться за поручни на круизере и постучал в него прикладом ружья. Получилось не так громко, как ему бы хотелось, но его услышали. Бронедверца "Ласточки" приоткрылась, и оттуда выглянул Трак: Роба красная, глаза налитые кровью, борода спуталась и висела как пакля. Мда, хоть люди и ругали гномов за плохие условия в вагонах, но бородачам в их стальном гробу, да еще и раскаленном, тоже приходилось несладко.

— Мнится мне, что тут что-то не чисто, — сказал Билл. — Вот что. Отгони-ка ты нас подальше. Да вон, хоть на тот взгорок. Присмотреться надо.

— Тоже заметил?! — гаркнул Трак. Видать в круизере было еще и очень шумно, и гном привык орать. — Я тоже заметил! Я еще могу понять, зачем стрелять людей, я могу предположить, зачем стрелять в лошадей! А вот зачем было переворачивать фургоны? Это как если бы ты захотел отнять у человека штаны и выстрелил ему в ногу! Тут точно дело не чисто! Сделаем так, Билл — я отгону круизер в сторону, наведем пушки и выпустим попрошайку. Пусть отрабатывает свою поездку!

Трак хлопнул Билла по плечу и скрылся в круизере, закрыв за собой бронедверцу. Билл тоже вернулся в вагон и запер за собой дверь. И только сейчас понял, что остальные то он не запирает. Круизер запыхтел, заворочался. Но стронуться с места этой машине было не просто. Это занимало время.

И вот его-то им не дали. А может, просто у кого то не выдержали нервы.

Билл почувствовал удар и одновременно услышал громкий глухой хлопок. А сразу за

этим, частое стрекотание гатлингов и пальбу из ружей. Прильнув к бойнице, он увидел, что за тентом и бортами перевернутых фургонов скрывались люди. И у них была пушка!

“Бум!” — снова глухо рывкнула пушка. Стреляла она, по счастью, в крузер. Но и вагоном досталось внимания. По ним ударили не меньше, чем из двадцати стволов. В основном, у нападавших были Старые друзья, но были и винчестеры, и даже один гатлинг. Билл высунул в бойницу ствол ружья и стал стрелять, лишь краем сознания отметив, что женщина-приманка упала на землю, прикрывая собой девочку.

— Валите тех, кто у пушки, вы, бараны дерьмоголовые! — заорал указания по приоритетным целям Болтун. Впрочем, он не один был такой умный. Вокруг пушки взметнулись фонтанчики пыли — кто-то из стрелков сидящих у вагонных гатлингов тоже решил, что это самое опасное для них оружие. Почти сразу же рядом с пушкой раздался взрыв — это огрызнулся сам крузер, из своего главного калибра. Пушку перевернуло, фургон и людей рядом с ней размочалило и раскидало в стороны. Билл успел выстрелить всего раза три, прежде чем понял, что ему трудно найти следующую цель.

Стрелял Билл куда хуже, чем бил слипвелом, это уж точно. К счастью, стрелял не только он один. Нападавших буквально выкосило. Высокие гномьи вагоны послужили хорошим укрытием и удобным для стрельбы местом. Кто-то, наверняка Валентин, быстро и точно отстреливал каждого, кто приближался к гатлингу нападавших. Те успели выпустить только одну очередь в начале боя, по переднему вагону, где был Билл. В основном пули завязли в дереве, хотя пара все же попала внутрь, сколов несколько длинных щепок с откосов бойниц и наполнив пространство галереи пылью. Хотя там и так было тяжело дышать из-за пороховой гари.

Но это был единственный успех нападавших.

— Прекратить огонь! — заорал Билл, хотя с начала боя не прошло и пары минут. Насколько он видел, больше в них никто не стрелял. Его не сразу слышали, но постепенно пальба стала затихать. В основном потому, что у ополченцев кончались заряды и они начинали лихорадочно перезаряжать свои винчестеры, то и дело роняя патроны на пол. В этой, весьма относительной, тишине, Билл услышал странный звук.

Он слышал очень похожий звук в детве. Биллу было двенадцать, и он подрабатывал на мельнице. Однажды, с верхотуры на дощатые доски упал большой, весом пудов в пять, мешок с мукой. Глухой но сильный удар и треск дерева. Сейчас звук был очень похож. И раздавался он с другой стороны вагона. Билл бросился к коридорчику, соединяющему стрелковые галереи и столкнулся там с Болтуном.

— Тоже слышал? — спросил у него Билл. Спросил зря, Болтун настороженно смотрел в ту же сторону, что и Билл. И идти и разбираться ему явно не хотелось. Как и Биллу. Поэтому Билл продолжил говорить общеизвестные вещи, словно пытаясь потянуть время. — Мы с той стороны часовых не оставляли?

— У меня плохое предчувствие, Билли, — сказал Болтун.

“Ну, в этих сапогах мы ходим вдвоем”, — подумал Билл. У него это плохое предчувствие царапало и билось в мозгу, как бешеный упырь о прутья решетки. Билл ясно понимал, что прямо сейчас нужно куда-то бежать, куда-то подальше. Но нельзя. Снова раздался тот же звук. Совершенно точно, это кто-то ломает вагон с другой стороны. В этот раз удар был так силен, что огромная конструкция ощутимо покачнулась, заставив Билла придерживать за стену.

Билл тяжело вздохнул, поправил шляпу, перехватил поудобнее винчестер, рывкнул:

— А ну за мной! — и сделал ровно то, что ему меньше всего хотелось. Пошел навстречу плохим предчувствиям.

Глава 20. Неприятный гость

Каждому иногда кажется, что время течет очень медленно. Обычно это происходит, когда тебе скучно или когда ты тратишь время на ожидание. Но когда тебе не скучно и ты ничего не ждешь — время летит незаметно, словно ветер. Ветер, сдувающий с тебя жизнь.

Биллу не было скучно. Поэтому его время несло вперед, как хорошо разогнавшийся круизер. Вот он стреляет через узкую бойницу вагона, то и дело поправляя шляпу и нервно дергаясь от взвизгов врывающихся в древесину пуль. Вот он командует остальным. Вот он бежит через соединяющий стрелковые галереи проход, с досадой отмечая, что башенка с гатлингом пуста. Они забыли посадить туда стрелка. Ну, да чего уж теперь.

Секунда и Билл вылетает на стрелковую галерею. Она пуста. Все столпились на другой стороне. Какая нелепая ошибка. А потом Билл видит, как нечто огромное, с жутким грохотом и треском дерева, пробивает борт их боевого вагона. Оно молчит, ворочается, выламывает мешающие ей доски, удерживаемые стальными полосами.

Билл пугается и стреляет. Это называлось в армии "испуг солдата". Он обычно проходит сразу после выстрела.

Тварь дергается от попадания, поворачивается в сторону Билла, и они на секунду замирают друг напротив друга.

Билл видел всяких упырей. И сейчас, пожалуй мог бы поставить кружку пива против двух, что к ним вломился упырь. Но все же, не больше кружки — Билл не был уверен в этом упыре до конца.

Создание было больше похоже на человека. Судя по пропорциям, вместо бездонной пасти у него была вполне человеческая голова, упрятанная в массивный и очень толстый шлем. Тело, хоть и деформированное, увитое буграми мышц, было покрыто кусками толстой брони. Кажется, они крепились на стальных стержнях утопленных прямо в плоть. На первый взгляд это существо было ближе к человеку, чем то, во что превращались некры.

Билл, впрочем, не особенно сравнивал, пока рассматривал причудливого врага. Он выбирал, куда выстрелить. Отметил мощную кирасу на теле, но почти голые ноги, предплечье, пах. Вскинул винтовку и выстрелил. Для начала, все же, в голову. Ну, а вдруг повезет... Пуля срекоштитировала от шлема, выбив сноп искр. Для твари это послужило сигналом — она бросилась к Биллу. Очень быстро. Если бы она не запуталась в стальных полосах, которым гномы укрепили борта доски борта, то она преодолела бы расстояние метров в десять, которое их разделяло, одним прыжком. Но за что-то тварь зацепилась. Споткнулась, упала. Билл не терял времени. Он стрелял снова и снова. Тварь молчала, царапала лапами доски и металась, пытаясь отцепиться.

И тут в винчестере кончились патроны. Билл еще дважды нажал на курок после первого щелчка, прежде чем это понял. Позади него стоял Болтун и тоже стрелял.

Они наверняка достали чудовище, и не одной пулей. Но по нему не было видно, чтобы его это сильно беспокоило. Билл отбросил бесполезное ружье и потянул из кобуры револьвер. В этот момент тварина наконец высвободилась из обломков и бросилась снова. Буквально выстрелив собой в воздух в длинном прыжке.

Билл пригнулся. А вот Болтун нет. Тварь сначала снесла его, как грузовик сносит оленя, подмяла под себя, вбила в него свои огромные лапы с длинными треугольными железными

когтями. Болтун успел только крикнуть “Боже...”, но этот крик был коротким. Его буквально порвали на части всего за пару секунд.

Билл оказался за спиной у странного упыря и, хоть на него и брызнуло кровью, ошметками мяса и кишок, он не стал тратить свой шанс на эмоции. Шагнув чуть ближе, с расстояния в один шаг, он стрелял в оказавшуюся не прикрытой броней спину чудовища, слишком занятого своей жертвой, чтобы отвлекаться. Билл пытался перебить спинной мозг. У него никак не получалось — толстые, одинадцатимиллиметровые пули из револьвера били чудовище в спину со страшной силой. Разрывая плоть, пули впивались в мышечный горб, возможно, даже добирались до хребта. Пожалуй, даже упыря бы это проняло. Однако, молчаливое чудовище только дергалось и пошатывалось от ударов свинцовых ударов. Билл с досады чуть не выбросил бесполезный револьвер. Но тут тварь резко повернулась к нему. Она по прежнему не издавала ни звука. Билл заметил в прорези шлема уродливые белки глаз без зрачков, похожие на поросшие плесенью желтки забытой на неделю яичницы. И выстрелил прямо в них. Его последняя пуля попала в смотровую прорезь шлема и влетела в глазницу, по дороге задев краем срез шлема. Деформируясь и разлетаясь на части. У существа был мозг, и находился он примерно там же, где у человека. Влетевшая в глаз пуля убила тварь наповал. Чудовище вздрогнуло, обмякло и повалилось на пол, конвульсивно вздрагивая и суча конечностями.

Билл развернулся к пролomu, одновременно перезаряжая револьвер. Оттуда больше никто не лез. Билл осторожно заглянул в бойницы. Снаружи обнаружился только пустой склон холма, без признаков какой-либо опасности. Кто-то пронзительно закричал. Билл обернулся на звук и увидел бледного ополченца, который стоял и орал, глядя на то, что осталось от Болтуна. Билл подошел к нему и ударил кулаком в зубы.

За первым толпилось еще несколько. Бледные, испуганные лица. Ну и где они были десять секунд назад? Говорить не хотелось, хотелось бить морды. Но Билл с трудом разомкнул сведенные челюсти и начал отдавать приказы.

Он оставил двух со стороны засады, посадил одного в башенку за гатлинг, а сам с остальными уселся сторожить пролом. Вдруг обнаружилось, что ружье Билла странный упырь успел разломить ударом о стену. Странно, но старший сержант совершенно не помнил этого момента. Билл хотел подобрать винчестер Болтуна, но он весь был в крови, поэтому сержант просто отнял ружье у ближайшего ополченца. Это, конечно, было не правильно. Но Билл был не в том настроении, чтобы соблюдать этикет.

Когда наконец они засели у бойниц и ошетинились на пролом стволами, началась самая долгая часть боя. Они ждали, когда полезет следующий. Ожидание было невероятно долгим по ощущениям. На деле, скорее всего, не прошло и пары минут.

— Почему наши не стреляют?! — панически взвизгнул один из ополченцев. Будто ему в ответ, словно горох просыпался на стальной гулкой лист — это заработали гатлинги. Среди этих трещоток было трудно что-то разобрать, но Биллу показалось, что он слышит и ружейные хлесткие хлопки. Билл осторожно выглянул в бойницу. Не сразу, но он нашел, куда стреляют — чуть впереди и вверх по склону стремительно бежали четыре твари, близнецы той, что убила Болтуна. Очень быстрые. Им надо было преодолеть метров двести по склону холма, чтобы скрыться за гребнем. Они сделали за то время, пока сержант успел прицелиться и выстрелить дважды. Камни и землю вокруг убегающих пули мололи в труху гатлинги, и все же, трое из бронированных упырей смогли добраться до холма и скрыться. Биллу показалось, что они что-то тащат.

И только после этого наступила тишина. Относительная, конечно. Крузер грохоча и скрипя, медленно набирал скорость, колеса вагонов стонали и скрипели под тяжестью, а люди орали и ругались. Билл протиснулся мимо ополченцев и отправился в соседний вагон.

Надо было узнать, живы ли остальные.

Глава 21. Резкий поворот

Билл всегда побаивался ответственности. Не хочется становится главным, особенно в опасном деле, ведь тогда от твоих решений зависит чужая жизнь. Людей, у которых есть совесть или мозги, такое обычно пугает. Поэтому, обычно, хороших людей приходится из всех сил заставлять или уговаривать возглавить остальных. И только всякая мразь лезет наверх сама.

Хотя, если бы он дал труд себе как следует поразмыслить, то Билл бы понял — на деле он не считает себя главным. Ему казалось, что он просто первый из сержанов. Старший сержант. Тот, у которого медалька из золота, а остальные просто получили серебряные. Но точно такие же. В этот раз повезло ему. В следующий раз повезет кому-то еще. И только сейчас, мечась по медленно набирающим ход вагонам, он начинал медленно осознавать, как же его развели.

Билл был главным. Ему навстречу вскакивали и вытягивались по стойке “смирно” ополченцы, ему бегло докладывались сержанты. Даже рейнджер, со своими безразличными, как у детской куклы, глазами-стекляшками соизволил отчитаться.

Была только пара раненых, да и те легко отделались, просто оцарапав рожи длинными щепками. Толстые борта вагонов и укрепленные железными уголками бойницы прекрасно защищали от пуль нападавших.

Тупым ублюдкам следовало подумать дважды, прежде чем нарываться на неприятности и переть на гномий паровоз с ружьями и одним гатлингом.

Правда, у них была еще и пушка. Пушка! Билл выругался и бросился обратно, в начало

поезда. Нападавшие ведь стреляли по "Ласточке"! Надо выяснить у Трака, как у них дела. Не хватало еще застрять тут на месяц-другой, если круизер встанет. Гарри, Валентин и, почему-то, рейнджер, восприняли его ругань, как приказ следовать за ним.

Они вернулись в первый вагон. Кто-то из ополченцев, аккуратно сложил останки Болтуна в кучку и накрыл одеялом. Наверняка вон тот, с усами, он тут самый домовитый.

Билл перепрыгнул через Болтуна, прошелся по спине убитой им твари — надо бы выкинуть тушу за борт — и пошел дальше.

— Билл! — крикнул за его спиной Гарри Топор. Чужим, напряженным, высоким голосом. — Кто это тут лежит, а Билл?

Кто? Билл резко остановился. Нет он конечно помнил кто... Но, закрыв за собой дверь в свой вагон, он словно отгородился от этого знания стеной. Просто перестал думать о Болтуне. Выкинул из головы. Он даже не рассказал остальным.

Билл обернулся. Хотел сказать что-то, но в груди неожиданно не хватило воздуха. Билл смешно, нелепо квакнул и попытался сглотнуть. Он давился, не в силах сказать ни слова, и даже сглотнуть тягучую слюну, словно у него кирпич застрял в глотке. Вдруг из глаз Билла брызнули слезы. Он резко отвернулся. Но, кажется, некоторые все же заметили. Билл, почти бегом, бросился прочь. Выскочил из вагона, захлопнул за собой дверь. И некоторое время тяжело дышал. Кажется, он всхлипывал. "Размяк, как овечье говно в дождь", ругал себя Билл. Но все никак не мог взять себя в руки. Он сорвал с пояса фляжку с бурбоном, приберегаемым им для особых случаев и, запрокинув голову, сделал несколько больших глотков. Вкуса он не почувствовал. Ветер, подлый ублюдок, словно сидел в засаде и только этого и дожидался. Он сорвал с головы Билла шляпу и потащил её прочь по крыше вагона. Словно дразня, мол, смотри, можно поймать.

Билл проводил взглядом шляпу, такую дорогую, такую красивую. И отвернулся. Жизнь такая смешная штука. Тебе иногда кажется, что ты что находишь, но на самом деле, чем дольше живешь, тем больше теряешь. Пока, наконец, не потеряешь все. Надо просто понять это. И жить дальше.

Билл аккуратно завинтил и повесил на место фляжку. Это было тяжело делать — в одной руке то у него ружье. Билл не помнил, как он умудрился открыть флягу. Да, бывает же такое.

Вытер лицо ладонью. Несколько раз вдохнул и медленно выдохнул. И постучал прикладом по двери круизера. Подождал. А потом начал бить по металлу кулаками, пинать ногами, орать, давая выход накопившейся злости.

Ему долго не открывали. А потом окликнули сверху.

— Это ты Билл? — подняв свое злое лицо, сержант увидел Уильяма. Это был брат Трака. Любой менее искушенный человек мог бы легко их перепутать. Но Билл довольно тесно общался с Траком во время выезда.

— Нет, я твоя мамаша. Ты что, ослеп, Уил. Где Трак? Что с круизером? В вас всадили два снаряда из пушки! Мы не взорвемся? И какого хрена вы не открываете? — выдал Билл длинную тираду, почти на одном дыхании. И только после того заметил, что Уил целится в него из здорового гномьего многозарядного дробовика. Таким орудовать в помещении одно удовольствие.

— Мы думали, вы все мертвы, Билли, — почти ласково сказал Уильям, не опуская дробовика.

— Не все, как видишь, — отрезал Билл.

— Просто Сэм видел, как одна из тварей пробила дыру в стене вашего вагона, — пояснил Уильям и неожиданно добавил, с вопросительными интонациями. — А где твоя шляпа?

Билл машинально провел по волосам. И рывкнул:

— Она залезла в мои вагоны без твоего разрешения, значит она мертва! — Уильям потратил не меньше минуты, прежде чем до него дошло — Билл проигнорировал его вопрос о шляпе и говорит о твари, влезшей в вагон. Тем временем, Билл, видя что Уильям застыл с вытянутым лицом и не реагирует, совсем рассвирепел и уже самым настоящим образом орал: — Что ты пялишься, Уил? Мне ведь платят именно за это, разве нет?! М почему тут торчишь ты?! Где Трак? Я сейчас выбью эту дверь, сверну как блинчик и засуну её тебе в задницу, если ты не откроешь!

— Они унесли Трака, — ответил Уильям и его голос дрогнул. Он наконец убрал дробовик, хотел добавить что-то еще, но не смог. Несколько секунд гном стоял, на крыше круизера, придерживаясь одной рукой за перила башни, из которой видимо и вылез. Он выглядел растерянным. Хотя, Билл, пожалуй, не стал бы делать на это ставку. Он не узнал это выражение наверняка. Вряд ли кто-то из знакомых Биллу видел растерянных гномов, так что даже и не спросишь. Уильям сделал несколько судорожных глотательных движения и раскрыл рот, словно порываясь что-то сказать. Но не произнес ни слова, ограничившись сдавленным смешным звуком. Биллу такое было знакомо.

Уильям махнул рукой, вроде как прося подождать, и скрылся в башенном люке. Прошло еще не меньше пяти минут. Билл терпеливо ждал. И только потом дверь открылась. Уильям начал рассказывать. Билл слушал.

Главные опасения Билла оказались напрасны. Выстрел из пушки, да еще и с близкого расстояния, похоже не смог повредить "Ласточке". Возможно, попал в массивные стальные катки. А вот подобравшиеся твари, такие же как та, которая убила Болтуна, действовали куда эффективнее. Гномы в круизере оказались такими же балбесами, как и Билл. Они тоже проглядели опасность с другой стороны.

Оказывается, в круизере была большая кабина, из которой он управлялся. Что-то вроде рубки в корабле. Если подумать, то это довольно логично, надо же этой машиной как-то рулить. А сделать это в одно рыло, как грузовиком, надо думать, было бы затруднительно.

Окошки в бронерубке прикрывались толстыми бронешитками и во время боя экипаж ориентировался по перископам. Билл не знал что такое "перископ", но просто пропустил мимо ушей незнакомое слово. Не стал переспрашивать, чтобы не сбить Уильяма с мысли. А тот рассказывал взахлеб. В рубке был пожарный выход. На нем — специальный замок. Штуковина, которую можно открыть одним движением с помощью большого рычага. Это, если изнутри. И только хитрым способом снаружи. Не шибко хитрым — упыри справились. Они ворвались внутрь рубки. В тот момент внутри было четверо гномов — Трак, его брат Уильям, и еще двое. Тоже их родственники, судя по бурной реакции Уильяма. Бурной реакции сейчас — обычно рассудительный бородач, вскрикивал, потрясал дробовиком и краснел. Единственное, что он успел в тот момент — свалиться по внутренней лестнице вниз, в кубрик круизера и наставить в проход свой дробовик.

— Я лежал и ждал! Ждал, что они полезут внутрь, понимаешь, Билл? Они же должны были лезть дальше. И я лежал и ждал. Долго. Как баран пялился в проход. Терял время! Даже не сразу догадался позвать остальных! Ну что я за кретин! — дрожащим от досады голосом говорил Уильям.

Короче, когда из глубины "Ласточки" подоспела подмога и Уильям с остальными поднялся в рубку, то нашел в ней два разорванных тела. Выглянув в выбитую бронедверцу пожарного выхода, гномы увидели убегающих упырей, по которым велся бешенный огонь с вагонов. Гномы тоже постреляли, но больше для острастки. У них ведь были только дробовики. Мощное вооружение башен крузера сыграло с ними злую шутку — развернуть стволы они не успевали.

Не сразу, но опознав убитых, они поняли, что нет Трака. И только потом вспомнили, что упыри что-то тащили на себе. Поскребя в затылке, Уильям понял, что Трак похищен. И он ничего не может с этим сделать.

Впрочем, последнего он не сказал. После того как гном выговорился Биллу, он немного успокоился.

— Набираем скорость и едем до самого Риверпоинта. Без остановок. Топлива и воды хватит. А оттуда до конечной цели рукой подать. Скажи своим, что следующие шесть часов будет тряска, "Ласточка" будет лететь, — рявкнул Уильям и захлопнул дверь, давая этим понять Биллу, что разговор окончен.

Билл вернулся в вагон.

Пока его не было, тут убрали. Останки Болтуна сложили в большой кожаный мешок и поставили в угол. Кровь с дощатого пола уже смывали два ополченца. А сержанты угрюмо смотрели, как рейнджер потрошит упыря. Тушу некреса подтащили поближе к пролomu, чтобы было больше света. Рейнджер использовал свой огромный нож, который носил за спиной. По размерам это был меч, но с виду больше напоминал нож "Боуи". Йем уже отсоединил несколько щитков брони с чудовища. Щитки оказались очень тяжелыми. Сейчас они переходили из рук в руки, каждый хотел посмотреть поближе. А когда Билл вошел, рейнджер с усилием сорвал с упыря шлем.

Насчет "похоже на человека" Билл поторопился. Шлем был намертво прикручен к торчащим из плечей крюкам и попросту не давал башке упыря разрастаться. Деформированная плоть со смятой пастью и вросшими в дёсна и морду треугольными акульими зубами, проняла даже кое-что повидавшего Билла. Пара ополченцев проблевались. Впрочем, они и так это постоянно делали.

Рейнджер передал шлем Биллу. Тот взял конструкцию в руки. Штука оказалась невероятно тяжелой. Билл чуть не упал, пытаясь её удержать, поэтому тут же опустил её на пол. Она ударила по доскам с громким лязгом. Немного рассмотрев жутко смердящую железяку, Билл убедился что ему не показалось — металл был толщиной в палец. Билл тронул вмятину, оставшуюся от его ружейного выстрела.

Рейнджер, тем временем, вытащил из своего сапога нож. Довольно большой нож. Может поэтому его и приходилось носить в сапоге.

А потом начал кромсать затылок упыря. В мешанине костей, крови и серого, с зелеными прожилками, мозга, мелькнул металл.

— Серебряные штыри в основании черепа, — сообщил рейнджер.

Серебро убивает проклятье и порчу, это все знали. Среди людей постоянно рассказывались десятки баек, как с помощью серебра люди спасались от заражения. В одной мельник проткнул дочь, которая уже начала обращаться, ножом с серебряной насечкой. Вонзил клинок прямо в сердце. И она, конечно же, не умерла на месте, а выздоровела.

В столице Билл даже видел устройство, вроде ошейника с серебряными лезвиями, сдвигающимися в центр. Продавец уверял, что так можно избежать заразы, даже если тебя

пожевали сами Древние. Биллу тогда показалось, что это такой способ самоубийства, оставляющий надежду на лучшее.

— А это работает? — с сомнением протянул Валентин. Он имел в виду серебряные гвозди в голову.

— Как видишь, нет, — ответил рейнджер, показывая на упыря. — Но серебро в мозгу, похоже, действительно сохраняет бедолагам немного разума. Они знают на кого нападать. Он ведь кинулся на невкусный вагон, а не стал жрать вкусных раненых людей за ним. А должен был, они хорошо чуют кровь.

— Долбанные вампиры научились управлять упырями? — возмутился Гарри.

— Эта мерзость должна быть сожжена, — сказал рейнджер, поднявшись с туши. Не совсем понятно что он имел в виду — тушу, которую только что изучал, или вампиров с их затеями в целом.

— Что там с крузером? Доедем? — озабоченно спросил Гарри у Билла. Похоже, свой настрой подраťся с вампирами, он изрядно подрастерял.

— Помчимся. Без остановок. До самого Риверпоинта. Уильям думает, что доберемся туда всего за шесть часов. Может, даже не врет, — ответил Билл. Только сейчас поняв, что до Риверпоинта должно быть не меньше трех дней пути верхом на хорошей лошадке. И запоздало засомневавшись в словах гнома.

— Уильям? А где Трак? — удивился Валентин, всегда подмечающий странности.

— Трака утащили. Такие же, как этот, — Билл не глядя кивнул головой на труп некра у ног рейнджера. — Да вы по ним стреляли.

— Точно, они что-то тащили. Я тогда не понял, что, — согласился Валентин.

— Но как? — изумился бледно-зеленый, но не блюющий парнишка, спутник рейнджера. — Он что, был на крузере?

— Нет, — ответил Билл. — Траку хватило ума спрятаться внутри крузера. Но у упырей и в самом деле осталось немного соображалки, они вскрыли потайной выход из крузера и забрались внутрь.

— Подождите! Мы говорим о Траке Тимбере? Главном Инженере Гномтауна?

— Наш город называется... — угрожающе зарычал один из ополченцев, тот самый, с усами.

— Заткнись! — в два раза страшней рыкнул на него Билл. Если уж собрались люди с оружием, очень важно, чтобы только у одного было право на угрозы. Иначе дело может плохо кончиться. Билл тут же переключился на паренька:

— Ты плохо видишь, парень? Ты стоял от него в десяти шагах, когда мы отправлялись!

Паренек явно засмутился. Билл стрельнул взглядом на рейнджера. Тот стоял с отсутствующим лицом и не вмешивался.

— Я... Просто они же одинаковые! Я не думал... — замямлил спутник рейнджера.

— Тогда заткнись и подумай! — зло сказал Билл и уставился на парнишку тяжелым взглядом. Намекая тем самым, что говорить глупости сейчас не время.

— Так стоп, — не впечатлился угрюмой рожей Билла парнишка. Как его там звали... — Кто, кроме меня, удивлен, что сам главный инженер, то есть мэр, эээ, города... Поехал в крузере лично?! — парнишка поднял руку и начал оглядываться.

— Только ты. Как жеж иначе, коли предыдущий крузер запропал, — сказал тот же усатый ополченец, и остальные захмыкали. Однако, руку неожиданно поднял рейнджер.

— На моей памяти это первый мэр, что решает проблемы лично.

— Так он и не мэр. Он же Главный Инженер. Он за все в ответе. Да он, почитай, все в городе сам строит... — бурчали из толпы ополченцев.

Билл вспомнил мэра Спрингвуда. Если эта жирная жаба, вдруг вылезла бы из своего каменного укрепленного дома дольше, чем на два часа, за всю жизнь... То Билл сейчас бы смог вспомнить её имя.

— Только если надо деньги получить. Для остального всегда есть шериф, — задумчиво сказал Гарри.

— Говоришь, взяли именно Трака, за остальными не полезли, хотя могли? — спросил Валентин.

Билл задумался. Да, взяли Трака, хотя пару разорвали. Но только тех, кто мешал.

— Вот же дерьмо! — Билл развернулся на каблуках и помчался назад к круизеру. Домчался и стал лупить в дверь прикладом. Уже в третий раз за последние полчаса.

— Чего надо? — отозвался Уильям из-за двери.

— Разворачивай круизер, борода! — заорал Билл. За дверью помолчали. Потом дверца открылась. За ней обнаружился Уильям с угрюмой рожей и дробовиком в руках. За его спиной виднелись еще пара настороженных гномов.

— Ты, долговязый, шляпу-то найди себе. А то похоже тебе голову напекло, — ласково сказал Уильям. — Куда ты повернуть хочешь?

— Если они взяли круизер, который шел до нас, — сказал Билл злым голосом, но не делая резких движений. — И смогли разобраться, как открыть эту твою потайную дверь. То что будет, если они возьмут Главного Инженера? Много у вас запасных выходов в городе, а Уил?

— Ничего он им не скажет! — вскинулся Уильям, угрожающе приподнимая дробовик.

— Не чади! — осадил его Билл. — Дерни себя за бороду и подумай. Пока мы палили в бедолаг с ружьями, которые все равно бы нам ничего не сделали...

— И пушкой! — прервал его Уильям.

— И много она смогла?! — отмахнулся Билл — И пока мы, как идиоты, палили в подставных, они зашли с другой стороны. Они ведь знали, куда идти, Уил. И они знали кого брать. Нет, Уил, нет... Они унесли его не для того, чтобы сожрать. Эта засада была не на круизер, а на Главного Инженера. И теперь он у них! Понял, Уильям?!

Гном нахмурился. Билл прямо почувствовал, как за его толстым лбом беспорядочно мечутся мысли, постепенно выстраиваясь в четкую цепочку. Дело затягивалось.

— Кто бы мог подумать, что Трак будет на этом круизере? — мягко подтолкнул его Билл.

— Да все! — вскинулся Уильям. — Это ж дело честное. Раз ты строил, проектировал, а не работает, то тебе и исправлять! Понятно каждому, что если круизер пропал, на следующем Трак сам поедет. Не будет Главный Инженер за стенами прятаться!

— Да. Так у вас принято. А вот у остальных по другому. Но те, кто вас знает, и не сомневались... — успокаивающе кивнул Билл.

— Двух они разорвали... А его забрали! — вдруг нахмурился Уильям. — А почему двух разорвали, а за остальными не полезли?

— Мы там поковырялись в одном. У него гвозди в затылке. Рейнджер говорит, может, у него даже соображалки чутка осталось, — раскрыл еще одну карту из колоды Билл.

— Да не... А если да?! — Уильям вдруг побледнел. — Дерьмище, Билл! А ведь сходится! Они хотели забрать Трака! И они забрали Трака! Обвели нас вокруг пальца, как детей! Вот же дерьмо! Просто цистерна дерьма и мы в ней барахтаемся!

— Разворачивай круизер, — спокойно сказал Билл.

Уильям очень внимательно и угрюмо посмотрел на него в ответ и долго молчал. Билл его не торопил. Уильям был в ответе за груз и за "Ласточку". И, прямо сейчас, казалось правильным сохранить их. Но если вампиры получают Главного Инженера... Что он им может рассказать? Всё. И тогда гномы потеряют все.

— Сначала отцепим вагоны. Потом, на легке, двинем обратно. Дерьмовое дермище, Билл, как мы найдем этих упырей? — наконец решился Уильям.

— Спустите мой трицикл, — раздался голос рейнджера из-за спины Билла. Похоже, второпях старший сержант забыл закрыть дверь. — Я их выслежу. Я думаю, они не могли уйти далеко. Как бы не были они умны, это упыри. Их хозяин должен быть рядом.

— И у нас часа три до заката... — глянул на небо Уильям. Он не сказал вслух, но Билл понял. Гном боится встретиться ночью с вампиром. Кто еще может быть хозяином этих полуискусственных упырей, да еще в этих местах? Вариантов не много.

— Эта цистерна дерьма только первая из многих, — сказал Билл.

— Будем вычерпывать их по очереди, — хмыкнул Уильям и закричал себе через спину. — Ну, чо встали? Сбавляем ход! Дре, Сэм, сюда! Отсоедините вагоны от "Ласточки" и спустите трицикл!

— А вы чё встали? — заорал Билл на своих. — Собрать людей! Приготовиться к маршу! Пайку взять на день, воды на полтора дня, а патронов все, что есть!

Глава 22. Дорога судьбы

Если бы у Билла спросили, чем отличается военное дело от всех остальных, он бы подумал о бардаке, смерти и идиотах. И снова смерти. Трудно сказать, что бы он ответил. Билл никогда не был мастак говорить.

Вот и сейчас, простой, казалось бы план — развернуть круизер и отправиться по следам упырей, похитивших Трака — стал сразу же рушиться.

Вагоны были тяжелые и неуклюжие, с ними круизер по холмам не поедит. Их пришлось бросить. Но и "Ласточка" была хоть и большой, но не такой вместительной, как тот же батлтрак — все никак в неё не влезут.

Вокруг Билла тут же начали сыпать грандиозными идеями. Кто-то предлагал просто бросить вагоны, кто-то вкопать их, кто-то довести до Риверпоинта и оттуда вернуться налегке.

Рейнджер, похоже, единственный, кто проявил себя как умный человек. Он просто спустил на землю свой трицикл, сел в него, и уехал. Уехал один, зато ему не надо было ни с кем ничего оговаривать.

Уильям вдруг проявил себя нерешительным парнем. Он явно трясся за вагоны больше, чем за брата. Оно и понятно, если бы груз в них был хоть немного менее ценным чем серебряные монеты того же объема, то гномы вряд ли создали для его охраны целый круизер. Но, в какой-то момент, Уил решился. Он просто отцепил вагоны. И объявил, что гномы едут обратно, за Траком. И что те, кто хочет, может остаться в вагонах и ждать их возвращения. А может залезть на круизер и разделить его судьбу.

Билл, если подумать, мог бы остаться при вагонах. Стоило просто заявить о таком желании вслух, и Уильям ничего бы не смог сделать. "Эти гномы проблемы ни единой ногой не моя лошадь" — посетила его подленькая мыслишка. Но сержант колебался недолго. Он не намерен был сидеть в вагонах и ждать, чем кончится дело.

Если уж дело решается пальбой, то лучше быть среди тех, кто решает свою судьбу сам, а не просто покорно ждать пули.

Но и идти одному Биллу было не с руки. Естественно, он не стал устраивать голосования. Билл просто приказал одним остаться и ждать смерти, а другим ехать к ней.

Это, в конечном итоге, и называется "командованием".

Билл забрал с собой всех оставшихся сержантов. И шестерых ополченцев. По два от каждого вагона. Взял и того, усатого. Вдруг его убьют. Усатый, словно чувствовал, что старший сержант на него злится. Поэтому принес Биллу новую шляпу. Билл надел её. Даже оттаял. Все, кто ехал с ним, устроились на круизере — там к счастью нашлось несколько сносных плоских площадок, на которых можно было сидеть. Гномы протянули веревки по броне — получилось нечто вроде поручней. Полное дерьмо, конечно, а не поручни, но хоть что-то.

Парнишка, который был с рейнджером, тоже залез на "Ласточку", решив разделить его судьбу. Сержант не решил, это был смелый или глупый поступок — из оружия у паренька был только старый шестизарядный револьвер. Билл не стал ему ничего говорить. Если это смелость, то он не отступит. Если глупость — то слова уже не помогут.

Назад они ехали по времени меньше, чем собирались и готовились к этому. Место, где на них напали, было буквально за холмом. Круизер запыхтел паром и взобрался вверх по

склону. Их тут не было, может, часа полтора, но пейзаж заметно изменился. К тем трупам, что были приманкой вначале, после "неудачной" засады добавилось еще десятка полтора. Сержант почувствовал гордость за своих людей. Хорошая работа. Видно было, что мертвецов обобрали — сняли одежду и обувь, забрали оружие — но не стали хоронить. Трудно сказать, почему. Наверное, торопились убраться. Пушки и установки гатлинга тоже не было.

"Ласточка" медленно и осторожно поползла в ту сторону, в которой скрылись упыри, унесшие Трака.

Прошло еще полчаса и стало ясно, что они заблудились.

Уильям решил загнать крузер на небольшой холм, чтобы оглядеться получше. Но раньше, чем он это сделал, показалась первая ферма.

Валентин сидел на башне "Ласточки" и зорко оглядывался. Он то и заприметил ферму. Показал пальцем, крикнул Биллу, постучал по башне.

Крузер двинулся по направлению к нескольким массивным приземистым домам, обнесенным крепкой стеной. В стойлах было пусто, так же как и на огороженном пастбище по соседству. Билл опытным взглядом деревенского жителя определил, что это пастбище для стада минимум в две сотни голов.

Сержанты с трудом слезли с "Ласточки" и осторожно зашли в ворота, запертые снаружи на простую деревянную щеколду. Не иначе, как от ходячих...

Беглый осмотр подтвердил невысказанные опасения — люди ушли. И ушли только что. Заметили крузер, собрали овец, собак, детей и ушли низиной. На кухонной плите, сложенной из рваного камня осталась подгорать забытая каша. Не иначе, как местные боялись гномов.

— Бурдюки вампирские, — процедил Гарри Топор. — Знали, гады, что рядом западно на людей их хозяева расставили.

— И даже знали точно, на кого, — снова встрял паренёк. Билл и не заметил, как он приبلудился к сержантам. Остальные ополченцы остались сидеть на крузере. Что, кстати, не порядок.

— Тебя как зовут? — холодно спросил Валентин.

— Джим, — ответил паренек.

— Так вот Джим, не лезь, когда не спрашивают. Понял щенок? — неожиданно зло сказал Валентин. Билл удивленно посмотрел на стрелка. Похоже, тот нервничает. Паренек насупился и покраснел.

— Почему ты думаешь, что знали? — спросил Билл у паренька.

— Ну... — ответил тот, испуганно поглядывая на Валентина. — Бросили много. Мы с Йемом, с рейнджером Ордена, немного поехали вместе. Люди готовы защищать свой дом, если надо. Поэтому, если бы они не знали кто это, они бы вооружились и заперлись. А они бросили все. Значит, были уверены, что мы едем их убить.

Билл медленно кивнул. Да, бросить все, что создал всю свою жизнь, можно только спасая эту самую жизнь.

От фермы начиналась едва заметная колея накатанная телегами и фермерскими грузовичками. Не мудрствуя, дальше просто поехали по ней.

Фермы стали попадаться все чаще. Все покинутые.

Примерно через час езды, незадолго до заката, из неприметной лощины выскочил трицикл рейнджера.

Ополченцы едва не открыли пальбу, Биллу даже не хватило своей собственной луженой

глотки, чтобы их успокоить. К счастью, на помощь пришел Гарри и Валентин.

Рейнджер на проверку оказался подозрительным и осторожным сукиным сыном. Он остановился достаточно далеко и дождался, пока "Ласточка" поравняется с ним.

Но и после этого не стал лезть на круизер, а предпочел остаться на земле.

— Я разведаль дорогу. Подойдите, я расскажу вам, — крикнул этот самый Йем. Хотя как крикнул. Громко сказал. Но его все слышали. Гарри и Билл слезли с круизера а Валентин остался на башне, посматривать вокруг.

— Сиди тут Джим, — прикрикнул Билл на паренька, заметив, что тот тоже собирается спуститься на землю.

— Я имел ввиду не только вас, но и главного среди... над круизером, — сказал Йем, когда сержанты подошли к нему поближе.

Билл вздохнул и вернулся к "Ласточке".

После нескольких минут перебранки, Уильям наконец соизволил выползти из-за брони и присоединился к рейнджеру и Биллу.

— Впереди город. Богатый город. Вокруг него стена, но не основательная, — рассказывал рейнджер результаты своей разведки. Для наглядности, он достал свой огромный нож из-за спины, и чертил им в пыли карту. Рейнджер кивнул на Уильяма — Похоже на ваши города. Стена есть, но маленькая, хлипкая, если только от бродячих. Люди живут так, словно ничего не боятся. Отдельные дома, большие участки. Такой город никакой стеной не огородить. Я нашел пару человек из местных и переговорил. Я спрашивал осторожно, и выяснил, что вампир живет в большом доме на отшибе. Не в самом городе. Вот тут, — Йем нарисовал кривоватый квадрат в пыли. — Туда же увезли пушку и ушли выжившие после засады на нас. Оказывается, у них неподалеку были грузовики. Всего их было человек тридцать. На месте засады насчитал восемнадцать тел, но некоторые были мертвы и до наших выстрелов. Про то, сколько там упырей, мне не сказали. Вернее, сказали, что не знают. Они боятся меня и защищают своих хозяев. Мне показалось, что люди, которые здесь живут, будут скорее защищать вампира, чем помогать нам.

— Бурдюки дерьмоголовые, — сплюнул Гарри. Все знали, что за "защиту" люди платили вампирам своей кровью и плотью умерших. Презрительную кличку "бурдюки" Гарри придумал сам. В Гномтауне жителей вампирских земель называли "кроликами".

— Кролики не донесут, что мы едем? — напряженно спросил бледный Уильям. Его руки стискивали дробовик так, словно кто пытался его отнять.

— Уже, — спокойно кивнул рейнджер. — Я видел как гонцы так и снуют по окрестностям и возвращаются в дом вампира. Я думаю, те кто напал на нас, ждут когда их хозяин проснется. Если вы будете двигаться так же, то мы доберемся до его дома не раньше, чем после заката.

Все затихли. Слухи о вампирах ходили разные. И всегда неприятные. Говорили, что они могут заморочить человека, заставить мать отдать им свое дитя, а мужчину обратить оружие против друзей и родни. Говорили, что вампиры сильны как паровой кран, и что они умеют превращаться в туман, и что пули их совсем не берут.

Билл наверняка знал, что это просто бочка лжи, разбавленная стаканом правды. Ведь будь эти рассказы правдивы хоть на треть, то вампиры уже бы давно захватили всё вокруг. Но Билл, как и остальные, вовсе не горел желанием встретиться с настоящим вампирским лордом лицом к лицу и выяснить, сколько в этих слухах правды.

То, что у вампиров есть смертельные сюрпризы, это уж точно. Болтун не даст соврать.

— Нас не должно было тут быть, — вдруг сказал Билл, неожиданно для самого себя. Он хотел добавить, что это не их война, но его удержал холодный взгляд рейнджера.

— У тебя был выбор? — спросил его Йем, своим равнодушным и спокойным голосом. Не дождавшись ответа, он снова спросил:

— На всем том пути, который привел тебя сюда? Хоть раз, ты сам выбрал оказаться здесь и сейчас?

Билл глубоко задумался. И вдруг понял, что все, от службы в армии, до найма в охрану пароезда было сделано будто бы и мимо его желания и вело его к этому моменту. Он словно баран, которого загоняют в загон. Ему ничего не оставалось, как бежать по огороженной дороге вперед.

— Тогда, выходит, это судьба, — сказал рейнджер.

Уильям вскинул голову, словно проснувшись. И заговорил привычным своим ворчливым и скандальным голосом:

— Значит, делаем так. Подъедем к этому дому на круизере. Подъехать то к нему можно? Ну вот. Подъедем на круизере и разнесем там все из пушек. Они нас боятся. Будь иначе, давно бы уже на встречу вышли. Значит боятся. Раз юоятся, значит мы сильнее! — Уильям оторвал одну руку от дробовика и погладил бороду, гордо вскинув голову. — Знают, черти, на кого прыгнули. Закрысились в подвалах и ждут, что пронесет. А вот не пронесет! Разнесем им домишко на кирпичики. Потом пошуреем, недобитков дострелим. Вот и весь сказ.

— А как же Трак? — растерялся Билл.

Уильям тяжело глянул на сержанта исподлобья. И тихо сказал:

— На таких раскладах, Билл, лучше бы ему умереть, чем в плену остаться.

Рейнджер нажал на хитрые рычажки в своем агрегате и покатился прочь, бросив через плечо:

— Едьте прямо по этой дороге. Увидите дом из серого камня с черными крышами, вам туда. Мимо не проедете, он самый большой. Я буду рядом, — последние слова Билл едва услышал, потому как рейнджер уже отъехал достаточно далеко.

Гном тоже развернулся и заторопился к круизеру. Билл и Гарри немного приотстали.

— Ну что, сигаем в кусты? Угоним пару кобыл у местных и махнем в Спрингвуд? — тихо сказал Гарри.

Ни он, ни Билл, не умели ездить верхом. И они оба это прекрасно знали.

— Без круизера мы тут точно сгинем, — так же тихо ответил ему Билл. — Придется сначала накостылять вампиру, а уже потом, на круизере, ехать до дома.

— Значит, судьба, — кротко вздохнул Гарри.

Глава 23. Незваные гости

Люди склонны все упрощать. Билл и сам любил так делать. Хочешь принять решение быстро — не усложняй.

Хочешь, чтобы решение было верным — спроси у других, спроси почему они думают так, как думают.

Спрашивай, пока решение само не настигнет тебя.

Но есть вещи, которые должны быть быстрыми и делать их надо без рассуждений. У каждого свой список. У Билла таких вещей было три — секс, месть и удар.

Может, кто-то бы с ним об этом и поспорил. И, может быть, даже в чем-то переубедил. Кто знает.

— Хорошо живут, бурдюки, — зло проорал Гарри Топор. Орать ему приходилось из-за лязга и шума, которые издавала "Ласточка". А учитывая, что они сидели прямо наверху этого чудовища, шум и лязг стоял адский. Поэтому приходилось помалкивать. Круизер, вынырнув из-за холма, стремительно катился по долине. В долине, рядом с уютной речушкой раскинулся городок. Чем ближе они подбирались к нему, тем больше Гарри наливался желчью. И Билл его прекрасно понимал.

Жили тут богато. Вольготно раскинувшиеся поля, пастбища, конюшни — еще полдела. Но за живое задевали мощные улицы, двух и даже трехэтажные дома с красной черепицей. И на фоне этого вампирского городка Спрингвуд выглядел бы просто убого. Зловещий особняк с черными крышами, стоящий на отшибе и противоестественно не окруженный стеной, не сильно сглаживал впечатление благополучия.

Первое сопротивление они встретили проехав половину долины. Перед круизером встал древний дед. На вид старику было не меньше ста двадцати. Мешковатые штаны на подтяжках, выдавшая виды майка и широкополая плетеная шляпа, из под которой торчала длинная седая борода и красный нос. Тощие руки с узловатыми от тяжелой работы пальцами — картина для Билла привычная. А вот брюшко у старика, Билла изумило. Это ж сколько надо жрать, чтобы наесть такое?

Но этот животрепещущий вопрос пришлось отложить на потом — в руках дед сжимал древнее двуствольное ружье.

Круизер не сбавлял скорость. Дед постоял на дороге еще немного, но все же нехотя отошел в сторону. Многотонная железная машина тоже приняла в сторону, походя снеся какой-то бревенчатый домик. Легко, как корова, бывает, сносит неосторожно оставленное ведро. Это слегка замедлило круизер. А может, Уильям и сам сбавил скорость.

— Чаво вам надо тут?! — заорал дед, хоть и по-старчески надтреснутым, но сильным голосом, когда "Ласточка поравнялась с ним.

— Хозяина твоего будем убивать, вампирский ты корм! — заорал в ответ Гарри.

— Так нахрена вы по главной улице то едите? Вам направо сворачивать надобно! — заорал дед злобно. — Вы ща порушите тут все!

Трудно сказать слышал ли старика Уильям, или сам увидел, что свернул не туда, но круизер резко свернул с дороги и, взрывая гусеницами поле устремился по нему прямо к черному особняку.

Дед еще что-то орал, потрясая кулаком, но ружье держал стволом вниз. И тут стало не до него — во дворе особняка стояло несколько грузовичков. Не фермерские развалюшки, а

сносные грузовики, с высокими бортами обшитыми жестью. В таких только солдат возить. К одному грузовику была пристегнута взятая на буксир пушка, из кузова второго торчала установка гатлинга.

Из особняка начали выбегать люди с оружием. И, хотя до них было не меньше трехсот метров, некоторые тут же стали стрелять в круизер. А некоторые бросились к пушке.

"Ласточка" слегка притормозила, повела стволом в носовой башне и с грохотом выплюнула снаряд.

Но, еще до того, как носовая башня круизера выстрелила, все, кто сидел на его броне спрыгнули. На твердой земле было как-то попривычней.

Билл завозился со слипвелом — пришлось сначала бросить его вниз, а потом прыгать самому. Потому съехал по броне последним, под аккомпанемент глухого взвизгивания рикошетищих от брони пуль.

Ополченцы и сержанты плюхнулись в грязь и открыли пальбу. Круизер двинулся вперед и снова замер, повернувшись к особняку углом. Так он, с одной стороны подставлял себя под выстрелы пушки под углом, а с другой теперь могли бить все его башни.

Билл, конечно тоже немного пострелял. Честно говоря, больше от страха, чем всерьез рассчитывая куда-то попасть. Тут круизер наконец прицелился и начал хлестать по суевающимся вокруг грузовиков людям пулями и снарядами так, словно злой мальчишка стальным прутом по скопищу жаб.

Во все стороны брызнуло красным, а потом разбитые грузовики загорелись, истекая в чернеющее вечернее небо белым дымом.

Рядом, внезапно, появился рейнджер. Шум мотора его трицикла совершенно терялся на фоне рычания и лязганья гномьего круизера. Билл не замечал его, пока ему не показали в его сторону.

— Быстрее! — крикнул Йем и показал на особняк — До захода осталось не больше получаса!

— Бегом, подтянулись! — привычно заорал Билл и тут же пригнулся — над ухом свистнула пуля. Пока он недоуменно осматривался, Валентин уже выстрелил. Выстрелил, почему-то, назад. Билл оглянулся, и успел заметить, как всплеснув руками валится лицом вперед тот дедок, что вышел к ним на дорогу.

— Бурдюк, гадина подлая, в спину стрелял, — прошипел Гарри.

— Вперед я сказал! Бегом! — снова закричал Билл и остальные сержанты ему вторили. Они споро побежали к дому. Круизер держался чуть впереди, то и дело останавливаясь и стреляя. Прошло меньше пяти минут и тяжело дышащие люди ввалились в разбитые прямыми попаданиями снарядов входные двери. И застыли, озираясь вокруг. Огромный приемный зал, великолепная лестница из черного и красного камня, не иначе вынесенного с руин Старого мира, бронза и стекло.

— Готично, — непонятно сказал парнишка Йема. Как же его там звали?

— Заткнись! К стене! По сторонам смотрим! — заорал Гарри.

— Валентин бери пару человек и прикрой сзади! — привычно начал командовать Билл. — Гарри возьми двоих и иди вдоль вон той стены! Болтун! Болтун?!

Билл осекся, поправил шляпу и зло процедил хриплым голосом:

— Остальные со мной по центру!

С улицы раздавался влажный стук гатлинга и изредка сухой кашель пушки. Круизер продолжал обрабатывать особняк. Благо, помимо центрального входа, у него были и

довольно большие крылья.

— Теперь еще тут все обыскивать, — недовольно процедил Валентин за спиной Билла. Но обыскивать не пришлось. Богатые двери наверху лестницы, украшенные стеклом и начищенной бронзой, открылись. Билл с его отрядом еще только достигли подножия лестницы. Билл вскинул ружье и начал стрелять еще до того, как увидел, кто появился в дверном проеме. Слишком уж легко и быстро распахнулись массивные створки, с грохотом ударившись о стены.

Он успел выстрелить из винчестера дважды, прежде чем разглядел, что несетя по направлению к нему, прыгая через десяток ступеней сразу. И тут же выпустил из рук свое бесполезное ружье.

Глава 24. Конец дня

В каждом деле есть простые хитрости, помогающие делать все быстро и эффективно. В основном, эти хитрости сводятся к экономии времени. Например, хороший столяр обязательно посвятит лишние полчаса времени, чтобы разложить свои инструменты перед началом работы. Так, чтобы все было рядом, под рукой. Чтобы лишний раз не вставать за долотом или лобзиком. Казалось бы, мелочь, одно лишнее движение, но если таких движений сотня в день — и ты уже с лихвой окупил эти полчаса.

Убийство, когда речь идет не о единичном случае, а постоянной, почти рутинной работе — тоже не исключение. Надо подготовиться так, чтобы все было удобно.

Вот например сейчас. Видя что на него несутся покрытые сталью упыри, и зная что пули их не возьмут, Билл не отбросил винтовку. Не потратил даже лишней доли секунды для лишних движений. Он просто разжал пальцы, позволяя винчестеру выскользнуть из них. Но еще до того, как винтовка ударилась о чернобелые ступени, Билл уже стряхнул с плеча висящий там на ремне слипвэлл, и поймал его в привычную хватку.

Покрытый плиткой пол не позволял как следует воткнуть в него нижний шип слипвэлла, но Билл был человеком опытным и потому не растерялся. Придавил слипвэлл коленом, направляя в сторону врага, пригнулся, словно прячась за своим оружием. У него даже оставалось время, чтобы немного сдвинуться поближе к Гарри, который точно так же выпустил из рук винчестер и выхватил топор. Они прильнули к слипвэллу так, как могут прильнуть люди к тому, что спасает их жизнь. Грубо, отчаянно и с надеждой

Бронированные упыри, вырвавшиеся из двери наверху лестницы, приближались стремительно. Но Билл знал по опыту — даже самые страшные твари вовсе не превосходят людей в скорости. Разве что люди, в отличие от неживых, подвержены эмоциям. Страху, панике или даже простому недоумению — и потому часто теряют возможности и время.

Не теряя время на сомнения и не оглядываясь вокруг, Билл по крикам и плотности пальбы понял, что ополченцы по большей части оказались ребятами опытными. Но не храбрыми. Как только они разглядели, что приближается к ним по лестнице, они бросились бежать. Или как только убедились, что их пули не берут бронированных тварей.

Тут первый упырь наконец добрался до Билла и Гарри и с размаху налетел на массивное шестигранное лезвие слипвэлла. Инерцией Билла протащило по каменному полу вместе с насадившимся на его слипвэлл упырем — массивное верхнее лезвие попало куда-то под нагрудную бронепластину. Вошло глубоко. Но упыря это не остановило, он рвался вперед. Биллу показалось, что тварь буквально вспахала каменный пол нижним шипом слипвэлла, как плугом. Немного изловчившись, стараясь успеть, пока не еще его противника тащит вперед после разгона, Билл заорал богохульство и потянул слипвэлл на себя, одновременно распрямляя ноги.

Упырь перелетел через Билла, неловко взмахнув лапами в попытке сохранить равновесие и грохнулся башкой вниз на пол. Тут же Билл ударил сверху вниз нижним концом слипвэлла, успев заметить, что нижний шип сломился где-то на треть. Но и того, что оставалось, хватило чтобы зайти в смотровую щель шлема упыря и пронзить его мозг.

Получилось хорошо, ладно, отточено. Прямо отработанный прием на показ, как на учениях. Образцово-показательный прием. Билл оглянулся вокруг и понял, что провозился дольше, чем ему показалось.

Гарри ловко дорубал другого упыря рядом. Похоже, тому удачно прострелили ногу еще на лестнице, а сейчас Гарри орудовал топором, не торопясь но деловито, отсекая упырю конечности. По частям. В таком деле не надо замахиваться сразу на большой кусок. У упыря уже не было одной кисти и ноги ниже колена. Гарри ловко обежал вокруг тяжело ворочающейся немертвой твари и с хеканьем отрубил протянутую в его сторону лапу. Хороший удар, прямо в сустав. Билл оглянулся назад. Увидел валяющихся дохлого упыря, ополченца с оторванной головой и стоящего на одном колене Валентина, стреляющего во двор через окно. Сержант посмотрел в другую сторону и увидел, как еще одна тварь дергается на полу. Билл подошел поближе, чтобы добить, и только потом понял, что на самом деле просто под упырем живой. Это был паренек, который пришел с Йемом. Как же его там зовут?! Сержант схватил бедолагу за руку и вытащил из под туши.

— Прямо в глаза ему выстрелил. Прямо вот так приставил к роже ствол, и в глаза ему! Он и упал! — радостно поделился достижениями парнишка, опасно размахивая револьвером. Билл осторожно отклонил его ствол в сторону. Похоже мальчонка просто дьявольски везуч.

Сержант пошел к Валентину.

— В укрытие! — гаркнул Валентин и бросился к стене. Билл не стал переспрашивать, а тоже нырнул за массивный подоконник, не забыв дернуть за собой парнишку.

Снаружи загрохотали оба гатлинга крузера. Стреляли долго. Огонь был плотный, пули то и дело залетали в окна, круша пафосную обстановку, превращая тяжелые бархатные шторы на окнах в ветошь, разбивая перила на лестнице.

— Гарри! — заволновался Билл. — Ты где?!

— За лестницей! — отозвался тот. — Куда эти гномы палят, чтоб их Древние в три ствола драли?

— Дураки из Гномтауна оказались трусливые, как крысы! — неожиданно зло заорал Валентин. — Бросились бежать! Придурки!

Тогда все понятно. Упыри, все же, в сути своей ближе к животным. Бросаются за убегающей добычей, иногда не обращая внимания даже на того, кто стоит рядом и стреляет в них. Это все знали. Но одно дело знать, а совсем другое — выдержать зрелище бегущего на тебя чудовища, которое не умирает от попадающих в него пуль.

— Не все. Я стоял и стрелял! — рявкнул кто-то. Билл обернулся на голос и увидел в углу ополченца, сжимающего дрожащими руками винчестер. Ну конечно, это был тот, усатый.

Стрельба снаружи стихла. Билл выглянул на секунду в окно. Потом сложил руки рупором и крикнул в дверь:

— Уильям! Что там у вас?! — некоторое время Билл боялся что его не услышали, но потом со стороны крузера раздался отдающий медью голос гнома. Громкий, не иначе как Уил говорил через хитрое приспособление:

— Наших всех покروшили, Билл! Надо уходить, Билл... Они всех убили!

Билл тяжело вздохнул. С кряхтением поднялся и вышел на изрядно побитое пулями крыльцо. Ему хватило пары взглядов, чтобы разобраться, что тут произошло.

Ополченцы успели толпой выбежать из особняка через парадную дверь и кинуться к крузеру. Именно в этот момент их и догнали упыри. И убили всех в считанные секунды. И начали рвать на части, видимо пытаясь сожрать. И только после этого до гномов в крузере дошло, что надо бы и пострелять.

Стреляли с душой, или упыри метались под огнем, или и то и другое — но все пространство перед особняком, до того украшенной клумбами и цветочками, скамеечками и

еще всякой богатой хренью, было буквально перемолото пулями. И залито кровью. А может, так казалось из за густой пыли, окрашенной лучами заходящего солнца в кроваво-красный.

Но упыри были мертвы. Билл был не уверен, сколько из них выбрались прямо под стволы гатлингов — так их покромсало, не уберегла даже броня. Но он насчитал точно больше трех туш. Значит, в особняке к тем трем, которые утащили Трака, присоединились еще. И теперь только остается надеяться, что это были все.

— Ждите! — заорал Билл Уильяму в "Ласточке", снова приложив ладони рупором ко рту. — Мы идем внутрь!

Глупо бы было уходить сейчас, без Трака.

Билл развернулся и пошел назад. У подножья лестницы снова закинул слипвэлл на плечо, подобрал винчестер и перезарядил его. Гарри, Валентин и Усатый последовали его примеру. Паренек зарядил револьвер и спрятал его в кобуру. Потом подобрал валяющийся на полу винчестер, видимо брошенный кем-то из ополченцев. Затем, зеленея и кусая губы, самыми кончиками пальцев, стараясь не испачкаться в крови, стянул патронташ с обезглавленного трупа.

— Четвертак, что сблюет, — вполголоса сказал Гарри.

— Принимаю, — тихо ответил Валентин.

Видя, что парнишка завозился с винтовкой, Билл подошел к нему помог одеть патронташ и зарядить винчестер. Впрочем, его предыдущий владелец не сделал и пары выстрелов. Парнишка медленно возвращал лицу естественный цвет, хоть и косился на мертвеца и дергался, когда мертвые упыри начинали перебирать конечностями.

— А где рейнджер? — вдруг вспомнил Билл.

— Скорее всего, зашел сзади. Мне показалось, Йем любит отвлекающие маневры, — ответил парнишка, слегка растягивая слова. Как бывает у тех, кого приложило близким взрывом.

— Ладно, пошли, — рявкнул Билл. И повел людей вверх по лестнице. Вокруг них быстро сгущались тени. Этот день умирал. И он был в этом не одинок.

— Усатый и ты парень, держитесь сзади, — скомандовал сержант, когда они наконец поднялись вверх по лестнице. — Еще, раз, наша задача, найти гнома. Три правила. Сначала стреляем, потом думаем. Запоминаем путь назад. Следим за патронами. Все ясно? Тогда пошли!

Глава 25. Бестактность

Билли никогда не был в домах столь роскошно обставленных. И таких огромных. Разве что резиденция Полковника, в Столице могла сравниться размерами внутренних помещений. Дело понятное, снаружи то Резиденция Полковника была куда больше, но и выглядела скорее как крепость. Но вампирский дом... Да, такие вещи следует называть “дворец”.

Хотелось отложить все дела и просто походить по выложенным разноцветными каменными прямоугольниками полам, подивиться на стены, двери, окна, светильники. Как говаривал иногда Лейтенант в похожих случаях, “будь обстоятельства хоть немного более располагающими”... Да, будь обстоятельства хоть немного более располагающими, Билл бы несомненно впал в ступор от высоких, покрытых лаком дверей с бронзовыми украшениями, лепнины, полированного дерева на стенах или даже красивых ваз с цветами на изящных столиках. Но сейчас ему было некогда. Едва они сунулись в дверь, по ним начали стрелять. Стрелки были никудышные, Билл даже не стал нырять в укрытие, а двинулся вперед, методично разряжая винчестер в сторону новых врагов. Рядом шагал Гари, так же, в такт шагам, стреляя. За спиной, от двери, усатый и Валентин стреляли куда более реже. Явно взвешенно выбирая цель.

Пороховой дым заволок не маленький коридор, стало как будто в туманной лощине по утра. Услышав неприятный щелчок бойка вхолостую, Билл начал перезаряжать винтовку, не сбавляя шага. Он уже видел впереди импровизированную баррикаду из нелепых круглых столиков, изрешеченных пулями насквозь.

На самом деле это была ошибка со стороны Билла. Вот сейчас кто-нибудь высунется из-за баррикады и прострелит Биллу бестолковку, пока у него руки заняты. Гарри поступил мудрее — закинул винчестер за спину и вытащил револьвер. Впрочем, никто так и не показался. Пинком отшвырнув столик с пути, Билл обнаружил за баррикадой три тела в лужах крови. Двое седых стариков и один совсем пацан. Рядом валялись банальные “Старые друзья”, пошарпанные и дешевые самоделы. Билл хмыкнул. Точно такие же он видел в руках у богатейших людей Спрингвуда и они казались ему недостижимой мечтой. И было это не так уж и давно. Гарри расценил хмыканье Билла по своему:

— Наши на кого прыгать, бурдюки тупые! — сказал он и тоже начал заряжаться. Коридор вывел их к массивным дверям, похожим на те, что они видели в начале. Намного меньше, всего в полтора человеческих роста, зато куда более богато украшенные. Двери оказались заперты изнутри. Похоже, на засов. Но двери были явно не рассчитаны на серьезный штурм — они задержали Билли и остальных меньше чем на пару минут — помог парнишка. Он внимательно осмотрел петли, пока Гарри остервенело рубил лакированное дерево топором. Дерево не поддавалось.

— Надо их приподнять, — сказал спутник рейнджера. — И тогда они слетят с петель.

Билл не сразу понял, что необходимо. Но когда понял, с хеканьем вонзил свой слипвэлл в щель под порогом. Они вдвоем с Гарри навалились, и дверь действительно, сначала приподнялась вертикально вверх, а потом со щелчком выскочила из хитрых петель и упала внутрь, увлекая за собой и вторую створку. За ними обнаружился огромный зал.

— Кто делает такую дерьмовую дверь? — изумился Гарри и Билл был с ним искренне согласен.

— Видимо, сделаны так, чтобы не скрипели, — пробормотал сообразительный парнишка.

— Тупые бурдюки, — коротко сказал Гарри. Но краткость оказалось неуместной, когда он заглянул поверх рухнувшие створки, и он выдал совершенно уж неприличную тираду. Гарри длинно, грязно, с паузами и повторами, выругался. Если говорить в общих чертах, он порицал местных жителей за их надменность, покорность и обещал что засунет их и их хозяину-вампиру в уши некоторые отрезанные органы, и тогда их не будут беспокоить скрипы.

Все это никак не мешало Гарри укрыться за дверным косяком, проверить оружие, и внимательно осмотреть дальнейший путь.

— Напомни, как тебя зовут? — спросил у паренька Билл.

— Джим, — сказал тот и запнулся, явно не желая говорить фамилию.

— Молодец, Джим, — повалил его Билл по уже въевшейся сержантской привычке. Как говорил Лейтенант: “Похвала за успехи должна быть не менее неотвратима, чем наказание за неудачи. Иначе личный состав будет терять присутствие духа и мотивацию!”. Последнее слово Билл не знал, но считал что это наверняка важное дело.

— Спасибо! — засмутился Джим. А вот это уже лишнее.

— Собрались! Валентин и ты, — Билл чуть не сказал “Усатый”, но в последний момент просто показал на ополченца пальцем. — Прикрываете нас от дверей. Гарри ты по правой стороне, я с Джимом по левой.

За дверью был зал. И это короткое слово никак не отражало того, что оно обозначало. Огромные, хоть и узкие как бойницы, окна уже не давали света — солнце село. Зато помещение было освещено яркими электрическими лампами, установленными в вычурные люстры из тысяч стеклянных лепестков. Стены, пол и потолок огромного помещения были выложены черными материалами, с вкраплениями белого и красного.

Однажды в детстве старик Хэнк нанял ребятню, чтобы они помогли ему загрузить сено в амбар. В том числе и Билла. И амбар старика Хэнка, до этого момента, был на памяти Билла самым большим пространством с крышей, какое он только видел изнутри.

Нет, он побывал в больших домах в Столице Дивизии. И даже знал, что такое “бальный зал” — такое место, где могло потанцевать кантри и две дюжины пар за раз. Но этот зал... Хэнк бы смог построить еще три таких же амбара, и еще бы осталось место. Но размеры были не самое удивительное в этом помещении. Прямо от двери начиналась широкая, покрытая незнакомой Биллу красной тканью лестница. Красной дорогой тканью. Лежащей прямо на полу. И лежащей так, что не наступить на неё, не прижавшись к стене, не было никакой возможности. Они что, и правда ходили по такой красоте? Красной дорогой тканью бежала через весь черный зал и кончалась у такой же широкой лестницы, ведущей вниз.

Осторожно, просто из природной чистоплотности ступая вдоль стены, там где лестница была не покрыта, чтобы не топтать по дорогой ткани грязными сапогами, Билл спустился вниз.

Внизу, рядом с лестницей, он нашел неприметную дверь, сделанную так, чтобы сливаться со стеной. Билл подергал за окрашенную в черное, под цвет стен, ручку. Дверь оказалась заперта. Билл ударил в неё плечом.

— Это для слуг, — тихо сказал за его спиной Джим. — Нам наверняка надо туда, дальше. А потом вниз.

Билл некоторое время постоял, обдумывая слова Джима. И решил, что тот скорее всего,

прав. К тому же, он и до этого говорил дело.

— Гарри, Валентин! — крикнул Билл. — Нам надо вниз! Лестница в конце! Чует моя задница Трак там!

— Принял! — гаркнул Валентин за двоих.

— На обратной пути я заберу себе эту бабу! — заорал Гарри. Билл не видел, куда Гарри указывает, но он понял и без этого. Вдоль стен зала стояли статуи из белого камня. Многие изображали голых женщин. Невероятно красивых голых женщин.

— И я! — рывкнул сверху Усатый. — Даже две!

— Собрались! Сначала дело, потом бабы! — заорал Билл, стараясь добавить в голос побольше строгости. Пока рано расслабляться.

Они с Гарри медленно двинулись вдоль стен, стараясь подстраховывать друг друга. Все же, сосредоточиться на деле не получилось. Даже Билла то и дело отвлекали диковинки. Помимо статуй вдоль стен, на самих стенах висели картины. На многих просто уродливые хмыри в вычурной одежде. На некоторых — занимательные сцены из дорогого борделя. А на некоторых, похоже, сцены битв. На дороге попадались небольшие столики, где под стеклом на красивых подушечках из той же красной ткани лежало оружие. Иногда, рядом с оружием, банки с отрезанными головами. Похоже было на витрины, в которых торговцы выставляли особо ценные товары.

Билл всего на секунду отвлекся на одну из витрин, где на подушке лежал огромный нож, неподъемный на вид, чем-то похожий на тот, что рейнджер носил за спиной. И два очень красивых револьвера с двойными барабанами и богато украшенным широким патронташем к ним. Его внимание привлекло не оружие, хотя и оно заслужило бы от него куда больше времени, будь обстоятельства иными, а голова в банке. Совершенно точно, не вполне человеческая.

— Простите мне мою бестактность, — сказал вампир за спиной Билла. Манера речи у него была неприятная, он словно одновременно жевал и распевно растягивал слова в конце предложений. — Давайте я расскажу вам историю этого любопытного экспоната...

Билл развернулся, вскинул винчестер и начал стрелять еще до того, как вампир договорил слово “простите” и начал нараспев произносить слово “бестактность”. Билл не знал, что это слово означает. Так же, как и слово “экспонат”. Когда вампир проговаривал второе непонятное Биллу слово, в него палили уже из пяти стволов. К ужасу Билла, это даже не сбilo хозяина особняка с мысли.

— Срань господня! — выдохнул Билл. Знающие его люди сказали бы, что если уж дело дошло до богохульств, значит дела у Билли идут не лучшим образом. Билл вскинул винчестер и открыл лихорадочный огонь. Ругань и выстрелы — так выглядит испуг солдата.

Глава 26. Веское мнение

Падающие на пол гильзы звенели глубоко и музыкально. Странно, что Билл слышал этот звук. И еще страннее, что звук казался таким красивым. И вообще, прямо сейчас шурясь сквозь пороховой дым, чувствуя терпкий запах застоявшегося пота от себя, Билл вдруг понял, что еще никогда не был в таком красивом месте, как это. Вбитая намертво привычка смещаться после каждого выстрела, заставляла Билла широко шагать по длинной дуге, удерживая между собой и хозяином этого места не меньше десяти шагов. И почему-то Билл то и дело отвлекался от цели. Его взгляд притягивали то лепнина под потолком, то невероятно красивые груди статуи, то вышитые золотом узоры ткани, прикрывающей окна.

Единственное, что портило это место, так это его хозяин. Но портил он его просто адски.

Со стороны вампир выглядел просто напыщенным дураком. В нелепой одежде из тяжелой блестящей ткани, с неудобными, слишком широкими рукавами. Очень высокий, но одновременно какой-то сгорбленный. Его бледное лицо вызывало недоумение. Если можно назвать недоумением то чувство, когда смотришь на белую как свежие подштанники ожившую маску. Что хуже всего, хозяин дома не только портил его своим присутствием, а еще и никак не хотел умирать.

Билл был уверен, что он попал в этого бледного идиота. Конечно, может Билл и не самый великий стрелок в Дивизии, но вот так, в упор, да с шести попыток — уж разок то он был попал. Тем не менее приходилось признать очевидное — винчестер уже разрядился, а вампир стоял целехонький, по прежнему бормоча какую-то чушь.

Ни одной новой дырки, а ведь в него палили все. Валентин, Гарри, Усатый и даже Джим. Хотя нет, насчет Джима Билл был неуверен. Сержант начал лихорадочно перезаряжаться и машинально глянул в ту сторону, где стоял Джим. И замер от ужаса — парнишка ведь должен стоять прямо за вампиром. Как ни странно, но Билл увидел Джима прямо через вампира. Парень валялся на полу, стена над ним была буквально изрешечена пулями. Но, похоже, мальчонка умудрился не поймать ни одну. Он отполз в сторону, громко причитая, а потом вытянул руку с револьвером в не туда, где стоял вампир и начал стрелять в сторону лестницы.

— Ты что, спятил? — пробормотал Билл и вдруг понял, что Джим не причитает. Он считает. Считает вслух. Зачем? А затем, что он единственный, кто тут умеет думать.

— Не стрелять! — заорал Билл. — Это морок! Это морок! Перекличка! Первый!

— Второй! — эхом откликнулся Гарри. Это был дурацкий старинный прием из

дивизии, на случай подозрения на наведенный морок. Нужно сосредоточиться, отвлечься от запутавших тебя фантазий. Когда приходится следить за тем, кто и какой номер крикнул, и сообразить какой по счету ты, задурманенный мозг резко переключается и обычно сбрасывает с себя наваждение. Несмотря на простоту, это был один из двух самых действенных приемов для снятия наваждений в Дивизии.

— Третий! — отозвался Валентин. Усатый, похоже, Билла не слышал. Или не стал слушать и продолжал палить. Билл вдруг понял, что находится прямо на линии огня Усатого. Чертыхнулся и бросился в сторону.

Валентин развернул к себе ополченца и отвесил ему звонкую пощечину. Потряс, заглянул в глаза и отвесил еще одну. Это и был второй самый действенный способ. Взгляд Усатого приобрел осмысленное выражение.

— Неплохо, — сказал вампир. Он стоял у лестницы. Теперь Билл видел его. Видел без прикрас. Голос у него был все тот же, но стал странным, словно в звуки голоса вкрадывались скрипы натягиваемых жил и шорох влажного дерева. И выглядел вампир без морока немного по другому. Ткань и одежда была похожа. Но вот лицо. Морда вытянутая вниз, смехотворно маленький рот на огромном подбородке и огромный, загибающийся кверху нос. Пожалуй, не у каждой лошади голова была такого размера, как одна только рожа вампира. Да и остальное тело вызывало инстинктивное отвращение. Скорее задрапированное, чем одетое. Если бы тент для грузовика пошили с лацканами и карманами и накинули на огромную личинку майского жука, получилось бы очень похоже. Билл присмотрелся к кольшущимся бокам вампира, затянутым в дорогую ткань и всерьез заподозрил, что у того вдоль боков растут еще несколько пар рук.

Вампир неуклюже, переваливаясь как утка, двинулся вперед, по направлению к Биллу. За его спиной по лестнице поднималась свита. Мужчина и три женщины в красивых платьях и костюмах. Все они держали в руках оружие. К счастью, никакого огнестрела, только сабли и шпаги. И деформированные, белые, гротескные лица, похожие на маски. Вампирский молодняк, надо думать. Билл перевел взгляд обратно на главного. И обратил внимание на дырки в его рубахе и пару маленьких дырочек на щеке. Похоже, Джим попал. Вампир гордо вскинул голову назад, как пушки наведя на Билла ноздри. Говорил он крохотным, таким странным на огромном лице ртом, почти его не разжимая. Только сейчас Билл разглядел, что на вампире надет белый парик с затейливыми локонами. Парик был обычного размера, но на огромном лице он терялся.

— Ах, я так впечатлен! Сбросить моё наваждение может далеко не каждый...

— Вчера я наложил по настоящему огромную кучу, — перебил его Гарри. Он говорил так громко, как только может говорить очень злой человек, не переходя на крик, — Представляешь, Билли?

— Да, ты знатный засранец, Гарри, — откликнулся Билл, делая несколько шагов в сторону, чтобы не оказаться на линии огня у Гарри.

— И вот что, забавно, Билли. Выглядело куча просто омерзительно. Но, все равно лучше, чем этот хмырь, — продолжил Гарри.

Вампир приподнял одну из своих бровей. Билл готов был поклясться, что она нарисована. Рядом раздался звон стекла. Билл бросил быстрый взгляд и увидел, что Джим достал с витрины оба револьвера с двойными барабанами.

— Это не твоё, — совсем уж нечеловечески прошипел вампир. — Не лапай экспонат своими...

— А знаете, чем ваша куча дерьма выгодно отличается от этого, — Джим небрежно показал стволом в сторону вампира, одновременно проверяя патроны в барабане.

— Чем же Джим, — ответил Гарри искренне заинтересованным голосом.

— Её мнение все еще важнее, — некоторое время все присутствующие замерли, задумавшись. А потом загоготал Усатый.

— Хватит, — рявкнул вампир. — А ведь я хотел вас просто убить!

Неожиданно дверь внизу стены, та в которую сунулся было Билл и которая была заперта, вылетела из косяка. Из дверного проема вышел Йем. Он деловито огляделся, и двинулся напрямик к вампиру.

— А ты говорил, он зайдет сзади, — прошептал Билл Джиму, благо тот стоял рядом.

— Я хотел, — ответил рейнджер, услышавший его даже издалека, — Но я заблудился. Пришлось идти на выстрелы.

— Так, все, хватит. Убейте их всех. — проговорил вампир, — Но этот мой!

Он показал чудовищно длинным и кривым как ветка пальцем с длинным когтем на Джима и двинулся прямо к нему. Те существа, что стояли за его спиной, молча двинулись каждый к своей жертве.

— Видит Зарагуштра, я просто защищаюсь, — громко сказал Йем и вытянул вперед руки в которых уже были револьверы.

Кто-то еще что-то крикнул. И продолжал кричать. Но кто и что именно Билл уже не слышал — началась пальба и забила все звуки. Но, может оно и к лучшему, ведь сам Билл просто громко богохульствовал.

Глава 27. Возмездие

Немертвые могут быть неудобными противниками. Могут быть опасными. Но уж наверняка это просто омерзительные твари. При должной сноровке убивать их можно. За долгие годы люди изучили их слабости и даже ребенок знает, что соревноваться с упырем в беге затея глупая, а вот костяной паук медлительный и неуклюжий. Упирь боится огня и не зря — если его поджечь, то может сгореть до золы за минуты. А костяной паук почти не боится огня, зато легко запутается в проволоке и совсем не держит хороший удар даже простого молотка.

Есть свои хитрости и для горги и даже для живоглотов.

А вот с вампирами Билл не сталкивался. Поэтому не стал рисковать и сразу взялся за слипвэлл. Кинувшаяся на сержанта девка в платье из тяжелой ткани, из такой только пиджаки шить, и с неприлично голыми плечами, вдруг распахнула пасть. Огромная такая пасть. Не как у живых, а как у упырей — четырехсоставная, раскрылась как лепестки адского цветка, усеянного треугольными зубами. Вот только махонькая пасточка. Ну какая там упырячья пасть на человеческой голове. Каждый лепесток-челюсть максимум в ладонь длинной. Билл от такого зрелища даже слегка успокоился. Он бы со своим слипвэллом и против упыря смог немного продержаться, а эта явно похлипче будет. Но проверить его догадки Биллу не дали — в дело вступил Джим. Парнишка был бледный, глаза испуганные, губы искусаны — но стволы держал как надо.

Выстрел за выстрелом он всаживал пули в бегущую к ним вампиршу. Палил с двух рук. В каждой — револьверы со сдвоенными стволами, подобранные тут, на витрине. Сначала стрелял в тело, чтобы сбить скорость. Когда вампирша остановилась, тратя все силы чтобы удержаться на ногах от все новых ударов пуль, перенес прицел на голову. Хватило одного удачного выстрела — две пули вошли в пасть и разметали череп недоупыря по полу. Билл осторожно присмотрелся к ошмёткам — похоже мозг не ушел внутрь тела, как обычно бывает у матерых упырей, и сейчас сероватая каша вытекала из разбитых костей почти не деформированного черепа.

Билл подошел поближе и рубанул “красотку” по шее. Шейка у неё была девичья, тоненькая, так что даже узкого лезвия, рассчитанного на то, чтобы дробить панцири костяных пауков и черепа упырей, хватило чтобы перерубить её начисто.

Башка вампирши отлетела в сторону и шмякнулась на пол, пастью кверху, став еще больше похожа на уродливый красный цветок с зубами. Тело осталось стоять, взмахивая руками. Это нормально для неживых, недохнуть как люди, сразу. Опыт подсказывал Биллу, что тварь мертва.

У старшего сержанта появилось время, чтобы оглядеться и отдать ценные указания. Чем он тут же и занялся.

— Перезарядись, пацан! — рыкнул он Джиму.

Гарри перезаряжал винтовку и без напоминаний. Тем же были заняты и Валентин с Усатым наверху лестницы. Не считая главного, все вампиры были мертвы. И даже валялись на полу, конвульсивно подергиваясь. В живых оставался только тот, видимо, главный. Который говорил с Биллом. Но и он выглядел не лучшим образом.

В него не стреляли потому, что рядом с ним был рейнджер. Как и подозревал Билл, у

вампира было что прятать под своим чехлом-одеждой — сейчас из его тела торчало с пяток длинных лап, как у костяных пауков, оканчивающихся зловещими когтями. Еще столько же обрубков валялось на земле. Рейнджер, со своим огромным ножом в руках, ловко порхал вокруг вампира, то и дело кромсая его тушу сильными ударами.

Чудовище выглядело... Испуганным? Билл даже удивился.

Вампир отшатнулся назад, потеряв сразу две конечности. Относительно человеческие руки он прижимал к груди, будто боясь их потерять. Йем занес свой огромный нож над головой, словно собирался дрова рубить, и начал обходить своего противника по кругу. “Хочет отрезать его от лестницы вниз” — понял Билл. Сержант тихонько двинулся к вампиру. Походя сбил с ног обезглавленную тело. Шел Билл неохотно. Но шел. Мало ли, хоть со стороны и не скажешь, но вдруг рейнджеру понадобится помощь.

Вампир заорал. Вернее, попытался угрожающе зарычать, широко распахнув пасть. Собственно, его огромная голова и была почти целиком пастью. Раскрылась как чемодан, только на четыре части. При некотором усердии в эту красно-желтую, усеянную зубами воронку, можно бы было сложить мешка четыре муки. Билл от такого зрелища замер. А Йем — нет. Рейнджер, будто только того и ждал, кинувшись вперед и рубанул наискосок по пасти.

Вампир потерял половину голову и, уже совсем не страшно визжа, бросился к лестнице ведущей вниз. Рейнджер скользнул за ним. Новый взмах и чудовище падает, потеряв ногу. Еще пара взмахов — и отсечены вслепую бьющие когти. Рейнджер вспрыгнул на тушу, перехватил свое оружие лезвием вниз и всадил его глубоко в тело поверженного чудовища. Остатки вампира все еще дергаются. Но опыт снова подсказывает Биллу — тварь мертва.

Рейнджер вытащил меч, спрыгнул с туши, достал маленький флакончик и вылил его содержимое на поверженного вампира. Тут же вспыхивает огонь — видимо, это была самовоспламеняющаяся жидкость.

Билл наколол шипом “свою” вампиршу, подтащил её к костру и бросил тело в огонь. Голову допинаывает Джим. Остальные занялись тем же. Некоторое время все постояли вокруг чадно дымящего костра, изредка покашливая — некроплоть вампиров горит не как обычное мясо, а дает куда меньше мерзкого запаха и жирного дыма. Но дает. А тут её было много. Билл убедился, что огонь не будет распространяться, благо пол, не считая красной дорожки, был каменный.

— Таковую гадину завалить! Как ты умудрился? — вдруг спросил Усатый. — Да кто вы, рейнджеры, вообще такие?

— Просто небезразличные ко злу люди, — ответил Йем.

— Потом потрындим! — рявкнул Билл. — Надо проверить нору из которой они выползли. Мы тут одного гнома ищем, не забыли?

Они медленно и осторожно спустились вниз по лестнице. Фонарик, разумеется, оказался с собой только у рейнджера, к счастью тут были лампы в нишах. Они миновали несколько десятка три ступеней и пришли в небольшой зал, больше всего похожий на гостиную в отеле. Диванчики, столики, бар, несколько дверей в разных направлениях. Разве что пусто, без людей.

Они начали проверять двери по очереди.

За одной была спальня. Очень богатая, насквозь пропахшая немертвыми. Билл с сожалением посмотрел на шкафы с богатой одеждой и расшитую золотом и серебром ткань на огромной кровати — понимая что некросы терлись об эту ткань своими телесами.

Хорошая, конечно вещь, но он теперь к ней не притронется. Разве что, может на портянки? Билл с силой отогнал соблазн — не хватило еще подцепить скверну таким идиотским способом.

Быстро осмотревшись, они двинулись дальше. Еще пара спален поменьше, подвал с бутылками и, неожиданно, кухня.

Билл был не мастак готовить, но даже он понял — готовили тут не то, что готовят у приличных людей. Прямо рядом с огромными противнями, в клетке, сидел голый Трак.

— Где вас носило, идиоты? Не иначе заблудились? Наверняка! Вам даже дырку в жопе найти, и то карта нужна! — тут же разорался бородач. Выглядел он не очень. Весь в синяках и глубоких царапинах, борода висит клочьями. Даже голос слегка подрагивал. Билл сбилл замок с клетки своим слипвэллом, потом стянул с себя плащ и отдал Траку. Тот немедленно надел его. Посмотрел с благодарностью, но ничего не сказал. Билл отдал Траку и винчестер с патронташем.

— Трогательная сцена спасения, все плачут от радости, — весело сказал Джим. Билл с удивлением оглядел угрюмые рожи. Никто не плакал. Тем временем парнишка продолжал. — Берите себя в руки и топаем назад. Нас там в крузере заждались!

— Обожди, — буркнул Трак. Он уверенно прошлепал босыми ногами к выходу. Потом, так же уверенно, зашел в одну из спален. Тут, уже с некоторой неуверенностью, постоял озираясь. Наконец начал проверять шкафы.

— Я бы не советовал тебе брать эту одежду, — ровно сказал рейнджер — Подхватишь скверну...

— Я и не собирался, — фыркнул Трак, шебурша стволом винчестера в одном из шкафов. Повернулся, снова внимательно осмотрелся. Увидел сундук в углу. Подскочил к нему, распахнул крышку. И тут же отпрыгнул, чуть не упав, запугавшись в полах плаща.

— А ну вылазь! Руки покажи! — заорал Трак.

В сундуке пряталась женщина. В платье, отдаленно напоминающем униформу служанки дорогого отеля, только много богаче. Присмотревшись, Билл понял, что это та женщина, которую он видел во время засады. И девочка тоже была здесь — женщина отчаянно пыталась загородить её собой, но врядли это возможно, когда ты вылезаеть из сундука под прицелом целого куста пахнущих порохом стволов. Трак не дал ей вылезти до конца, подбежал и сунул кулаком в нос. Женщина, охнув, свалилась обратно в сундук.

— Мамочка! — закричала девочка.

— А ну вылазь я сказал! — снова заорал Трак.

Им пришлось потерпеть. Женщина вылезла снова, но куда медленнее и с большей опаской. Её красивое лицо было перекошено от страха. Она силилась что-то сказать, но только всхлипывала. Из носа красной струйкой бежала кровь вперемешку с соплями.

— Человек, — удовлетворительно выдохнул Трак, внимательно рассмотрев кровь. Повернулся к остальным, добавил: — За главную тут была, пока мертвяки дрыхли.

Остальные заметно расслабились. Джим спрятал свои странные револьверы в кобуру.

— Показывай! — рявкнул Трак женщине. И, видя, что она не двигается, подтолкнул к выходу. Схватив девочку за руку, женщина буквально побежала к выходу, протиснувшись мимо Билла вдоль стенки.

Трак и остальные последовали за ней.

Они вернулись в гостинную, из которой прошли к массивной двери, открыть которую очередь еще не пришла. Женщина сунула в замок массивный ключ, висящий на у неё на

поясе, в связке с другими похожими. Провернула и распахнула дверь. Женщина попыталась отступить в сторону, но Трак грубо толкнул её внутрь.

За дверью была тюрьма. Трудно предположить что-то еще, когда вокруг прутья клеток и люди с испуганными лицами.

Отпирая двери камер они прошли камер десять. Пленники были почти в каждой. Нельзя сказать, что выглядели они изможденными. Всего несколько молодых парней, в основном девушки и дети.

Особой радости по поводу своего освобождения люди в клетках не испытывали. Скорее уж наоборот. Они испуганно жались в глубине своих камер и молчали.

— Мы вас освободили! Монстр мертв! Вы свободны! — крикнул Джим. Ему никто не ответил.

Трак знал куда идет — он конечно отпирал камеры, но было видно, что делает это походя, между делом. Основная его цель была в глубине тюрьмы. За отдельной, массивной дверью. Остановившись перед этой дверью, экономка — а кто бы еще это мог быть — уже привычно закрыв собой дочь, начала было что-то лепетать. Трак даже не стал её слушать, а просто протянул руку и снял с её шеи массивную цепочку с вычурным ключом. Который идеально подошел к замку в в двери. Он открыл дверь и втолкнул туда первой, опять таки женщину с ребенком. И только погодя пошел сам, пробурчал остальным:

— Присматривайте за ней. И ничего не трогайте, там могут быть ловушки.

Билл старался идти след в след и ничего не трогать. Но ловушек там не было. Зато были три молодых человека. Двое юношей и девушка. Прикованные цепями к стенам, с уродливыми устройствами на голове. Похожие на жутковатые часовые механизмы из-за пружин и шестеренок, эти агрегаты равномерно щелкали с каким-то неприятным, влажным звуком. Только присмотревшись, Билл понял, что эти устройства то и дело пронзают тонкими иглами шею и затылки несчастных. Те безвольно дергались и глухо стонали. Судя по всему, эти устройства причиняли им жуткую боль.

— Что это?! — с ужасом выдохнул Джим, делая шаг по направлению к девушке. — Зачем вы это делаете?

— Это молодые господа, — ответила женщина, чьё имя Билл так и не удосужился спросить. — Это большая честь, быть выбранными в...

— Они инфицированы, — перебил её рейнджер. — Нарочно. А эти устройства шпигуют их серебром, чтобы они не обратились окончательно, а превратились в вампиров. Я прав?

— Ааа... Да... — запинаясь кивнула их невольная гид.

— А если не срабатывает, делаете из них ручных упырей, — закончил рейнджер. — Обычно не срабатывает.

— Это не упыри, а защитники! Все ценят их жертву! — неожиданно вскинулась экономка. Она повысила голос и расправила плечи. Но её бунт был тут же оборван — три выстрела прозвучали один за одним Очень быстро, будто стреляли залпом трое, но немного в разнбой. Это рейнджер прострелил головы всем трем. Джим, который уже тянул руки, чтобы освободить девушку, ошарашенно замер, видя как она поникает с дырой в виске.

— Только люди пытаются обратить на пользу чистое зло, — прокомментировал рейнджер.

— Дальше! Веди, не стой! — подтолкнул Трак экономку, которая после стрельбы тут же утратила весь свой боевой запал.

Они прошли дальше, попали в зал, смахивающий на мастерскую. Трак огляделся вокруг

с таким же лицом, с каким, должно быть, Билл смотрел на одежду в спальнях вампиров.

— Где? — рявкнул гном на женщину. Та безвольно показала на массивный железный шкаф у большого деревянного стола. Дверцы были приоткрыты.

— Иди, открой, покажи! — продолжил отрывисто командовать Трак. И полуобернувшись к Биллу заговорил, будто отвечая на незаданный вопрос. — Ключ был у главнюка, но с бумагами работала она. А ублюдку было лень каждый раз ходить сюда отпирать. Оставлял открытым. Повезло. А то, так-то это ж сейф. Пришлось бы повозиться.

Женщина открыла толстую дверцу. Билл замер, не веря глазам. Шумно выдохнул за его спиной Гарри.

В “сейфе” лежали деньги. Много денег. Сотни и сотни монет.

— Это принадлежит Ривертауну! — жестко рявкнул Трак.

— Кто сколько утащит, то и его! Не хватало еще тут собачиться! — куда более жестко рявкнул Билл.

— Так будет честно. По справедливости. — добавил тихим голосом Гарри, и Билл готов был поставить половину вон того мешка, что еще никто не произносил “по справедливости” так зловеще.

Рейнджер молча вышел.

На самом деле без небольшой перебранки не обошлось. Затеял её гном, но заткнул его, как ни странно, Джим.

— Мы поможем тебе нести бумаги. Или давай сожжем тут все, а тебе отдадим все деньги?

Золотые и серебряные доллары штука тяжелая. К счастью, их оказалось не так много, как показалось Биллу с испугу. Каждому досталось по паре небольших мешочков. Крепенькие, кожаные, нашлись тут же. А два больших тюка с книгами и бумагами Трак взвалил на себя сам.

Перед тем как уйти, Билл посмотрел на жмущуюся в угол женщину.

— Может тут еще что интересное есть?

Та испуганно замотала головой, но потом резко закивала.

— Снаружи шум, — донесся от двери голос рейнджера. — Кажется, круизер стреляет.

— Ладно, поскакали! — рявкнул Билл. — Тем же путем, как пришли. Обрато к круизеру. Трак, ты позади!

— Подожди, старший сержант, — сказал Валентин, до того сохранявший молчание. Он подошел к женщине и спросил: — Тот человек, над телом которого ты стояла, кто он?

— Я... Я... Не знаю, кажется фермер не хотевший платить налог... — запинаясь ответила та, обнимая обеими руками дочь. Та прижалась к ней, спрятав лицо в материнском платье и, судя по дергающимся плечам, беззвучно плакала. — Мне было так страшно. он заставил взять с собой дочь... Самое ценное для меня, моя дочка... У вас есть дети?

— А я думал это твой муж, — удивился Гарри. — У тебя лицо такое было...

— Ты ведь могла остаться, но сама вызвалась помочь с засадой? — вкрадчиво спросил Валентин.

— Ты не понимаешь... Я не могла по-другому! — закричала женщина и вдруг упала на колени. Зарыдала... — Я так боялась, я так боялась... Меня заставили... Они... Они...

— Слышал бы ты её полчаса назад. Я думал, она тут главная. Ходила, на слуг покрикивала. Рассказала как меня готовить будут... — хмуро сказал Трак.

— Я просто лгала... И... Мне было приказано тебя напугать... — всхлипывала

женщина.

— Ты смотри, и в засаде, и по деньгам, и на кухне. Везде главная. Хорошо служила, выходит? — снова сказал Валентин. Билл заглянул в его лицо. Валентин говорил странным тоном. Голос, вроде нормальный, даже доброжелательный. Он никогда раньше не слышал таких интонаций, но они определенно сержанту не нравились.

Женщина вдруг тяжело вздохнула. Перестала рыдать и подняла на Валентина заплаканное лицо. И с чудовищной тоской в голосе сказала:

— А как иначе? Или полезным быть, или вон, — она мотнула головой в сторону двери ведущей к тюрьме. — А у меня ребенок! Я же не для себя, для дочки!

— А, ты не для себя старалась. Для детей, — кивнул Валентин. И прежде чем кто-то успел что-то сделать, он вскинул ружье и прострелил девочке голову. Некоторое время все, включая мать ошарашено смотрели на труп. Наповал, это уж точно — половина содержимого черепа ребенка выбило пулей на стену, половину расплескало по платью матери.

Первым оправилась женщина. Со страшным, нечеловеческим, рыком, она выудила из волос длинную спицу и кинулась на Валентина. И получила сокрушительный удар прикладом в челюсть, отчего тут же кулем свалилась на пол.

— Все, можно идти, — сказал Валентин и первый двинулся к выходу.

Они прошли назад. Пленники из камер так и не вышли.

— Вампир мертв! — крикнул им Билл. Они продолжали испуганно смотреть на них.

— Что вы намерены делать, сержант? — шепнул Джим сержанту. Билл вздохнул. Он надеялся, что это не придется обсуждать. Но парнишка настиг его, когда они поднялись в зал, в котором дрались с вампирами. Билл на секунду задержался, подошел к одной из витрин. В ней лежала красивая кольчужная рубаха и нечто, отдаленно напоминающее слипвэлл, только с длинным и широким клинком на конце.

— Ты смотри какая красота, — сказал Билл. Разбил стекло, достал штуковину и принялся рассматривать. Затейливая вязь украшений. И привычный вес. Билл на пробу взмахнул пару раз. — Интересно, что это за штука.

— Это протазан, — ответил Джим. И повторил, — Так что вы намерены делать, сержант?

— С чем? — спросил Билл, задумавшись. Протазан, значит. Надо немного приноровиться к нему. И, наверное, будет Билла вместо слипвэлла.

— Он убил ребенка! — вдруг крикнул Джим. Голос его, и без того по детски высокий, сорвался, дал петуха. Все обернулись на вскрик, сжимая оружия.

— Все, заканчиваем и идем дальше! — рявкнул Билл, а потом схватил парнишку левой рукой за рубаху и хорошенько встряхнул. — Заткнись и гляди в оба.

— Но... — не сдался парень. Яйца у него есть.

— Я. Сказал. Заткнись, — прорычал Билл. И отшвырнул парнишку. Тот едва удержался на ногах. Уже поднявшись по лестнице и идя по коридору, Билл видел, как Джим что-то шептал рейнджеру. Билл напрягся. Но рейнджер ответил. Слишком громко и внятно:

— Поэтому орден никогда не лезет в дела людей. Мы только защищаемся. но никогда не выбираем ничью сторону.

Джим поник. До выхода они добрались без приключений. Если не считать того, что их встретила стрельба за окнами.

Глава 28. Спокойный путь

Выйдя из особняка вампира Билл и остальные обнаружили совершенно удивительную картину. Крузер, стоявший сейчас посреди горящих обломков техники, прямо на смятой и раскатанной чуть ли не в блин пушке, отстреливался от толпы.

Ну, как отстреливался. один из вынесенных в спонсоны гатлингов, время от времени давал длинную очередь, чертя пулями борозду в земле. Поодаль толпились люди. Горожане. Женщина в чепчиках и длинных платьях, мужчины в черных пиджаках и белых рубашках. Были даже дети. Оружия Билл не видел. Если не считать за оружие факелы и вилы. Правда были подозрительны группы мужчин поодаль, в длинных плащах не по погоде.

Толпа орала. Что-то про то, чтобы “мародеры и бандиты убирались”, пока господин Лин их не поубивал.

— Ты смотри, бурдюки охамели, — искренне удивился Гарри.

— Что за господин Лин? — насторожился Билл.

— Это которого вы вальнули, длиннорожий такой, — подсказал Трак.

— А тут поблизости другого такого нет? Мстить не прискачут толпой? — запоздало забеспокоился о последствиях Билл.

— Обязательно прискачут. Вампиры страсть какие злопамятные. Сегодня им на ногу наступишь, через двадцать лет найдут, пристрелят, и еще десять лет на могилу ходить будут, гадить, — ответил Трак.

— И как быстро придут? — хмуро уточнил Валентин. Он и Гарри настороженно целился в толпу.

— Я, конечно у них пожил, но не сказать, чтобы долго, — рассудительно ответил Трак и тут же добавил насмешливым тоном. — Да откуда мне знать, Билли.

— Скорее всего, не скоро, — вдруг сказал Джим. Заметив, что на него все поглядывают, он объяснил. — Ну, по жилью же видно. Он тут как патриций... Эээ... Как фермер. Эти вот, вокруг, — Джим махнул рукой на город и толпу, — его грядки. Значит, сосед его такой же, не сильней, не слабей. И далеко, чтобы за грядки не бодаться. Может у них есть кто-то главный, с большой армией. Пока еще до него весточку донесут... В общем, я бы погони не боялся.

Вдалеке заработали паровые поршни и только по удаляющимся в темноте искрам Билл понял, что рейнджер оседлал свой трицикл. И, тем самым, счастливо избежал обратного путешествия внутри гномьего крузера. Билли выругался. Мог бы и его с собой забрать. Билл же видел, там за спиной у рейнджера есть вполне сносная на вид скамеечка для пассажиров.

Остальные принялись обсуждать. Биллу не понравилось это снисходительное утверждение. Парнишка придумал, сам поверил, всем сказал. А доказательства какие?

Тем временем они добрались до крузера. В этот раз гномы гномить не стали — открыли дверцу в борту крузера и приняли на борт всех. Не так уж их и много осталось. Внутри крузера было очень жарко и тесно. И, хотя надсадно гудящие вентиляторы гоняли по внутренностям воздух, был он горячий и вонял гарью. Люди, цепляясь за стены и косяки оружием и сумками, пробрались в нечто вроде “кают компании”. Тесной комнатки с низкими потолками. Вдоль стен откидные лавки, на стенах гамаки.

— Набились, как рыба в садок, — простонал Гарри. — Воздуха дайте!

Снаружи послышалась стрельба. Громко, отчетливо — гатлинг крузера. А потом и глухой удар.

— Пушка! Из пушки гномы палят! — осенило Джима. Билл оглянулся вокруг, в поисках Трака, но тот куда-то исчез.

— Ждать тут, схожу узнаю что там! — рявкнул Билл, остро почувывший — его люди чувствуют себя уязвимыми и могут удариться в панику.

Билл протолкался по тесным лесенкам наверх, в “рубку” крузера. И обнаружил, что крузер уже довольно далеко отъехал от вампирского поместья.

— Так, шуганули для острастки, чтобы за нами не пошли, — прокаркал Трак, увидев Билла. Он сейчас стоял в одних кальсонах рядом с рулевым колесом. В руках держал штаны и брезгливо их осматривал. Рядом стоял Уильям и с точно таким же выражением смотрел на Трака. Не иначе, как Уил поделился с любимым братцем запасной одеждой.

— Потрясающе! А как вы управляете рулем? Я думал, что у вас будут рычаги! Крузер же на гусеницах! — раздался из-за спины Билла. Сержант обернулся и обнаружил потного, но восторженного Джима, который с любопытством осматривал рубку.

Судя по хмурым рожам и молчанию бородачей, парнишка сказал что-то не то.

— Джимми-парнишка, будь другом, сходи вниз, скажи что все в порядке. Мы уже отъехали от город бурдюков.

— И ща за нами никто не едет, — добавил Трак.

— И погони нет, — добавил Билл. Подождал пока парнишка юркнет вниз. Пробрался поближе к траку.

Гномы рискнули слегка раздвинуть бронестворки и из щели на лицо Билла пошел поток освежающего ночного воздуха.

— Пока вас небыло, я тут подумал, — сказал Уильям. — И понял, что как ни крути, а засаду нам поставить они могли, только зная откуда и куда мы едем.

— И когда, — добавил Трак.

— Поэтому мы решили сменить маршрут, — продолжил Уильям погладив бороду.

— А вода, а уголь? — недоуменно спросил Билл.

— Есть варианты, — сказал Трак. — Тут закавыка в том, чтобы не сломаться по дороге.

Билл помолчал. Потом спросил:

— А если сломаемся?

Помолчали гномы. Потом Трак сказал:

— Починимся. Может не сразу. Но скорее всего сами починимся. Или придется гонцов к нашим на побережье посылать.

— Рейнджера пошлем, — ответил Билл. Оба бородача синхронно помотали бородами в жесте отрицания.

— Да что ж вы так рейнджеров не любите? — в который раз удивился Билл.

— Не важно. Идти, Билл, придется тебе и твоим людям. Подумай, не торопись. Справишься, или дальше по маршруту идти, не рисковать? — сказал Трак.

Билл задумался. Риск был. И большой.

— Я всякие претензии на то, что вы из сейфа вампирского взяли, сниму. Бумагу составлю, что ваше все, — вкрадчиво сказал Трак.

— А что они взяли? — заинтересовался Уильям.

— Обожди, — отмахнулся Трак. — Ну, что скажешь сержант.

— Опасно очень, — наконец сказал Билл. — Можем не дойти. Или дойти, но не быстро.

Без лошадей-то.

Трак яростно подергал себя за бороду. Странно, но тело у него было почти безволосое.

— Значит тогда так. В следующий город придем. Вряд ли нас там ждать будут. Те, кто зла желают, я имею ввиду. Или вторую засаду успеют приготовить. Лошадей там прикупим. А потом с маршрута сойдем.

— Никаких лошадей. Пару грузовиков там надо, вот чего. Тогда быстро обернемся. И запчасти привезем, какие надо.

— Верно! — согласно кивнул Трак.

— Надо было у бурдюков грузовики забрать! — аж взвыл от досады на неожиданные траты Уильям.

— А что ж ты, дурья твоя борода, не взял?! — накинулся на него Трак. — Без меня думать разучился?!

Начались обвинения. Если не считать препирательства между гномами, которые не прекращались не на минуту, все вышло по задуманному.

Они вернулись обратно, найдя вагоны и засевших в них ополченцев в полном порядке. Подцепили их и двинулись дальше. Купили в следующей городке пару грузовичков, запас газа и воды, ушли чуть в сторону от наезженных путей. Ехали не по маршруту, зато выходило даже быстрее. Воду пополняли из рек и озер, это портило котлы и настроение гномов, но круизер давал нормальную тягу.

Сломался он всего пару раз. Один раз лопнула гусеница, пару раз выходили из строя механизмы — но каждый раз ремонт не затягивался больше, чем на пару часов.

По настоящему сломался круизер на горной дороге. Взобравшись на крутой склон, с трудом, когда казалось уже все позади, круизер пополз вниз и тут лопнуло хитрая штукавина на ведущем шестеренчатом колесе. Билл, хоть и был в механических делах дурак дураком, а и то посмотрел, как вывернуло колесо из гнезда, сразу понял — не починятся.

Гномы постояли вокруг, глухо переговариваясь. Билл расслышал почти все, но понял только то, что какую то штуку согнуло, а разогнуть её хоть и можно, но держать не будет.

— До Риверпоинта всего дня два пути осталось. А если по прямой то и меньше, — сказал наконец Трак. Громко сказал, чтобы стоявшие поодаль от гномов Билл с сержантами услышал.

— Так, может, мы сгоняем туда, за железякой вашей? — потрудился проявить инициативу Билл. Договаривались же. — У нас, вон, и грузовик есть!

Грузовик у них был. Правда, один. Купили два, но один пришлось бросить по дороге — ломался часто. Гномы его на детали раскурочили. Зато второй держался хорошо. Гномы купили дорогой и хороший — другого не было. С толстыми бортами из дюймовых досок, большими колесами, железным тараном на кабине. Не иначе, раньше на нем в Древние Руины за хабаром ходили. Не броневик, но очень похож.

— Ну, так и быть, — Трак задумчиво кивнул. Со стороны посмотришь, так будто его Билл три дня уговаривал.

— А стоит? — засомневался Гарри. Оказаться вдали от надежных стен человеческого жилья, в их случае, вагона, в поросшей деревьями неизвестной местности, это было опасно.

— Рейнджера с собой возьмем, — тихо шепнул ему Билл. А потом, громко, добавил, — Только вот что, Трак. Мало ли, что тут без нас случится. Ты письмо нам напиши, что мы честно серебро в бою взяли. Чтобы без претензий!

— Так я уже, — радостно отозвался Трак и выудил из кармана сложенный вчетверо

грязный листок. Билл принял листок и некоторое время глупо пялился в него.

— ай я посмотрю, — сказал Валентин. — Я читать умею.

Билл протянул ему листок. Валентин принял листок. Перевернул его. Потом наморщил лоб и с огромным усилием, водя пальцем по строчкам, начал читать вслух.

Переписывал Трак свое письмо еще дважды. Поэтому отправились в путь они только на следующий день.

С собой в грузовик Билл забрал всех своих сержантов и Усатого, которого звали Джо. Мало ли, вдруг его усы удачу приносят.

В грузовик сел так же и Джим-парнишка. Рейнджер, на приглашение не дожидаться ремонта, а добраться до Риверпоинта молча кивнул, и теперь сопровождал их на своем трицикле. Ездил вокруг, отъезжая очень далеко, то и дела пропадая с глаз вовсе.

Весь день тряслись без приключений, если не считать одну коварную яму, в которую грузовик провалился передними колесами. К счастью, обошлось, ничего сломано не было. Объехали, двинулись дальше.

Трак выдал Биллу отрисованную от руки карту, на которой были нанесены дороги Древних. Почти все — слишком разбитые для их грузовика. Но ориентироваться по ним было можно. Местность была пустынной, редкие дымки и высокие заборы одиноких ферм скрашивали одиночество путешественников, но приближаться к незнакомым людям они не стали.

День прошел почти приятно — ехать в грузовике, после тесноты и духоты вагона, было даже приятно.

На ночлег они устроились на высоком холме, чтобы был обзор.

Ночью Билл спал как младенец. И только на следующее утро, наконец, произошла первая, по настоящему крупная неприятность.

Глава 29. Опасные люди

Билл выбрал для ночевки небольшой холм в отдалении от леса. Это было правильно — с холма был хороший обзор, к тому же с него было удобнее отстреливаться, случись неприятности.

Был только один минус — на холме обычно отсутствует вода. Вода была неподалеку. Метрах в ста от холма тек то ли большой ручей, то ли маленькая речка к которому вплотную прижималась лесная опушка. Именно такие речушки доставляли грузовичку больше всего проблем. Приходилось искать брод или даже, иногда, рубить пару деревьев и мастерить настилы. Именно из-за этого они еще и не добрались до места назначения. Хорошо, что в это время года вода уже немного спала.

Джим, как самый молодой, был оснащен двумя десятилитровыми канистрами и отправлен за водой. За вечер ходить пришлось дважды. И все равно утром вода кончилась. Гарри, бывший у них за повара, растолкал парнишку так рано, что даже само небо еще казалось сонным.

— Сгоняй-ка за водой, парень, — прорычал Гарри и отошел от гамака. Джим уже пытался протестовать, но увы, бесполезно. Он кряхтя вылез из гамака, надел на себя пояс с револьверами, подхватил канистры и отправился к ручью.

Хоть это и подавалось под соусом “Джим сделай хоть что-то полезное, что даже ты можешь сделать”, поход за водой был делом непростым. Канистры были тяжелые идти с ними было тяжело. А подъем обратно на холм давался особенно трудно. Можно было упасть и как следует извалиться в пыли. Поэтому, наученный вчерашним опытом, Джим не стал одевать ничего кроме брюк и ботинок. Даже шляпу. И оружие. Конечно, двухствольные револьверы весили немало, но оставить себя без оружия Джиму и в голову не пришло. Джим с улыбкой припомнил, как заявился из пустыни безоружным в город. Как же этот город назывался? Впрочем, тогда ему повезло — городок оказался вполне приличным. Но сейчас Джим, пожалуй, предпочел бы появиться в том городе голым, зато с револьвером, чем наоборот.

Спускаться было легко, и Джим даже начал насвистывать песенку себе под нос. Нет, в самом деле, как же назывался тот город, где он упал на хвост Йему? Странно, совершенно вылетело из головы. А ведь Джим еще тогда подумалось, что он никогда не забудет этого места, столько там было для него удивительного.

Вскоре он добрался до воды. Снял ботинки и носки, закатал штаны и зашел в воду. Вода отдавала ночной прохладой, зато была прозрачной. Джим умылся, ополоснул себе шею и грудь. Вернулся к берегу, за канистрами. Зубы он почистит лагере, с кипяченой водой. Билл очень серьезно следил, чтобы все пили только кипяченую воду. Если, конечно, кто-то пил воду.

Место, где Джим набирал воду было не самое удобное, зато хорошо просматривалось с холма. Оставаться все время на виду ему тоже сказал Билл. Билл всегда давал указания таким тоном, что казалось, в конце предложения, вместо точки, сержант ударит. Но к такому тону, если тебя все же не бьют, быстро привыкаешь. Метрах в десяти от Джима, укрытый пушистым кустом от холма, был плоский, широкий камень с которого набирать воду было бы, пожалуй, удобнее. Но этот камень был совершенно не виден с холма из-за высокого и

густого кустарника выросшего вокруг него. Поэтому Джим и не пошел туда.

— Привет, — сказал Джим тощему типу который сидел в кустах у камня. Мужик лыбился неприятной улыбкой сквозь как минимум трехнедельную щетину и целился в Джима из обшарпанного древнего револьвера. Джим окинул его быстрым взглядом и, не дожидаясь ответа, подхватил канистры, пошлепал по воде обратно к центру ручья. Не торопясь.

Он успел отвинтить крышку первой канистры и начать её наполнять, прежде чем тип в кустах наконец решил ответить:

— Знаешь кто я?

Джим задумался. Голос у этого человека был высоковат и немного... Истеричен, что ли? Так, будто он уверен, что его слова сами по себе легко могут быть оспорены. Джим уже давно не слышал чтобы говорили так. А еще вопрошающий был в длинном, когда-то добротном, но сейчас угвазданом в иле и грязи плаще. А еще у него была мятая шляпа. Даже Йем, желая полазить в лесу, снимал шляпу. Скорее всего этот небритый хмырь пришел ночью. Перешел речушку и сел в засаду. Да, вон и следы на дне, как же Джим их сразу не заметил. Сидит тут, как минимум, пару часов — грязь успела подсохнуть. Но толком не замаскировался. Ну и в руке револьвер. А еще хитрый — выбрал единственное удобное место, где можно набрать воды... Точно, это не охотник. На фермера, отчего-то, тоже не похож. А может охотник, но не на зверей, а скорее на людей? Местный шериф, приехавший проверить, кто это ездит рядом с отдаленными фермами?

— Меня зовут Черный Джо! — сказал небритый хмырь в спину Джима. Его голос прозвучал с оттенком гордости. Джим едва не хлопнул себя ладонью по лицу. Ну конечно, этот тип спрашивал о имени. Это был риторический вопрос? Непохоже. Судя по имени, это бандит. Никто не называет себя “черным”. Вон, говорят, у гробарей есть некто вроде короля. И этот “король” по настоящему зловещая тварь даже на фоне остальных гробарей, что что-то, да значит. Но даже его называют “Белый Доктор”. Черным себя назовет только тот, кто хочет напугать своим именем. Значит это бандит и он ожидает, что его имя напугает Джима.

— Знаменитое имя, для этих краев, — осторожно ответил Джим. Он слегка приподнял канистру, чтобы она не наполнялась слишком быстро. Одновременно обшарил глазами кусты на противоположном берегу. Бандиты всегда одинаковы. Если этот демонстрирует отвагу, значит он мало чем рискует. Это с одной стороны. С другой, наверняка рядом есть и те, перед кем её надо демонстрировать. Не сразу, но Джим разглядел в тених ружейный ствол. Тень с ружьем притаилась далековато, шагах в пятидесяти ниже по течению.

— А теперь, щенок, медленно сними пояс с револьверами и брось мне! — прошипел Черный Джо.

— Не могу, — искренне вздохнул Джим. — Во-первых, на меня смотрит Гарри. Он может что-то заподозрить, если я вдруг сниму с себя оружие.

Джим демонстративно повернулся к холму и помахал рукой в сторону лагеря. Естественно, на него никто не смотрел. Черный Джо об этом вряд ли знал, ведь он тарачился в противоположную от холма сторону, на Джима. Конечно, ему могли подсказать подельники с другого берега, но до них, пожалуй, было далековато. Джим бы на таком расстоянии не разобрал ни слова. Джим побрел к берегу, увидел как запаниковал Черный Джо, одновременно стараясь спрятаться получше и вытягивая руку с пистолетом в сторону Джима. Это не дело, он ведь так и пальнуть может. Джим остановился, уместил наполненную канистру на плоском камне, выступающем из воды, подхватил пустую и

вернулся обратно на середину ручья. Зашел поглубже, не боясь намочить брюки. Начал неторопливо раскручивать горлышко второй канистры.

— Заткнись и бросай, придурок, или я прострелю тебе башку!

— Прости, Джо, ты не понимаешь, — Джим придержал канистру левой рукой и достал свой сдвоенный револьвер правой. Показал его Джо в профиль, держа небрежно и направив ствол в небо. — Смотри, тут ручка из слоновой кости. Если я брошу его, она может повредиться. Да и кто будет бросать оружие с ручкой из слоновой кости? — Джим вернул ствол в кобуру, чтобы не нервировать Джо. Одновременно сделав пару непринужденных шагов вверх по течению, тем самым увеличивая дистанцию между собой и его собеседником. А заодно и от того, кто прячется в кустах.

— Что за сл... слоновая кость? — спросил Джо с раздражением. Но и с любопытством Джим его понимал. Револьвер Джима, отжатый у вампира, был действительно необычной штукой. С двойным барабаном и двумя стволами, это оружие вызывало у людей жгучее любопытство. Всем так и хотелось повертеть его в руках.

— Ну, слоновая кость, — ответил Джим, лишь бы что-то ответить, одновременно косясь на заросли. Похоже, в лесу кто-то подбирался поближе к Джиму. Ломился, шурша старой листвой и зрустя ветками. К несчастью, тут склон плотно порос кустарником и ничего не было видно. Возможно поэтому тот стрелок и засел так далеко. Так, о чем мы? Джим продолжил дальше вслух:

— Слоны... Точно, ты же не знаешь, что такое слоны. В общем, я думаю, отделку этой ручки можно продать за золото по весу. Один к пяти, если в Гномтауне. Хотя, офицеры Дивизии заплатят и один к десяти, не торгуясь. Они понимают в роскоши, знаешь ли.

— Ты из Дивизии? — удивился кто-то на том берегу реки, прямо из большого куста совсем рядом с Джимом. — Бреешь! Туда год пути!

— Если сесть на пароход в Гномтауне, то меньше недели, — не согласился Джим. — А сейчас ещё пустили паровой дилижанс напрямую. Говорят, экономит еще пару дней. Но в дилижансе нет коек, поэтому спать придется сидя. Не очень удобно, так что я бы пока советовал все же по реке.

— А что во-вторых? — сказал Джо. Джиму не понравился тон, которым он это сказал. Как-то с издевкой. Будто Джо уже принял решение и теперь просто решил немного поиграть. — И не топчись в реке. Дно скользкое, упадешь, — добавил черный Джо, и прицелился в Джима, придерживая правую руку с револьвером второй.

Про что он? А, во-первых — ручка из слоновой кости. Чтобы Джо понял, что он связался с непростыми людьми... А во-вторых?

— А во-вторых, эти пушки дороги мне как память. Не каждый день убиваешь вампира, знаешь ли.

Ствол револьвера черного Джо слегка дрогнул и немного опустился вниз. Джо смотрел с недоверием. В кустах хохотнули и прокомментировали:

— Вот ведь врёт!

— Нет, я и не претендую. Вампира убил рейнджер. Йем. Может видели, он ездит на трицикле?

— С вами рейнджер? — испуганно спросили из кустов.

— Рейнджеры не вмешиваются в дела людей! — рявкнул Джо куда громче, чем следовало. Похоже, его терпение стало подходить к концу. Но он все еще не стрелял. Это был хороший знак.

— Так и дела у нас не совсем людские, — хмыкнул Джим. — Иначе их бы не поручили самому Биллу.

— Какому Биллу? — заглотили наживку кусты.

— Ну, Билл! В Дивизии его кличут Героем. Билл Герой, неужто не слышали? По всей Дивизии нет человека с заслугами больше чем у него. Про него такое говорят! Но я сам не видел, может и врут, так что пересказывать не буду. Что я точно знаю, так это то, что в Гномтауне Билл Герой заимел себе целый круизер, чтобы добраться до побережья. Так вот уже на круизер и напали вампиры. Они, наверно, тоже не слышали про Билла. Поэтому и умерли. Главного убил Йем, тут врать не буду, но одному голову оттяпал Билл. Это я сам видел. Ну и Билл тут не один. С ним еще этот зверюга, Гарри Топор. Топором его прозвали за то, что тот все время норовит подобраться поближе и пустить в дело топор. А еще Валентин Десять из Девяти, его так прозвали за то, что он однажды умудрился уложить десятерых девятью пулями. Меткий как Йем, только злобный как бешеный койот. Хотя, если уж говорить о злобности, то тут Гарри Топор всех уделает. Знаете, довелось мне посмотреть вблизи на боевых упырей вампиров и я вам прямо скажу — на фоне Гарри они казались вполне приличными джентльменами...

— А ты у нас кто, — напряженным голосом спросил Джо. — Джим Убийца Древних?

Бандит выдавил неестественный смешок. Ствол револьвера в его руке дрожал. Возможно, просто рука устала.

— Нет. Я Джим. Малыш Джим. Кто-то же должен носить воду, верно? Просто они меня любят, поэтому иногда подкидывают всякий хлам, который им не пригодился. Помню, как-то Йем убил при мне горгу...

— Какой еще Йем! — заорал Джо! — Какая горга?! Ты же говорил что вы зацепились с вампирами.

Джим вздохнул.

— Йем. Рейнджер. На трицикле. Помнишь, я о нем говорил? Это же рейнджер, его хлебом не корми, дай убить немертвого или бандита. Не знаю, почему, но вот бандитов он особенно не любит. Как-то попали мы в засаду. Бандитов было человек двадцать. Убил всех. Ну, ладно, соврал. Одного оставил. Руфуса. Но Руфус сразу понял, что они всего-то в двадцать рыл против рейнджера не вывезут. Ну и вообще, на рейнджера ствол поднимать дело не просто подлое, а богомерзкое. Руфуса попинали связали и в стороне бросили. так что, я так думаю, он уже не в банде был Не считается. А остальных всех убил. Для сравнения могу сказать, случай был, напали на меня как-то раз индейцы, так он им руки сломал, но никого не убил. Нарочно, я имею ввиду...

— Теперь еще и индейцы? Дай угадаю, целое племя? — оскалился Джо в полубезумной ухмылке, но смеяться не стал.

— Нет, ну как племя. Маленькое только если. Не так, чтобы прям много их было. Да и не рассмотрел я толком, ночь была, это рейнджеры в темноте как кошки видят. Так, стоп. Джо ты меня так запутаешь. Давайте по порядку. Все началось с того, что один городок далеко на западе осадили мертвяки. Как же он назывался? С утра название не могу вспомнить. Ну, не суть. Итак, проглядели городские целый выводок упырей. Перекочевали, может, откуда. Много и, главное, матерые такие упыри. Начали нападать на людей. Вырезали половину ферм, убили шерифа и его помощников. И тут приезжает Йем. У рейнджеров ведь нюх на такие дела, сам знаешь...

Джо выстрелил. И промахнулся.

Джим припал за уже давно наполненную водой канистру, одновременно выхватив револьвер правой рукой. Прикрываясь канистрой от Джо, он начал палить по разговорчивому кусту. Стрелять было неудобно, но Джим и не планировал убить всех в бандитов в лесу — скорчившись за канистрой он отползал к бревну на “своем” берегу. Главное было не дать нормально в него прицелиться, пока он не укроется. Торчащая из воды разлапистая коряга, которую Джим давно уже присмотрел, обещала хорошее укрытие, но до неё было ещё метров двадцать. Вокруг Джима поднялись фонтанчики воды от пуль — из леса тоже начали стрелять. Вдруг, тяжелый удар чуть не вывернул канистру из рук. Прямо рядом с лицом Джима на канистре выросла здоровенная шишка. Пуля пробила одну стенку и ударилась во вторую, к счастью не пробив. Но за первой пулей немедленно последовала вторая — похоже, Джо пристрелялся и, за неимением лучшей цели, теперь расстреливал канистру.

Из кустов выпал человек. Судя по дыре вместо глаза, он был уже не опасен. Джим был точно уверен, что это не его рук дело — он в этот момент как раз поскользнулся и плюхнулся задницей на дно. Впрочем, сути дела это не меняло — Джим начал стрелять туда, где видел ствол ружья еще в самом начале беседы. Джо его пока беспокоил меньше всего.

— Я вырву твой болтливый язык, мелкий ублюдок, — заорал Джо, когда у него кончились патроны. Он схватился за револьвер и начал его лихорадочно перезаряжать. Джим бросил быстрый взгляд на холм и увидел, что оттуда едет трицикл с Биллом за рулем и с Гарри на пассажирской лавке. На верху холма стояли Йем и Валентин со своими длинными винтовками и смотрели через прицелы на речку.

Джим выстрелил в Джо — со стороны холма бандита было никак не достать. Джим выстрелил больше для того, чтобы обозначить — тут есть еще один враг! Указать, где Джо сидит. Выстрелил не целясь, навскидку. И, к своему удивлению, попал. Прямо в револьвер. Черный Джо некоторое время смотрел вслед своему отлетевшему далеко в сторону от прямого попадания сразу двух пуль револьверу, потом перевел взгляд на свои изломанные пальцы и заскулил. И бросился бежать. Прочь от Джима, прямо навстречу Биллу на трицикле.

Джим был последователен. Он добрался до коряги. Укрылся там как следует. Перезарядился. И только после этого отозвался на зовущий его голос Билла.

— Вы точно всех убили? — спросил Джим.

— Ты сам-то не ранен, парень? — с неожиданным беспокойством в голосе крикнул Гарри.

Джим ощупал себя. И ответил:

— Вроде нет!

— Вот я тебе, значит, всыплю по первое число! — тут же заорал Гарри.

— За что? — возмутился Джим.

— Было бы за что, убил бы! — не растерялся Гарри.

Соблюдая все предосторожности, они отступили. Йем не поленился, а съездил и проверил противоположный берег ручья. По возвращению бросил в грузовик три ружья и заявил, что нападавших было шестеро, считая Джо. К счастью для Джима, все они были довольно бестолковые стрелки. В Джима могли стрелять только двое, которых благополучно застрелили Йем и Валентин уже после первых выстрелов. остальные тут же бежали. Да еще как, один даже потерял ружье.

Джим не зря заговаривал Джо зубы — Гарри устал ждать воду и глянул на реку. Тут же

заподозрил неладное, увидев как Джим общается с кем-то невидимым и явно пятится прячась за канистру. Гарри тут же начал всех будить. Схватить оружие и взять на прицел подозрительные кусты Йем и Валентин успели за считанные секунды до начала стрельбы. А потом отстрелялись по вспышкам. Трицикл Йема и так всегда стоял под парами, поэтому Билл и Гарри, не долго думая, рванули на нем вниз.

Заккари Хьюз, обладатель роскошных усов, единственный прошедший крещение кровью в особняке вампира из ополчения Гномтауна и потому ошарашенный возможностью рискнуть жизнью еще раз в их экспедиции, все это время караулил возможное нападение с другой стороны холма. Поэтому в спасении Джима он никак не поучаствовал. Зато Заккари оказался единственным, кто не ругал Джима, а даже похвалил его.

Черный Джо оказался довольно прытким малым. Даже потеряв револьвер и три пальца, он смог не меньше пятнадцати секунд бегать от трицикла. Трицикл перевернулся, посчастлив не покалечив никого из своих седоков. Это дало Джо фору, если бы Валентин не стал стрелять в землю перед ним. Джо заметался и тут его догнал Гарри. После этой встречи Джо потерял также передние зубы и сознание. Его связали и бросили в грузовик. Йем отправился на разведку, Билл, Гарри и Джим вкатили трицикл обратно на холм. В запале они сделали это даже быстрее, чем Джим до того затаскивал туда канистры с водой. Как только рейнджер вернулся, они быстро собрали пожитки и двинулись дальше. Даже без завтрака.

Через полчаса они уже тряслись по полузаросшей дороге древних. Билл сидел за картой, Гарри хмуро пырился на Черного Джо, который старательно притворялся, что все еще находится без сознания.

Настроение у всех было не очень, ведь пришлось отправиться дальше без завтрака и голод давал о себе знать.

— Вспомнил! — вдруг хлопнул себя по бедрам Джим. Он пнул Джо и сказал ему:

— Палм Дезерт! Мы встретились с Йемом в городе Палм Дезерт! Отличный город скажу я вам, в нем живут добрейшие люди.

— А еще там делают лучший бурбон из всех, что я пробовал, — сказал Йем. В этот раз он ехал в грузовике. Похоже, Билл что-то повредил в трицикле, но рейнджер не стал поднимать эту тему. Просто вкатил трицикл по настилу в кузов грузовика и залез туда сам.

— Он под Дивизией? — тут же заинтересовался Гарри. — Палм Дезерт?

— Нет. Но не так уж и далеко. И слишком близко к Великой Пустоши. Зато хорошо укреплен. — отрывисто ответил Йем.

— Нарисуй нам карту, — крикнул Билл из кабины.

— А я вам рассказывал, как меня чуть не поймали индейцы? — сказал Джим и хихикнул.

— Кодекс ордена запрещает врать, парень, а я просто не смогу не рассказать, как именно они тебя чуть не поймали, — тут же отозвался рейнджер.

Джим посмотрел на него и понял, что Йем улыбается. Джим улыбнулся в ответ. И начал рассказ:

— В общем, ночуем мы в Пустоши. И тут мой желудок решил, что пришло время подышать свежим воздухом... — начал Джим.

— О, история которая начинается с говна, это всегда хорошая история, — крикнул сидящий за рулем Заккари, ухмыляясь в усы. — Говори громче, парень, не хочу ничего пропустить!

Глава 30. Хороший конец

Риверпоинт был огромен. На фоне его меркли и Палм Десерт и Гномтаун. Даже видевшие Столицу Дивизии Сержанты были впечатлены.

Миновав массивные стены, они ехали по городу не меньше получаса.

— Да тут полдня надо, чтобы его из конца в конец пройти! — поражался Джим.

Крузер проехал вдоль стен, прямо в стоящий несколько наособицу гномий квартал. Там их уже ждали. Билл передал радостно встретившим их гномам письмо от Трака. И сдал им на руки Черного Джо.

— Пусть пока посидит тут, — сказала Дайман Шовэл, улыбчивая гномка в пышном платье и внушительным бюстом. — Если повезем данам сейчас, они будут разбираться три дня. И вас на это время задержат. А я хочу, чтобы вы поехали с моими парнями, на всякий случай. Чтобы уж наверняка не заплутали.

На черного Джо надели плотный мешок и увели.

Сержанты и Джим с Йемом едва успели позавтракать и размять ноги, как их уже ждали две машины. Внутри запчасти и угрюмые гномы с большими пушками, снаружи сталь и знаки гномьей гильдии.

— Кто такие даны? — спросил вдруг Джим. Этого никто не знал, но настоящий мужчина всегда все знает. Поэтому все дружно промолчали. К счастью, вопрос паренька услышала и Дайман.

— А, даны. Они не местные. Хорошие парни, если их не злить. Захватили город года два назад и теперь медленно прогибают под себя округу. Немного придурочные, но что с них взять, они же из европы...

— Европы? — вскинулся Джим. — Мне нужно в Европу! Они смогут меня отвезти туда?

Дайман смерила Джима тем самым взглядом, которым умели смотреть только гномы. Снизу вверх, но свысока.

— Тебе лучше спросить об этом их самих. Но для этого, имеет смысл быть тем, кого они станут слушать.

Джим замялся и задумался. Впрочем, времени на расспросы у них не оставалось, стоявшие вокруг гномы недвусмысленно кряхтели и переминалась с ноги на ногу. Пора было выдвигаться назад.

Самые трудные дни, как правило, спекаются в памяти в единый мутный ком. Обратная дорога к крузеру, его ремонт, а потом поездка снова в Риверпоинт, заняла пять дней. Крузер постоянно ломался, не мог преодолеть речки и подъемы, которые и не заметили Билл с остальными на своем старом грузовике. На обратном пути приходилось валить деревья, мостить гати, ставить лебедки.

Это был трудный путь.

Но Джим все выпрашивал молчаливых гномов Риверпоинта о данах, о Европе, о том возможно ли переплыть океан. Нельзя сказать, что те отмалчивались. Но Билл бы не смог сказать, что они ответили хоть на один вопрос.

Когда они наконец вернулись обратно в Риверпоинт вместе с “Ласточкой” и вагонами, даже сержанты, даже Джим, даром что видели этот город всего несколько часов, сразу же поняли, что что-то изменилось.

Все предместья были безлюдны, стены обновлены, а досмотр на воротах, в отличии от прошлого раза, проводили сами даны.

Джим явно немного растерял свой энтузиазм. Эти люди выглядели неприятно чуждыми и очень опасными. Длинные волосы и бороды, татуировки на руках и лицах. Разве что дорогая одежда и великолепное оружие не позволило бы их спутать с дикарями из пустошей.

Их паровоз осмотрели внимательно. Открыв каждый ящик и убедившись, что там нет ничего, кроме указанного в декларации груза, даны пропустили их.

— Похоже, пока нас не было, у вас что-то случилось, — сказал Билл вместо приветствия, встретившей их в гномьем квартале Дайман Шовэл. Тут перемены были еще разительней — окна и лавки были закрыты деревянными щитами из толстых досок, на улице дежурили вооруженные люди и гномы.

— Да, — ответила та, и её улыбочивое лицо было непривычно серьезным. — Сначала сюда пришел некто, кто назвал себя Добрым Доктором. Это очень странный человек...

— Это гробарь, — вмешался рейнджер. — Не уверен, что это вполне человек.

— Да, гробарь кого хочет в тоску введет, — хмыкнул Билл. — Надеюсь вы его не убили?

— Он сидит у северных ворот. Уже два дня. В город войти не пытался. Колокольного звона не боится. Пока даны к нему присматриваются. Мы знаем, кто такие гробари, о них рассказывали люди, живущие далеко на западе. Говорят, раньше гробари даже иногда забредали в Риверпоинт. Даны относятся к нему... Странно. Но не трогают.

— Я поговорю с ним, — сказал Йем. — Выясню, чего он хочет.

— Говорить с гробарем, как говорить с безумцем, только это не так разумно, — выдал Билл старую поговорку.

— Я умею говорить с гробарями, — отозвался рейнджер.

— Он может связно изъясняться, — сказала Дайман.

— Тогда это не гробарь, — нахмурился Билл. Он хорошо помнил те молчаливые фигуры, споро перерабатывающие трупы упырей после битвы на Лысом Холме.

— Или, это действительно Добрый Доктор, — сказал Йем странным голосом. Сержанту даже на секунду показалось, что он почувствовал в голосе рейнджера волнение.

Дайман Шовэл подняла руку и мягким, но властным голосом сказала:

— Я не закончила. Этот... Добрый Доктор, сказал, что на город движется армия вампиров. Они хотят отомстить. Кому и за что, он не знает. У данов есть летающие лодки. Они отправили их на разведку и нашли орду. Они назвали это ордой. Если я правильно поняла, то это как волна, по нашему. На нас идет Мертвая Волна, парни.

Больше книг на сайте - Knigoed.net